

Къ вопросу о датѣ возвращенія Креста Господня въ Іерусалимъ изъ персидскаго плѣна.

Возвращеніе Креста Господня изъ персидскаго плѣна и водвореніе его въ Іерусалимъ, — событія такого великаго значенія для современниковъ, — засвидѣтельствованы въ преданіи византійскихъ хронистовъ крайне скудно и притомъ въ двухъ противорѣчивыхъ версіяхъ. По одной изъ нихъ, которую представляетъ Теофанъ, Крестъ Господень былъ возвращенъ Ираклію первымъ преемникомъ Хозроя, царемъ Широю. Свидѣтельство объ этомъ имѣетъ видъ краткаго общаго замѣчанія, прибавленнаго въ заключеніе весьма полнаго и детального описанія послѣдняго похода Ираклія въ Персію, имѣвшаго роковыя послѣдствія для Хозроя, и дано въ такихъ словахъ: — Тогда Широю пишетъ Ираклію, оповѣщая его о гибели нечестиваго Хозроя и заключивъ съ нимъ (Иракліемъ) вѣчный миръ, выдалъ ему всѣхъ, находившихся въ заточеніи христіанъ и содержавшихся въ Персіи плѣнныхъ, вмѣстѣ съ патріархомъ Захаріей и честнымъ кивотворящимъ древомъ, которое было увезено изъ Іерусалима Шахрбаромъ, когда онъ его взялъ¹⁾. — Военныя событія послѣдняго похода Ираклія въ Персію и его послѣдствія для царя Хозроя, а также и это заключительное замѣчаніе отнесены Теофаномъ къ 7 году правленія Ираклія. Подъ 18-мъ — Теофанъ рассказываетъ о возвращеніи Ираклія въ столицу, сводя это событіе къ описанію торжественной встрѣчи императора клиромъ, синклитомъ и народомъ въ Іеріи, на азіатской сторонѣ Босфора, причемъ вовсе не упомянуто о Крестѣ Господнемъ, который, по предыдущему сообщенію того же автора, былъ уже возвращенъ Ираклію царемъ Широю. А подъ 19-мъ годомъ помѣщено извѣстіе объ отъѣздѣ Ираклія,

¹⁾ *Theoph.* 317 — передаю буквально, не устранивъ шероховатостей стиля.

«въ началѣ весны» на востокъ и водвореніи Креста Господня въ Іерусалимѣ.

Гораздо полнѣе и богаче подробностямъ, касающимися судьбы Креста Господня, другая версія, которую сохранилъ Никифоръ. По его сообщенію, въ отвѣтъ на первое обращеніе преемника Хозроя, Широе, полученное въ Арменіи, Ираклій потребовалъ немедленнаго возвращенія Креста Господня. Но Широе этого требованія не исполнилъ и писалъ Ираклію, что Крестъ будетъ отосланъ, когда его удастся найти. Вскорѣ Широе впалъ въ тяжкую болѣзнь и скончался. Въ предсмертномъ письмѣ онъ просилъ Ираклія принять подъ свое покровительство его младенца сына, и Никифоръ сохранилъ цитату изъ этого письма такого содержанія:— «Какъ по вашимъ вѣрованіямъ вашъ Богъ былъ врученъ старцу Симеону, такъ я предаю въ твои руки раба твоего, моего сына. Да узритъ Господь, какъ ты съ нимъ поступишь» ¹⁾.—Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи Никифоръ рассказываетъ о сближеніи Ираклія съ Шахрбаразомъ и заключеніи договора съ нимъ, по которому были очищены отъ персидскихъ гарнизоновъ занятые ими области имперіи и отосланъ Ираклію Крестъ Господень. О возвращеніи Креста Никифоръ говоритъ такъ: «Самъ онъ (Ираклій), получивъ Животворящее древо запечатаннымъ, какъ оно было увезено (изъ Іерусалима), прибылъ въ Іерусалимъ и отдалъ его епископу Модесту и клиру. Они признали печать цѣлою и возблагодарили Бога за то, что Креста не касались нечистыми руками варвары. Патріархъ принесъ ключъ, хранившійся у него, и всѣ совершили поклоненіе открытому (Древу). Когда оно было тамъ (т. е. въ Іерусалимѣ) воздвигнуто, царь тотчасъ отослалъ его въ Византію... Шелъ второй индиктъ, когда это случилось. Вскорѣ затѣмъ Ираклій отправился въ Византію» ²⁾.

Не входя въ разъясненіе и критику приведенныхъ извѣстій, укажемъ лишь на главный пунктъ разногласія Никифора съ Теофаномъ: Крестъ былъ полученъ отъ Шахрбараза и немедленно привезенъ Иракліемъ въ Іерусалимъ, послѣ чего Ираклій отправился

¹⁾ Никифоръ не упоминаетъ имени Ардашира, извѣстнаго намъ изъ другихъ источниковъ, и преемника Широе называетъ двухъ царей—*Καβόης* и *Ορμισδα*; которые будто бы умерли одинъ за другимъ. *Brev. p.*, 21, 4.

²⁾ *Nicéph. Brev. p.*, 22, 3—19.

и самъ въ Константинополь ¹⁾. Эти событія Никифоръ датируетъ вторымъ индиктомъ, т. е. годомъ отъ 1 сентября 628 до 31 августа 629.

Бароній въ своихъ *Annales Ecclesiastici*, сославшись на свидѣтельство Теофана, отнесъ возвращеніе Креста Ираклію и водвореніе его въ Іерусалимъ къ 628 году и безъ всякихъ основаній связалъ послѣднее событіе съ праздникомъ Воздвиженія Креста ²⁾. Ему послѣдовалъ и Гиббонъ. Лебо въ своей *Histoire du Bas-Empire* (т. XI изд. S. Martin, стр. 168—69), отнесся болѣе внимательно къ свидѣтельству того же Теофана, приурочилъ возвращеніе Креста въ Іерусалимъ къ 629 году, удержавъ мнимую связь его съ днемъ 14 сентября. Драпейронъ въ своей монографіи объ Иракліи (1869) принялъ тотъ же годъ для водворенія Креста въ Іерусалимъ, а на 14 сентября 628 года помѣстилъ фантастическое событіе: торжественное водвореніе Креста Господня въ константинопольскомъ храмѣ св. Софіи. Дату 14 сентября 629 года принималъ также столь авторитетный ученый и глубокий критикъ, какимъ былъ проф. Нэльдке ³⁾.

Въ новѣйшей монографіи объ Иракліи, принадлежащей итальянскому ученому Перниче (*Imperatore Eraclio. Firenze. 1905*), принята та же самая дата, и ученый авторъ постарался подтвердить приуроченіе событія къ 14 сентября весьма сомнительными свѣдѣніями позднѣйшихъ западныхъ источниковъ (*Appendix III*, стр. 319—320). Въ противоположность своимъ предшественникамъ, Перниче въ изложеніи общаго хода событій принялъ версію, сохраненную Никифоромъ. Его побудило къ тому не только знакомство съ весьма важнымъ, для событій того времени, армянскимъ историкомъ Себеосомъ, сколько свидѣтельство новаго источника, какимъ явилась поэма пѣвца славы Ираклія, Георгія Писиды, на возвращеніе Креста въ Іерусалимъ. Заслуга опубликованія этого памятника принадлежитъ Штернбаху (*Wiener Studien*, т. XIII). Скучная въ смыслѣ сообщенія историческихъ данныхъ, эта поэма начинается съ такого возгласа: — «Торжествуй Голгова! Вся тварь чтитъ тебя опять и

¹⁾ Сообщеніе Никифора, что Крестъ былъ немедленно отосланъ изъ Іерусалима въ Константинополь, не соответствуетъ истинѣ. Это случилось лишь послѣ битвы при Ярмукъ, когда Ираклій потерялъ надежду отстоять Сирію отъ арабовъ.

²⁾ Томъ XI новаго изданія.

³⁾ *Nöldeke*, *Tabari*, 392, прим. 1.

именуеъ пріемницей Бога, ибо царь, прія изъ Персіи (ἐκ Περσίδος ἀφικόμενος), показываетъ въ тебѣ водруженный Крестъ»... Слова: «прія изъ Персіи» побудили Перниче произвольно дополнить свѣдѣнія источниковъ предположеніемъ, высказаннымъ въ категорической формѣ, о томъ, будто Ираклій перешелъ изъ Арменіи, гдѣ онъ находился по окончаніи войны, въ Сирію (но въ ту пору Сирія еще не была эвакуирована персами).

Задолго до того, когда вышла въ свѣтъ монографія Перниче, хронологіей событій времени Ираклія занимался нашъ знаменитый ученый, профессоръ Петербургской Духовной Академіи, В. В. Болотовъ, скончавшійся въ 1900 году. Изъ бумагъ покойнаго былъ извлеченъ его неоконченный этюдъ, который появился въ журналѣ «Византійскій Временникъ» за 1909 годъ (т. XIV). Болотовъ началъ свое изслѣдованіе съ доказательства того положенія, что Ираклій вернулся въ столицу осенью 629 года, а не немедленно по окончаніи войны въ 628 году, какъ это принимали всѣ ученые, касавшіеся этого вопроса раньше. Пребываніе Ираклія въ Арменіи Болотовъ связалъ съ его заботами объ устраненіи церковнаго раскола и на конецъ 628 и начало 629 года помѣщалъ соборъ въ Оеодосіополѣ (Каринѣ), на которомъ армянская церковь приняла Халкидонскій соборъ. На ряду съ этой, весьма слабой гипотезой, Болотовъ выставилъ другую, а именно, что Крестъ былъ возвращенъ немедленно по смерти царя Широа отъ имени малолѣтнаго преемника его Ардашира посольствомъ, которое исполняли католи코스 Ишоабъ, вступившій тогда-же въ церковное общеніе съ Иракліемъ. Болотовъ предполагалъ, далѣе, что Крестъ былъ отосланъ въ столицу раньше возвращенія императора, а не привезенъ имъ самимъ осенью 629 г. Исправляя показаніе Оеофана о 19-мъ годѣ правленія Ираклія, какъ датъ водворенія Креста въ Іерусалимъ, на основаніи другихъ сохранныхъ Оеофаномъ свидѣтельствъ, Болотовъ отнесъ поѣздку Ираклія на востокъ и водвореніе Креста въ Іерусалимъ къ 630 году. Въ поискахъ для опредѣленія дня возвращенія Креста въ Іерусалимъ Болотовъ остановился на существованіи у коптовъ праздника Креста Господня 6 марта и предположилъ, что этотъ праздникъ установленъ былъ въ память именно этого событія. Крестопоклонная недѣля

въ тотъ годъ приходилась на день 21 марта, и въ этотъ именно день Крестъ былъ воздвигнутъ на Голгофѣ.

Такой тонкій критикъ, какимъ былъ покойный Болотовъ, допустилъ въ этомъ этюдѣ цѣлый рядъ слабо обоснованныхъ гипотезъ и предположеній, и его друзья, издавшіе этотъ незаконченный имъ этюдъ безъ провѣрки и дополненій въ доказательствахъ выставленныхъ имъ гипотезъ, отнеслись безъ должнаго уваженія къ его ученому авторитету. Изъ всѣхъ выводовъ Болотова несомнѣнное значеніе должно быть признано только за однимъ, а именно, что Праклій вернулся въ столицу не раньше осени 629 года и, проживъ тамъ зиму, ранней весной 630 года отправился въ Іерусалимъ, гдѣ водворилъ Честной Крестъ, а затѣмъ отбылъ на востокъ. Къ такой хронологіи событій Болотовъ пришелъ кружнымъ путемъ критики разнообразныхъ свидѣтельствъ преданія и собственныхъ гипотезъ, но установленныя имъ даты находятъ полное подтвержденіе въ одномъ современномъ источникѣ, который остался ему неизвѣстенъ. Разумѣю Мученическіе Акты Анастасія Перса въ изданіи Узенера по неизданнымъ дотолѣ греческимъ подлинникамъ (акто-ния программа Боннскаго университета) ¹⁾. Этотъ текстъ существенно отличается отъ того, по которому былъ сдѣланъ латинскій переводъ, вошедшій въ изданіе Болландистовъ *Acta Sanctorum* подъ 22 января, тѣмъ, что, кромѣ повѣствованія о жизни и мученической смерти Анастасія, онъ заключаетъ рассказъ о водвореніи мощей святого изъ Персіи въ Палестинскій монастырь св. Оеодосія, въ которомъ онъ проживалъ въ теченіе десяти лѣтъ послѣ своего обращенія. ²⁾ Текстъ этотъ написанъ современникомъ и очевидцемъ пребыванія Ираклія въ Іерусалимѣ, который воспользовался отъѣздомъ императора изъ Іерусалима въ Месопотамію, чтобы совершить путешествіе въ Персію, имѣвшее цѣлю привезти мощи Анастасія въ родной ему монастырь. Годъ пребыванія Ираклія въ Іерусалимѣ,

¹⁾ *Acta martyris Anastasii Persae graece primum edidit Hermannus Usener.* Воннае. 1894.

²⁾ Дата мученической смерти Анастасія показана въ греческомъ текстѣ неверно и должна быть исправлена на 22 декабря, какъ это выяснилъ *Nöldeke* въ своемъ переводѣ арабскаго историка Табари стр. 296, прим. 1. Декабрь и январь назывались у свирйцевъ однимъ именемъ: *kenin*—первый и второй. Въ данномъ случаѣ былъ *kenin* первый.

авторъ обозначаетъ такъ: «въ третій индиктъ, двадцатый годъ своего царствованія». Присоединившись къ свитѣ царя, монахъ доѣхалъ съ нимъ до Константины (Телла) и оттуда уже одинъ отправился въ Персію, осуществилъ свое благочестивое намѣреніе и, овладѣвъ останками Анастасія, привезъ ихъ по другой дорогѣ, черезъ пустыню, на Пальмиру и Тиръ въ Палестину. Онъ возвратился въ родной монастырь 2 ноября пятого индикта, т. е. 631 года ¹⁾—Это свидѣтельство устанавливаетъ справедливость показанія Теофана, что Праклій вернулся въ столицу раньше, чѣмъ водворилъ Крестъ въ Іерусалимъ. Отсюда слѣдуетъ, что слова ἐκ Περσίδος ἀφικόμενος у Георгія Писиды не имѣютъ того значенія, какое имъ далъ Перниче, а должны быть истолкованы въ болѣе общемъ значеніи—послѣ возвращенія съ войны съ персами.

Сообщеніе Никифора о цѣлости печатей на ящикѣ, въ которомъ былъ привезенъ Крестъ въ Іерусалимъ, и тожествѣ ихъ съ тѣми, которыя были наложены при отправкѣ Креста въ Персію Шахрбаромъ, сохранности у патріарха ключа отъ ящика, все это обрывки легендъ, возникшихъ позднѣе въ оправданіе и доказательство подлинности Креста. Въ сирійскихъ источникахъ имѣются прямыя свидѣтельства о томъ, что Крестъ не остался подъ спудомъ. Іездинтъ, главный начальникъ финансоваго управленія въ Персіи при Хозроѣ, пользовавшійся большимъ его расположеніемъ, христіанинъ несторианскаго исповѣданія, взялъ часть отъ Животворящаго Древа съ разрѣшенія Хозроя и поднесъ драгоцѣнный золотой крестъ съ частицей Креста Господня знаменитому отшельнику Маръ-Бабаю, подвизавшемуся въ горахъ Изалы ²⁾.

Если мученическіе акты Анастасія удостовѣряютъ годъ событія, то новый памятникъ, изданный проф. Марромъ въ 1909 году, далъ намъ свидѣтельство современника о днѣ прибытія Праклія въ Іерусалимъ. Разумѣю «Повѣсть о плѣненіи Іерусалима», принадлежащую монаху монастыря св. Саввы близъ Іерусалима, Антиоху Стратигу ³⁾. Извлеченіе изъ этого творенія было опубликовано въ арабскомъ текстѣ съ французскимъ переводомъ въ журналѣ *Revue de l'Orient Chrétien*

¹⁾ О. с. р. 12, а, 34; 14 b, 6.

²⁾ *Script. Syri*, ser. 3, t. 4, Chron. min. 1 (1903), p. 21—22 (*Anonym. Guidi*).

³⁾ Тексты и изслѣдованія по армяно-грузинской филологіи. Вып. IX. СПб. 1909.

за 1897 годъ. Проф. Марру посчастливилось найти полный его текстъ на грузинскомъ языкѣ, который онъ издалъ съ русскимъ переводомъ и обширнымъ изслѣдованіемъ въ видѣ предисловія. Весьма подробное, расцвѣченное риторикой, повѣствованіе Антиоха заканчивается краткимъ сообщеніемъ о возвращеніи Креста Господня въ Іерусалимъ. Позволю себѣ привести изъ него слѣдующее свидѣтельство:—Въ лѣто семнадцатое отъ плѣненія Іерусалима, въ третій годъ по убіеніи Хозроя, въ двадцать первый годъ по воцареніи Ираклія, третьяго индикта персидскій военачальникъ Разми Озанъ (т. е. Шахрбаразъ) убилъ персидскаго царя Ардашира. Разми-Озанъ завладѣлъ царствомъ, подружился съ греками и пожаловалъ царю Ираклію животно-творящій Крестъ Христовъ въ благодарность, какъ сокровище всего міра и какъ обогащающій даръ. А царь Ираклій принесъ его въ Іерусалимъ, куда прибылъ съ Мартиною... Вступилъ къ намъ въ Іерусалимъ двадцать перваго марта, водрузилъ опять на своемъ же мѣстѣ славное и честное древо Креста, запечатанное по прежнему въ ящикѣ, какъ онъ былъ взятъ. Ящикъ оставался, какъ ковчегъ завіѣта, нераскрытымъ среди иноплеменниковъ... 1).

Сравненіе Креста съ ковчегомъ завіѣта въ судьбѣ его среди иноплеменниковъ является указаніемъ на возникновеніе легенды, которая была извѣстна Никифору, какъ указано выше.

Мученическіе акты Анастасія и повѣсть Антиоха Стратига должны бы, казалось, устранить всякія сомнѣнія въ опредѣленіи даты возвращенія Креста въ Іерусалимъ. Но этого не случилось, и въ апрѣльской книжкѣ журнала *English Historical Review* за 1912 годъ англійскій ученый Норманъ Бейнзъ, ознакомившись со статьей проф. Болотова, выступилъ съ полемикой противъ 630 года и пытался доказать правильность датировки этого событія 629 годомъ, какъ ее принялъ по старой традиціи Перниче. 2)

Поводомъ къ этой полемикѣ послужило то обстоятельство, что въ поэмѣ Георгія Писиды сдѣлано указаніе на то, что вѣсть о водвореніи Креста въ Іерусалимъ пришла въ Константинополь въ Лазареву субботу. Въ 630 году Лазарева суббота приходилась на 30 марта, а въ 629—на 9 апрѣля. Принимая въ соображеніе

1) О. с. стр. 65 рус. перевода.

2) *Norman Baynes, The Exaltation of the Cross.*

тогдашнія средства сообщенія, Бейнзъ находилъ промежутокъ между 21 и 30 марта слишкомъ краткимъ для того, чтобы могло прійти извѣстіе изъ Іерусалима въ столицу и считалъ болѣе правильнымъ держаться 629 года. Вступивъ въ переписку съ г. Бейнзомъ, я узналъ отъ него, что, ознакомившись съ актами Анастасія, онъ считаетъ вопросъ рѣшеннымъ въ смыслѣ 630 года и постарается въ печати отказаться отъ высказаннаго имъ недавно мнѣнія. Весьма детальный анализъ матеріала византійскихъ хронистовъ, который представилъ Бейнзъ въ своей статьѣ, не лишаетъ ея ученаго значенія, несмотря на ошибочность положенія о датѣ, которую онъ отстаивалъ.

Въ заключеніе этого обзора позволю себѣ указать на одно свидѣтельство хроника Михаила Спрійца, которое является подтвержденіемъ извода Никифора о судьбѣ Креста. — Въ біографіи епископа Севера имѣется такое свидѣтельство: — *Il y avait aussi un général de Mabboug qui était parent du saint (Sévère). C'est celui qui avait ramené de Perse et reçu de Scharbaraz le bois sacré de la Crucifixion et l'empereur Héraclé l'avait reçu de lui à Mabboug* ¹⁾.

Это свидѣтельство, являясь въ дополненіе къ другимъ, сохраненнымъ у Себеоса, Оомы Маргскаго и Табари, позволяетъ представлять себѣ дѣло въ такой послѣдовательности. — Вступивъ въ союзъ съ Шахрбаразомъ въ іюль 629 года на свиданіи въ Арависсѣ Трирѣчномъ, въ восточной Каппадокии, Ираклій оказалъ ему военную поддержку для его похода въ Персію, имѣвшаго цѣлью отстранить своихъ личныхъ враговъ отъ вліятельнаго положенія при дворѣ малолѣтнаго Ардашира и занять первое мѣсто въ государствѣ. Въ ожиданіи исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя Шахрбаразомъ, Ираклій отправился въ столицу и провелъ тамъ зиму, получая, очевидно, оповѣщенія отъ своихъ людей, сопровождавшихъ Шахрбаразъ ²⁾, и отъ него самого о ходѣ дѣлъ въ Персіи. Шахрбаразъ взялъ Ктезифонтъ послѣ сопротивленія (о чемъ сохранилъ свѣдѣніе Табари), отомстилъ своимъ врагамъ, упрочилъ за собой первое мѣсто при малолѣтнемъ царѣ, не посягая на его жизнь (что случилось позднѣе: 17 апрѣля

¹⁾ Michel le Syrien, Chronique ed. Chabot, II p. 427.

²⁾ Въ одномъ армянскомъ источникѣ сохранились имена вождей. См. *Марръ*, *Антіохъ Стратигъ*, стр. 57 предисловія.

630 года) ¹⁾. Военные отряды имперской армии, ходившіе съ Шахрбаромъ въ Персію, вернулись въ Сирію и привезли съ собою Крестъ Господень. Ираклій покинулъ столицу въ концѣ зимы и получивъ въ Іераполѣ (Маббугъ) Крестъ, повезъ его черезъ Тиверіаду (о чемъ поминаетъ Теофанъ) въ Іерусалимъ, куда вступилъ 21 марта 630 года.

Юліанъ Кулаковскій.

---

¹⁾ *Nöldeke*, *Tabari*, 388; 432. точныя свѣдѣнія объ этомъ событіи, сохраненныя Табарі, и свидѣтельства монетъ о двухъ годахъ правленія Ардашира даютъ право отстранить показаніе Антіоха Стратига (стр. 64, 24), будто Ардаширъ былъ убитъ черезъ три мѣсяца послѣ привоза глашенія царемъ. Свою малую осведомленность въ исторіи Антіохъ доказалъ и тѣмъ, что помянулъ въ той же связи о походѣ въ Персію Нарзеса (что случилось при Маврикіи).

Къ біографіи В. Н. Каразина.

Дѣло о закладной.

Занимаясь въ Архивѣ Мин. Вн. Дѣлъ, я нашель дѣло, посвященное вопросу объ утвержденіи данной В. Н. Каразинымъ членамъ Филотехническаго Общества на недвижимое его имѣніе закладной. Вопросъ о закладной находится въ тѣсной связи съ тѣмъ крайне затруднительнымъ матеріальнымъ положеніемъ, въ которомъ очутился въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ г.г. В. Н. Каразинъ. Рѣшаемое до сихъ поръ на основаніи только мѣстныхъ документальныхъ данныхъ, дѣло о закладной оставалось невыясненнымъ, такъ какъ конецъ его находится въ Архивѣ Министерства Внутр. Дѣлъ ¹⁾. Для настоящей статьи я и воспользовался этимъ концомъ.

10 марта 1811 года Высочайшимъ указомъ было утверждено Филотехническое Общество, основанное В. Н. Каразинымъ. «Цѣль оного подобно прочимъ Экономическимъ Обществамъ, въ разныхъ мѣстахъ въ Россіи существующимъ, предположена въ усовершенствованіи разныхъ отраслей хозяйства и промышленности народной, для чего основателями Общества начертаны были особыя правила. По силѣ сихъ правилъ между прочимъ предназначено составить для дѣйствій Общества капиталъ посредствомъ добровольныхъ денежныхъ вкладовъ со стороны членовъ его въ видѣ акцій; пріемъ же денегъ ввѣренъ Правителю дѣлъ Общества, коимъ избранъ былъ ст. сов. Каразинъ, а для обезпеченія Общества въ сей суммѣ, составляющей собственность оного, означенными правилами поста-

¹⁾ Біографъ В. Н. Каразина, Н. Тихій говоритъ: «Чѣмъ кончилось на этотъ разъ дѣло, не извѣстно. Чириковъ, единственный изслѣдователь тяжёбныхъ дѣлъ В. Н. Каразина, о процесѣ 1828 г. ничего болѣе не говоритъ». В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Кіевъ, 1905 г., 267 стр.

новлено въ обязанность Правителю дѣлъ представить изъ имѣнія своего залогъ, на первый случай не менѣе 10 т. руб. асс., и для сего официально совершить закладную въ Гражданской Палатѣ на имя трехъ членовъ Общества, по выбору прочихъ»¹⁾).

Эта закладная была совершена 25 августа 1811 г. на имя трехъ членовъ Общества—ген. Хорвата, подполк. Квитки и маіора Познанского²⁾. Прошло 17 лѣтъ. Въ 1828 году возникаетъ дѣло о закладной по слѣдующему случаю. Кредиторами В. Н. Каразина были предъявлены иски къ нему, для удовлетворенія которыхъ приступлено было къ продажѣ съ публичнаго торга его недвижимаго имѣнія въ с. Кручикѣ Богодухов. уѣзда Харьков. губ., но Каразинъ приостановилъ эту продажу, подавъ въ Слоб.-Украин. Губернское Правленіе заявленіе, что часть его имѣнія заложена имъ Филотехническому Обществу въ 10 т. руб. Губернское Правленіе, разсмотрѣвъ представленную Каразинымъ копію закладной, пришло къ заключенію, что закладная выдана Филотехническому Обществу безсрочно, находилась въ рукахъ самого должника «въ безгласности» болѣе 10 лѣтъ и что кредиторы никакихъ претензій по этой закладной не заявляютъ, само же Общество послѣ Высочайшаго утвержденія существовало недолго и объ немъ «даже и слуху не имѣется», «но при томъ находя, что закладная заключаетъ въ себѣ актъ крѣпостной», съ утвержденія Правит. Сената въ 1828 г. поручило Богодуховскому уѣзд. суду рѣшить вопросъ, можетъ ли при перечисленныхъ выше условіяхъ закладная имѣть законную силу. Богодуховскій судъ рѣшилъ, что закладную слѣдуетъ признать «совершенно недѣйствительною»³⁾. Тогда Каразинъ, спасая свое имѣніе, обращается съ прошеніемъ въ Сенатъ объ утвержденіи этой закладной. Прежде чѣмъ рѣшить это дѣло, Сенатъ обратился къ министру Вн. Дѣлъ съ запросомъ, существуетъ ли Филотехническое Общество или оно уничтожено и что думаетъ министръ объ утвержденіи закладной. Министръ, генераль-адъютантъ Закревскій, въ своемъ

¹⁾ Изъ Рапорта Министра Вн. Дѣлъ Сенату отъ 5 февраля 1830 г. Дѣло Деп-та Гос. Хозяйства и Публич. Зданій, 1 отд., 1 ст., 1830 г., № 185, л. 5 на обор. и л. 6.

²⁾ Копія закладной, сохранившаяся въ бумагахъ Чирикова и приведенная г. Тихимъ, Ор. с., стр. 160, прим. 1.

³⁾ Дѣло.... № 185, л. 3 и 4.

рапортъ Сенату, сообщилъ приведенныя мною уже данныя объ основаніи Филотехническаго Общества и объ условіяхъ возникновенія закладной, о своихъ же свѣдѣніяхъ объ Обществѣ говорить, что Общество, обязанное доносить о своей дѣятельности въ Министерство Вн. Дѣлъ, сначала аккуратно это дѣлало, «повременно, съ самого начала его учрежденія», а съ 1817 г. доставленіе свѣдѣній прекратилось, министерство по этому поводу обратились къ Слоб.-Украин. губернатору, который въ 1826 г. донесъ, что «по достовѣрнымъ извѣстіямъ, собранія Филотехническаго Общества съ давняго времени уже прекратились и оное не существуетъ». Что же касается его мнѣнія о закладной, о которомъ спрашивалъ Сенатъ, то, не входя въ разсмотрѣніе этого вопроса по существу, министр думалъ, что для обезпеченія правъ членовъ Филотехническаго Общества слѣдовало бы немедленно потребовать отъ Каразина отчетности въ употребленіи суммъ, ввѣренныхъ ему Обществомъ ¹⁾.

Между тѣмъ Каразинъ, узнавъ, что Сенатъ по вопросу объ утвержденіи закладной затребовалъ свѣдѣнія и мнѣніе Министра Вн. Дѣлъ, пишетъ прошеніе послѣднему, озаглавливая его «Правителя дѣлъ Филотехническаго Общества ст. сов. и кавалера Каразина покорнѣйшее прошеніе».

«Долгомъ поставляю пояснить оное (дѣло о закладной) съ моей стороны, покорнѣйше прося, въ случаѣ какого либо затрудненія, истребовать отъ меня дальнѣйшіе доводы; ибо въ моихъ рукахъ, по званію моему, находятся *все* бумаги упомянутаго Общества, за исключеніемъ закладной. Хотя нѣтъ положительнаго закона, продолжаетъ Каразинъ, который бы гласилъ изъ слова въ слово, что все утвержденное Высочайшею властью Ею только и уничтожено быть можетъ, но это аксіома, неоспоримая въ Россійской Имперіи. Изъ дѣлъ внутренняго Департамента видно, что рескриптомъ блаженной памяти Государя Императора отъ 10 марта 1811 года, контрасигнованнымъ Министромъ Козодавлевымъ и адресованнымъ на имя тогдашняго Слободско-Украинскаго гражданскаго губернатора Бахтина, Высочайше утверждены какъ существованіе, такъ и правила Филотехническаго Общества; слѣдовательно, и тотъ пара-

¹⁾ Дѣло... № 185, л. 6 на обор., 7 и 8.

графъ сихъ послѣднихъ, въ которомъ предположено выдачею закладной въ Слоб.-Украин. Палатѣ гражд. дѣлъ на имѣніе мое обезпечить вступающую ко мнѣ отъ членовъ сумму. Закладная сія выдана по содержанію упомянутаго параграфа на имя трехъ членовъ Общества *и безсрочно, ибо существованіе условія не ограничивалось временемъ.*

Условіе между членами, постепенно вступающими (какъ и во всѣхъ другихъ обществахъ) съ одной стороны и правителемъ дѣлъ съ другой, могло быть разторгнуто или согласіемъ большинства членовъ, или же Высочайшимъ указомъ; самое согласіе такового большинства предварительно должно бѣ было представиться на Высочайшее утвержденіе. Никакого подобнаго акта не было! Между тѣмъ и законъ десятилѣтія, буде онъ въ безсрочныхъ, на продолжительное дѣйствіе назначаемыхъ условіяхъ, можетъ быть въ виду, *физически не могъ быть соблюденъ.* Ибо прежде истеченія 10 лѣтъ, (кончившихся 1821 года августа въ 25 день), Правитель дѣлъ Филотехническаго Общества Каразинъ былъ лишенъ свободы заключеніемъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Есть и положительный законъ на таковыя случаи (онъ 1827 г. апрѣля въ 18 день былъ вновь обнародованъ Правит. Сенатомъ).

Подобнымъ образомъ благоволите Ваше Высокопревосходительство замѣчанію губернскаго правленія о бездѣйствіи Филотехническаго Общества противоположить истинныя причины одного бездѣйствія, обнаруженные мною въ отзывѣ 1826 года іюня 16 правившему должностъ *гражд. слоб.-украинскаго* губернатора, которыя тогда же, полагаю, Министерству отъ него донесены, т. е. пребываніе мое въ опалѣ, что и донынѣ еще частію продолжается. Ибо, сверхъ того, естественнаго *послѣдствія* оной, на которое я долженъ былъ жаловаться г. управляющему Министерствомъ Юстиціи отъ 2 февраля с. г. и которое вѣроятно Комитету Министровъ, а слѣдовательно и Вашему Высокопревосходительству сдѣлается извѣстнымъ, Г. Статсъ-Секретарь Лонгиновъ поручилъ напомнить мнѣ, что мнѣ было запрещено издавать въ свѣтъ акты Филотехническаго Общества. И дѣйствительно, изданіе оныхъ было остановлено по Высочайшей волѣ во время моего заключенія (смѣю полагать, на то только время), теперь отъ Засѣ зависитъ, благонамѣреннѣйшій Министръ! докладомъ *болѣе* праведливымъ, *болѣе* доброжелательнымъ, разрѣшить упомянутое

запрещеніе ¹⁾; на каковой конецъ я беру смѣлость представить Вашему Высокопревосходительству 10 статей изъ нашихъ Актовъ, напечатанныхъ отдѣльно, во удостовѣреніе Правительства, что въ послѣднихъ ничего, кромѣ истинно полезнаго не будетъ предложено Россійской публикѣ. Но я своей особой не дерзая упреждать Васъ въ патріотизмѣ, ограничиваюсь только всепокорнѣйшимъ прошеніемъ о признаніи выданной мною Филотехническому Обществу закладной имѣющею все прежнее ея значеніе. При разрушеніи нынѣ всего моего состоянія, я не желалъ бы остаться предъ сочленами моими «злостнымъ банкротомъ» (употребя выраженіе Устава), каковымъ дѣлаетъ меня слоб.-украинское губернское правленіе, уничтожая закладную мою безъ особой Высочайшей воли.

С. Кручикъ Богодуховскаго уѣзда Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ. 1830 г. марта 22 дня».

Это обращеніе Каразина къ министру Вн. Дѣлъ съ просьбами по двумъ пунктамъ—по дѣлу о закладной и объ изданіи въ свѣтъ Актовъ Филотехническаго Общества—встрѣтило со стороны послѣдняго самое формальное къ себѣ отношеніе.

Министръ черезъ губернатора приказалъ отвѣтить Каразину, что по дѣлу о закладной онъ свое мнѣніе уже высказалъ Сенату по требованію послѣдняго, поэтому Каразину слѣдуетъ ожидать отвѣта отъ Сената, что же касается ходатайства его о снятіи запрещенія изданія актовъ Филотехническаго Общества, то «имѣя въ виду Высочайшую волю, по коей воспрещено изданіе въ свѣтъ какъ филотехническихъ актовъ, такъ и другихъ литературныхъ произведеній Каразина, я не считаю себя въ правѣ принять на себя испрашиваемаго имъ ходатайства» ²⁾.

Между тѣмъ пока шла эта переписка Каразина съ министромъ, въ Сенатѣ 14 ноября 1830 года было рѣшено дѣло о закладной. Сенатъ, принимая во вниманіе, что закладная Каразина не только въ теченіи 10 лѣтъ послѣ совершенія, но и послѣ долгое время «находилась безгласною», что со стороны членовъ Филотехническаго

¹⁾ Подробности см. въ моей статьѣ: Въ ссылкѣ. Къ біографіи В. Н. Каразина, напечатанной въ Сборникѣ Харьковскаго Ист.-Фил. Общества въ память проф. Е. К. Рѣдина и отд. от.

²⁾ Дѣло.... № 185, л. 12.

Общества никакого иска не предъявляется, что закладная была не у кредиторовъ, а въ рукахъ должника и наконецъ, что и срока платежа полученныхъ Каразинымъ 10000 р. въ ней не означено, между тѣмъ какъ законъ требуетъ обозначенія этого срока, Филотехническое же Общество давно уже прекратило свое существованіе, на основаніи всѣхъ этихъ мотивовъ Сенатъ «не можетъ признать означенной закладной такимъ актомъ, который бы препятствовалъ записанное въ немъ имѣніе обратить на удовлетвореніе долговъ Каразина и потому полагаетъ въ просьбѣ Каразина о восстановленіи силы оной закладной отказать» ¹⁾. Такимъ образомъ дѣло о закладной было рѣшено не въ пользу Каразина; но ему удалось по крайней мѣрѣ отдалить срокъ продажи его имѣнія, такъ какъ это дѣло, благодаря тому, что Каразинъ перенесъ его въ Сенатъ, тянулось почти 2 года. А за этотъ періодъ матеріальныя дѣла Каразина на нѣкоторое время измѣнились къ лучшему. Только въ 1833 г. снова возникаетъ вопросъ о продажѣ имѣнія за невзносъ срочныхъ 400 р. графу Подгоричани-Петровичу, но Харьковское общество обрало путемъ добровольныхъ пожертвованій необходимую сумму, имѣніе Каразина осталось за нимъ.

Евг. Трифилевъ.

---

¹⁾ *Иб.*, л. 14.

Крѣпостное крестьянство на помѣстьяхъ аббатства св. Германа въ началѣ IX ст.

(по даннымъ Полиптика аббата Ирминона).

Отличительныя особенности средневѣковаго серважа—этого своеобразнаго крестьянскаго состоянія, столь характернаго для социально-экономическихъ отношеній эпохи, какъ нельзя лучше отразились въ такъ называемомъ Полиптикѣ аббата Ирминона—описи земельныхъ владѣній аббатства Сэнъ-Жермэнъ-де-Прэ начала IX ст. Обширный историческій матеріалъ, доставляемый названнымъ памятникомъ, съ отчетливостью вырисовываетъ передъ нами внутреннюю жизнь большого помѣстья каролингской эпохи вообще, и жизнь тяглаго земледѣльческаго населенія помѣстья въ частности. Настоящая статья и имѣетъ своею цѣлью краткое обобщеніе данныхъ Полиптика аббата Ирминона, относящихся къ экономическому и правовому положенію несвободнаго французскаго крестьянства современной эпохи,

I.

Извѣстно, что уже въ римскую эпоху крупный земельный собственникъ не имѣлъ возможности непосредственно эксплуатировать свои земли. Съ одной стороны, недостатокъ рабочихъ рукъ, съ другой стороны, поворотъ къ натуральному хозяйству, доведшій до минимума сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ,—все эти условія заставили земельного магната перейти отъ системы плантаціоннаго хозяйства къ системѣ держаній. Въ результатѣ раздѣленіе помѣстья на двѣ части—господскую землю и участки держателей. Это дѣленіе перешло и въ средніе вѣка, и сдѣлалось характернымъ дѣленіемъ помѣстья въ меровингскую и каролингскую

эпохи ¹⁾. Вотъ почему и въ Полиптикѣ каждый фискъ (помѣстье) обычно распадается на двѣ половины—mansus dominicatus или indominicatus—господская земля, и манзы, отданные разнаго рода держателямъ. Въ сохранившейся до насъ части Полиптика господскіе манзы содержатъ нѣсколько болѣе земли, нежели манзы держателей ²⁾. Это касается земли во всѣхъ ея видахъ, считая лѣса и угодья. Что же касается пахотной земли, то количество ея въ манзахъ держателей почти втрое болѣе, нежели въ манзахъ господскихъ ³⁾. Такое распредѣленіе земли вполне естественно: если угодья и въ особенности лѣса не требуютъ приложенія большого количества рабочихъ рукъ, то пашни, какъ разъ наоборотъ, требуютъ самой интенсивной обработки. Вотъ почему первые аббатство предпочитаютъ удержать при себѣ, вторыя стремятся распредѣлить между держателями.

Оставляя въ сторонѣ внутренніе распоряжки господской земли, остановимся на распоряжкахъ той половины помѣстья, которая отдается въ держаніе. Прежде всего познакомимся съ *имущественнымъ* составомъ держательскихъ участковъ.

Единица держанія—*манзъ*. Это сравнительно небольшая частичка земли, на которой обитаетъ (manet) земледѣлецъ-крестьянинъ. Впрочемъ, выраженіе «manet», т. е. «обитаетъ» на участкѣ, не слѣдуетъ понимать буквально. Иногда земледѣлецъ живетъ и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своего участка ⁴⁾, но онъ «manet» на немъ въ томъ смыслѣ, что питается собираемыми съ него продуктами. Съ другой стороны, необходимо отмѣтить, что манзъ не есть компактная масса земли, сосредоточенная въ одномъ мѣстѣ.

¹⁾ См. Brevium exempla ad describendas res ecclesiasticas et fiscales, cap. 810. Boretius, I, 250 sqq.

²⁾ Longnon. Polyptyque, I, 237—243.

³⁾ 16,088 гект. въ первомъ случаѣ и 6,041 гект. во второмъ (Longnon. Ibid.). Кстати замѣтимъ, что лѣса вовсе не занимали $\frac{9}{10}$ всей площади земельныхъ владѣній аббатства, какъ это ошибочно исчислили въ своихъ Prolégomènes Гераръ (891). Новѣйшія изысканія показали, что лѣса занимали лишь около $\frac{1}{3}$ земельныхъ владѣній аббатства (Longnon, I, 251 sqq.). Къ сожалѣнію, ошибка Герара, дающая совершенно превратное представленіе объ имущественномъ составѣ помѣстій аббатства св. Германа, и до настоящаго времени продолжаетъ фигурировать у нѣкоторыхъ русскихъ изслѣдователей (см., напр., «Лекціи по исторіи экономическаго быта западной Европы» Кулишера, изд. 3-е, стр. 53).

⁴⁾ Polyptyque, XXIV, 18 sqq.

Изъ Полиптика мы узнаёмъ, что въ составъ манза обычно входили поля, виноградники и луга (иногда и лѣса). И трудно предположить, чтобы виноградники и луга всегда лежали рядомъ съ пахотною землею. Да и пахотная земля едва ли лежала въ одномъ полѣ, при господствѣ многопольной системы ¹⁾.

«Величина манза, говоритъ проф. М. М. Ковалевскій, на земляхъ аббатства различна въ разныхъ помѣстьяхъ, но одинакова, если не выходить за предѣлы одного и того же; иначе, очевидно, и быть не могло при существованіи надѣльной системы. Вотъ почему въ одномъ и томъ же имѣніи колонъ и сервъ, разъ они занимаютъ служилые манзы (*serviles*), владѣютъ равнымъ числомъ арпановъ *de terra arabili* и равнымъ числомъ арпановъ *de prato*. Вотъ почему также весьма часто встрѣчаются выраженія *tenet similiter* или *facit similiter*, что указываетъ на одинаковый размѣръ владѣнія и связанныхъ съ нимъ службъ и платежей» ²⁾. Съ этимъ утвержденіемъ никоимъ образомъ нельзя согласиться. Характерная особенность манзовъ, какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ, въ томъ и состоитъ, что они именно неравномѣрны, даже въ предѣлахъ одного и того же помѣстья. Возьмемъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ большихъ фисковъ Полиптика—*de Villamilt*. Здѣсь размѣры манзовъ колеблются между $4\frac{1}{2}$ и 60 бонуаріями ³⁾. Подобныя же колебанія мы находимъ и въ другихъ фискахъ, между прочимъ, и въ фискѣ *de Novigento*, на который ссылается проф. Ковалевскій. Здѣсь минимальный размѣръ манза—2 бонуарія ⁴⁾, максимальный—11 бонуаріевъ ⁵⁾. Что касается выраженія *tenet similiter*, то такого выраженія мы въ Полиптикѣ не нашли. Напротивъ, здѣсь всегда чрезвычайно тщательно отмѣчаются размѣры каждаго *tenementum*, каждаго держанія. Одинаковыя по размѣру держанія вообще рѣдки до чрезвычайности. Выраженія *facit (faciunt) similiter* и *sol-*

¹⁾ Ср. Фюстель. Аллодь и сельское помѣстье, 448. Sée. Les classes rurales, 34.

²⁾ Экономическій ростъ Европы, I, 170—171.

³⁾ Polyptyque, IX, 201, 78.

⁴⁾ VIII, 27, 36.

⁵⁾ VIII, 3. Это касается манзовъ во всѣхъ ихъ видахъ. Что касается специально *mansî serviles*, то въ первомъ изъ названныхъ фисковъ мы находимъ четверти манза въ 3—4 бонуарія и подуманзы въ $4\frac{1}{2}$, 5, $5\frac{1}{2}$, 6, 7, бонуаріевъ (IX, 212 sqq); во второмъ размѣры *mansî serviles* колеблются между 2 и $5\frac{1}{2}$ бонуаріями (VIII, 29, 34).

vit (solvunt) similiter встрѣчаются очень часто. Но они отнюдь не указываютъ на одинаковые размѣры держанія ¹⁾).

Ошибка проф. Ковалевскаго проистекаетъ изъ его стремленія отыскать въ помѣстномъ держаніи слѣды древнихъ общинныхъ распорядковъ, при которыхъ земельные надѣлы членовъ общины были равны. Но въ томъ то и дѣло, что данныя Полиптика рѣшительно не позволяютъ принять гипотезу о происхожденіи помѣстья изъ общины. Въдь, въ такомъ случаѣ неравенство манзовъ въ предѣлахъ одного и того же помѣстья было бы исключеніемъ. А мы видимъ какъ разъ наоборотъ: неравенство манзовъ есть общее правило, а равенство встрѣчается, какъ исключеніе. Но, можетъ быть, это неравенство произошло путемъ постепеннаго дробленія участковъ, ранѣе бывшихъ одинаковыми? И такое предположеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущено. Въ Полиптикѣ раздробленный манзъ уже не называется манзомъ. Онъ превращается въ полуманзы, четверти и другія частички манза. А если мы встрѣчаемъ въ Полиптикѣ цѣлый манзъ, то это значить, что мы имѣемъ дѣло съ земельной единицей, неподвергшейся раздробленію. И эта нераздробленная единица держанія въ Полиптикѣ выступаетъ, какъ типичная. Данное обстоятельство объясняется тѣмъ, что надобности въ раздробленіи участковъ въ то время не ощущалось. Годныхъ для обработки земель было достаточно, и для каждаго новаго земледѣльца легко могли выдѣлить новый участокъ земли изъ господскаго манза. Наконецъ, въ Полиптикѣ неоднократно упоминаются такъ наз. *mansī absī*, т. е. назанятыя манзы, которые аббатство могло предоставить каждому желающему ²⁾).

Чѣмъ же все-таки объясняется различіе въ величинѣ манзовъ держателей? По мнѣнію Фюстель де Кулянка, мѣркою при отводѣ манзовъ держателямъ служилъ не столько размѣръ участковъ, сколько ихъ цѣнность и доходность. «Въ общемъ мы можемъ допустить, говорить этотъ изслѣдователь, что манзъ былъ количествомъ земли, достаточнымъ для того, чтобы, за уплатой повинностей, прокормить семью» ³⁾. Точно такого же мнѣнія придерживается и Анри Сэ ⁴⁾.

¹⁾ См., напр., IX, 10 sqq.

²⁾ См., напр., Polyptyque, IX, 291; XI, 10; XXV, 40—41. Ср. Capitulaire de Illis, art. 67. Boretius, I, 89.

³⁾ Аллодъ и сельское помѣстье, 447—448.

⁴⁾ Les classes rurales, 35—36.

По поводу этого объясненія надо замѣтить слѣдующее. Прежде всего изъ Полиптика рѣшительно не видно, чтобы при отводѣ манзовъ играла роль различная степень доброкачественности земельныхъ участковъ. Это ясно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ фискѣ de Villamilt пять домохозяевъ держатъ манзъ, содержащій 60 бонуаріевъ. Рядомъ четыре домохозяина держатъ манзъ въ 16 бонуаріевъ ¹⁾. Возьмемъ другой примѣръ. Въ фискѣ de Villagi одинъ домохозяинъ держитъ половину манза въ 20 бонуаріевъ, а рядомъ тоже одинъ домохозяинъ держитъ цѣлый манзъ въ 4 бонуарія ²⁾. Очевидно, что манзы, лежащія рядомъ, не могутъ сильно разниться другъ отъ друга по качеству земли. А между тѣмъ размѣры ихъ сильно колеблются. Слѣдовательно, бѣльшая или меньшая доброкачественность земли не есть мѣрка при отводѣ участковъ держателямъ.

Приведенные примѣры говорятъ также и за то, что въ эпоху изданія Полиптика размѣры манзовъ не опредѣлялись количествомъ ихъ населенія, т. е. потребностями и работоспособностью держателей. Вообще, правильнѣе, на нашъ взглядъ, думать, что размѣры манзовъ зависѣли единственно отъ усмотрѣнія собственника, который раздавалъ участки кому хотѣлъ и какъ хотѣлъ, руководствуясь соображеніями собственной выгоды. Конечно, въ данномъ случаѣ нельзя было не принимать во вниманіе потребностей земледѣльцевъ и степени ихъ работоспособности. Каждому давалось не болѣе того, что онъ могъ обработать, и не менѣе того, что необходимо было для пропитанія его семейства. Такъ, надо думать, обстояло дѣло при первоначальномъ выдѣленіи манзовъ. Однако съ теченіемъ времени извѣстное соотвѣтствіе между размѣрами манза и его населеніемъ мало по малу нарушалось. Количество населенія манза могло увеличиваться или уменьшаться, но размѣры самого манза, при устойчивости помѣстныхъ обычаевъ, продолжали оставаться неизмѣнными ³⁾.

¹⁾ Polyptyque, IX, 78, 80.

²⁾ VII, 48—49.

³⁾ Само собой разумѣется, что держательскіе участки образовывались не только путемъ выдѣленія ихъ изъ старинныхъ земельныхъ владѣній аббатства. Несомнѣнно, что многіе изъ мансі ранѣе представляли изъ себя мелкую аллодіальную собственность, которая впослѣдствіи была подарена или продана аббатству коммендирувавшимся св. Герману свободными людьми и получена ими обратно на правахъ условнаго пользованія. См. отраженіе такой практики въ Polyptyque, IX, 165—168, 303.

Крестьянскіе участки не были однородными. Типичнымъ раздѣленіемъ манзовъ держателей является ихъ раздѣленіе на *mansi ingenuiles*, *lidiles* и *serviles*. Можно сказать, что въ эпоху изданія Полиптика такое раздѣленіе было простымъ пережиткомъ, свидѣтельствовавшимъ о социальномъ положеніи ихъ прежнихъ, а не современныхъ держателей. Если ранѣе свободные манзы могли быть заняты только свободными, литскіе—полусвободными, а сервскіе—рабами, то теперь каждый изъ названныхъ манзовъ могли держать люди самыхъ различныхъ состояній. Произошло это благодаря насущнымъ потребностямъ времени. Земельный собственникъ прежде всего преслѣдовалъ свои личныя выгоды. Для него было важно только то, чтобы его земли не оставались необработанными, чтобы онѣ были заселены и приносили извѣстные доходы. Для него не было важно, кто ихъ обрабатывалъ, колоны, литы или сервы. Вотъ почему съ теченіемъ времени пустующіе участки свободныхъ стали отдаваться литамъ и сервамъ и наоборотъ, пустующіе участки литовъ и сервовъ стали отдаваться свободнымъ колонамъ. Древнее дѣленіе участковъ на *mansi ingenuiles*, *lidiles* и *serviles* ко времени изданія Полиптика осталось (опять таки благодаря косности помѣстныхъ обычаевъ) въ силѣ, но держатели ихъ окончательно перемѣшались. Лица различныхъ состояній сплошь и рядомъ держатъ одного и того же характера участки ¹⁾.

По подсчету Герара, всего въ Полиптикѣ перечислено 1,646 тяглыхъ манзовъ. Изъ нихъ 1,430 *mansi ingenuiles*, 25 *mansi lidiles* и 191 *mansi serviles* ²⁾. Прежде всего названныя категоріи манзовъ разнятся по своимъ размѣрамъ. По общему правилу, свободный манзь болѣе литскаго, а литскій болѣе сервскаго ³⁾. Мы увидимъ также, что соотвѣтственно этому первые несутъ болѣе повинностей, нежели вторые, а вторые болѣе, нежели третьи ⁴⁾. Въ общемъ же, различіе въ характерѣ манзовъ не велико, и въ Полиптикѣ намѣчается явная тенденція къ сліянію ихъ въ общей массѣ тяглыхъ держаній.

¹⁾ См. любовь breve Полиптика.

²⁾ *Prolégomènes*, 892 sqq.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Ср. *Prolégomènes*, 584 sqq.

Нѣкоторые тяглые манзы въ Полиптикѣ носятъ наименованіе *censiles*. Какъ показываетъ самое названіе, *mansus censilis*—это такой манзь, который платитъ денежный чиншъ. Въ этомъ смыслѣ и свободные, и полусвободные, и сервскіе манзы одинаково могутъ быть *censiles* ¹⁾. Иногда уплата чинша освобождаетъ держателя отъ всѣхъ повинностей, иногда только отъ части ихъ ²⁾. Въ послѣднемъ случаѣ *mansī censiles* ничѣмъ не отличаются отъ такихъ держательскихъ манзовъ, которые, будучи квалифицированы просто какъ *ingenuiles*, платятъ извѣстный денежный взносъ подѣ тѣмъ же именемъ чинша ³⁾.

Встрѣчаются въ Полиптикѣ и другія наименованія манзовъ, въ зависимости отъ характера лежащихъ на нихъ платежей, или отъ особаго положенія ихъ владѣльцевъ. Таковы *mansī paravere-darii* или *mansī paravere-dorum*, поставляющіе для надобностей аббатства коней ⁴⁾. Таковы *mansī ministeriales*, данные министеріаламъ за ихъ службу ⁵⁾. Наконецъ, мы уже говорили, что пустующіе участки, неимѣющіе постоянныхъ держателей, носятъ въ Полиптикѣ наименованіе *mansī absi* ⁶⁾. И наоборотъ, манзы, имѣющіе постоянныхъ держателей, называются *mansī vestiti* ⁷⁾.

Манзь—типичная единица тяглаго держанія, но отнюдь не единственная. Прежде всего, наряду съ манзами, мы встрѣчаемъ держательскіе участки, носящіе наименованіе *hospitia*. Отъ *mansī hospitia* отличаются своими меньшими размѣрами и меньшимъ количествомъ лежащихъ на нихъ повинностей ⁸⁾. По установившемуся въ наукѣ взгляду, *hospitia*—это земли, заново культивированныя новоселами—*hospites* и отданныя имъ на льготныхъ условіяхъ ⁹⁾.

¹⁾ Ср. Guérard. Prolegomènes, 588.

²⁾ Polyptyque, VII, 6; XIII, 99; XXI, 78—79.

³⁾ VII, 76.

⁴⁾ XXII, 92, 94.

⁵⁾ XIII, 99; XXII, 97.

⁶⁾ IX, 291, 304; XI, 10; XXV, 23, 40—41.

⁷⁾ III, 62.

⁸⁾ I, 21, 35, 37; VI, 47—54, IX, 156—157, 286, 292; XVI, 89 и ян. др. Проф. Ковалевскій ошибается, утверждая, что размѣры упоминаемыхъ въ Полиптикѣ *hospitia*, «самое большее, равняются двумъ девинымъ участкамъ» (Эконом. ростъ Европы, I, 167—168). На самомъ дѣлѣ въ Полиптикѣ упоминаются *hospitia*, содержащія по 2 и по 3 бонуарія (VI, 49, 52, 54; IX, 156).

⁹⁾ Sée. Les classes rurales, 93 sqq. Ср. Ковалевскій. Экономич. ростъ Европы, I, 167—168.

Однако такое толкованіе, построенное почти исключительно на соображеніяхъ филологическаго характера, до сихъ поръ твердо не обосновано. Вообще, данныя о *hospites* и *hospitia* скудны. Мы знаемъ, что *hospitia*, входившія въ систему тяглыхъ надѣловъ, подобно манзамъ, дѣлились на *servilia* и *ingeniulia* ¹⁾. Мы знаемъ также, что съ теченіемъ времени всякое различіе между малыми манзами и большими госпиціями исчезло окончательно, такъ что и тѣ и другія стали обозначать однимъ общимъ названіемъ (*mansi* или *hospitia*) ²⁾. Мы никакъ не можемъ согласиться съ проф. Ковалевскимъ, по мнѣнію котораго «*hospites* не включены въ систему манзовъ», а «получаютъ участки въ земляхъ, оставленныхъ въ личномъ завѣдываніи помѣщиковъ, въ *terra indomincata*», между тѣмъ какъ «колонны за одно съ сельскими рабами владѣютъ надѣлами въ *terra servilis*» ³⁾. Мы видѣли, что *hospitia* именно включены въ систему манзовъ, что они даже смѣшиваются съ послѣдними. Правда, иногда *hospitia* выдѣляются и изъ состава господской земли, но тогда они носятъ наименованіе *hospitia dominica* ⁴⁾. Проф. Ковалевскій далѣе утверждаетъ, что *hospites*—«болѣе виноградари, чѣмъ пахари» ⁵⁾. И съ этимъ нельзя согласиться, такъ какъ въ составъ *hospitium*'а пахотная земля входитъ всегда, виноградники же сплошь и рядомъ отсутствуютъ ⁶⁾.

Намъ остается сказать о тѣхъ единицахъ держанія, которыя въ Полиптикѣ обозначены терминами *pars*, *uncia*, *quarta*, *jornalis* и *dextrum*. *Pars*—это небольшой участокъ земли, размѣры котораго не превышаютъ двухъ-трехъ бонуаріевъ ⁷⁾. Таковы же приблизительно и размѣры *uncia* ⁸⁾. *Quarta*,—повидимому, четверть манза ⁹⁾. *Jornalis*—небольшой участокъ, который можно обработать въ одинъ

1) Polyptyque, XX, 30, 33—34. Cp. Guérard. Prolégomènes, 628.

2) Polyptyque, XX, 30 sqq.; XXII, 88. Cp. Guérard. Prolégomènes, 627—628.

3) Эконом. ростъ Европы, I, 168.

4) Polyptyque, XVI, 80; XVII, 47.

5) Эконом. ростъ Европы, I, 168.

6) Polyptyque, VI, 50 54; IX, 6, 156—157, 286, 292.

7) IX, 234—235; XIII, 89, 97. По вычисленіямъ Герара (Prolégomènes 169—171), бонуарій=128 ares 33 cent.

8) XXIV, 101—102; XXV, 8.

9) IX, 299, 303.

день ¹⁾. Размѣры *dextrum* ²⁾ неизвѣстны, но, повидимому, тоже очень незначительны. Всѣ эти участки занимаютъ лица различныхъ состояній, отправляя за нихъ умѣренные повинности.

Возникаетъ вопросъ, являлись ли тяглыя державія пожизненными только, или наслѣдственными? Отвѣта на данный вопросъ въ Полиптикѣ мы не находимъ. Зато въ art. 30 капитулярія 862 года манзы держателей прямо называются *hereditates* (*coloni... suas hereditates, id est mansa, quae tenent...*) ³⁾. И нѣтъ ничего удивительнаго, если такое превращеніе тяглаго держанія въ *hereditas* иногда заставляло крестьянина забывать о своемъ настоящемъ положеніи и разсматривать себя, какъ свободнаго собственника. Тотъ же капитулярій говоритъ намъ о колонахъ, которые продаютъ свои участки «*non solum suis paribus, sed et clericis canonicis ac villanis presbyteris et aliis quibuscumque hominibus... et tantummodo sellam retinent*». Интересно далѣе отмѣтить, что капитулярій не содержитъ категорическихъ запрещеній устраивать такія продажи; колонамъ запрещается продавать земли лишь «*sine licentia dominorum vel magistrorum*» ⁴⁾.

II.

Познакомившись съ имущественнымъ составомъ тяглыхъ держаній, обращаемся къ разсмотрѣнію *соціального состава* ихъ населенія. Извѣстно, что соціальная эволюція средневѣковаго общества съ неизбѣжностью вела къ смѣшенію пестрой массы зависимаго крестьянскаго люда въ одномъ общемъ классѣ крѣпостныхъ крестьянъ, или сервовъ. И можно сказать, что въ эпоху изданія Полиптика аббата Ирминона данный процессъ почти завершился. Лучшимъ доказательствомъ этого положенія является то обстоятельство, что платежи и повинности держателей по большей части опредѣляются уже не соціальнымъ ихъ положеніемъ, а характеромъ занимаемыхъ ими участковъ. Рабъ, попавшій на свободный участокъ, несетъ и свободныя повинности, и наоборотъ, колонъ, попавшій на рабскій участокъ,

¹⁾ II, 1; VII, 60; IX, 303; XIII, 74, 95 и др. По Герару (*Prolégomènes* 171—175), *jornalis*=34 ares 13 cent., т. е. приблизительно $\frac{1}{4}$ бонуарія.

²⁾ IX, 248.

³⁾ *Edictum Pistense*, apud Boretius, 310 sqq.

⁴⁾ *Ibid.*

весеть повинности рабскія. Ясно, что сословныя перегородки, раньше отдѣлявшія глубокою пропастью раба отъ свободнаго, теперь почти окончательно стерлись. Для свободнаго это означаетъ ухудшеніе его положенія, для раба, наоборотъ, улучшеніе. Теперь и тотъ и другой—крѣпостные, не столько привязанные къ личности собственника, сколько къ землѣ, которую они обрабатываютъ. Словомъ, это люди, которые, будучи обязаны обрабатывать землю въ пользу господина помѣстья, не могутъ ни покинуть данное помѣстье самовольно, ни быть оторванными отъ него насильно, властью самого господина. Это и есть отличительная черта средне-вѣковаго серважа, складывавшагося естественнымъ путемъ, на протяжении ряда столѣтій.

Въ Полиптикѣ мы находимъ любопытные примѣры такого смѣшенія старыхъ сословій. Такъ, въ фискѣ de Villamilt на одномъ томъ же участкѣ живутъ Droctengardus—*колонъ* съ женою *колоною* и одной дочерью, Autcarius—*митъ* съ женою *рабынею* и однимъ сыномъ, Gundoinus—*колонъ* съ женою—*миткою* и двумя дѣтьми и, наконецъ, Gundoldus—*рабъ* съ женою *extranea*. Всѣ они мѣстѣ держатъ 1 манъ неизвѣстнаго качества, содержащій 16 бон. ахотной земли и 6 бон. мѣса, платятъ одинаковыя повинности и вѣдутъ одинаковую барщину ¹⁾. Такіе примѣры въ Полиптикѣ—не редкость. Опять таки они съ наглядностью говорятъ намъ о томъ, что помѣстный обычай перестаетъ уже отличать колона отъ мита и раба, что для него всѣ эти лица одно и то же—зависимые земледѣльцы, крѣпостные крестьяне.

Полиптикъ даетъ намъ яркія иллюстраціи того, какимъ путемъ происходило смѣшеніе такъ наз. «людей св. Германа» въ общей массѣ крѣпостного крестьянства. Прежде всего мы неоднократно встрѣчаемъ здѣсь дворовыхъ рабовъ, пересаженныхъ на участки ²⁾. Видимому, большой надобности въ дворовыхъ рабахъ не ощущалось. Потребности господскаго дома были не велики, а господскую землю обрабатывали держатели. Для аббатства, какъ и для всякаго крупнаго собственника, было важнѣе населить земледѣльцами пугующіе участки. Вотъ почему и продолжаетъ расти число такъ

¹⁾ Polyptyque, IX, 80.

²⁾ XIII, 103 sqq.

наз. *servi casati*, существовавшихъ, какъ извѣстно, еще въ эпоху поздней Имперіи. *Servi casati*—это уже не рабы въ собственномъ смыслѣ данного слова. Это держатели-земледѣльцы, положеніе которыхъ мало чѣмъ отличается отъ положенія другихъ земледѣльцевъ крупныхъ помѣстій.

Съ другой стороны, Полиптикъ упоминаетъ свободныхъ людей (не колоновъ), держащихъ участки земли наравнѣ съ крѣпостными земледѣльцами (нерѣдко даже совмѣстно съ ними) и отправляющихъ за свое держаніе тѣ же повинности и службы, что и крѣпостные ¹⁾. Эти свободные люди, отдавшіеся подъ покровительство св. Германа съ своими землями или безъ нихъ, очевидно, фактически мало чѣмъ разнятся отъ колоновъ и въ концѣ-концовъ окончательно сольются съ общою массою крѣпостного крестьянства.

Мало отличаясь другъ отъ друга по своему положенію въ помѣстьѣ, крѣпостные крестьяне мало разнятся и по своему положенію въ обществѣ. За ними одинаково признается право собственности и право наслѣдованія ²⁾, право свидѣтельствованія при заключеніи сдѣлокъ, составленіи актовъ и при судебныхъ процессахъ ³⁾, наконецъ, право вступленія въ законные браки ⁴⁾.

Однако слѣды старыхъ сословныхъ перегородокъ окончательно не изгладились. Такъ, литы, по Полиптику, платятъ особую подать—*lidimonium*, повидимому, знакъ ихъ болѣе тѣсной зависимости отъ господина ⁵⁾. Еще болѣе помнитъ о старыхъ сословныхъ различіяхъ *исударство*. Прежде всего въ своихъ публичныхъ актахъ оно никогда не смѣшиваетъ колоновъ съ литами и рабами. Далѣе, оно старается отчетливо опредѣлить положеніе дѣтей, рожденных отъ смѣшанныхъ браковъ. Въ принципѣ оно является противникомъ такихъ браковъ; оно только ихъ терпитъ и, повидимому, старается воспрепятствовать ихъ распространенію, заставляя дѣтей

¹⁾ Ср. Polyptyque, IX, 147; XIII, 6; XIV, 7; XV, 5; XVI, 41 bis, 88—89; XIX, 36—37.

²⁾ Ср. Guérard. Prolégomènes, 240 sqq., 268—269, 304 sqq. Sée. Les classes rurales, 62.

³⁾ Guérard. Prolégomènes, 240, 264 sqq., 310. Sée. Les classes rurales, 66.

⁴⁾ См. любое breve Полиптика abb. Ирминона.

⁵⁾ Polyptyque, VI, 36; XI, 14. Ср. Guérard. Prolégomènes, 269—270.

наслѣдовать худшее положеніе родителей ¹⁾. Впрочемъ, въ Полиптикѣ послѣднее правило нѣсколько смягчено: здѣсь дѣти по большей части наслѣдуютъ положеніе матери ²⁾.

Подавляющее количество тяглыхъ держателей аббатства св. Германа — колоны. Гораздо менѣе литовъ, и менѣе всего сервовъ. По подсчету Герара, послѣднихъ всего только 120 семей изъ общаго количества 2800 семей земельныхъ держателей, упомянутыхъ въ описи ³⁾.

III.

Обращаемся къ опредѣленію характера *платежей* и *службъ* земельныхъ держателей аббатства. Первые удобнѣе всего раздѣлить на *личные* (*personnelles*) и *земельные* (*réelles*). Къ разряду личныхъ платежей слѣдуетъ отнести *saraticum* и *lidimonium*. *Saraticum* платятъ лица самыхъ разнообразныхъ состояній — и колоны ⁴⁾, и литы ⁵⁾, и рабы ⁶⁾ и люди, социальное положеніе которыхъ не обозначено ⁷⁾. *Saraticum* — это посемейный или подымный налогъ, величина котораго обыкновенно равняется 4 денаріямъ. Замѣтимъ, что *saraticum* не непременно связанъ съ земельнымъ держаніемъ, такъ какъ его платятъ и недержатели. Въ послѣднемъ случаѣ онъ бываетъ двухъ родовъ — *saraticum de inframitico* и *saraticum de forasmitico* ⁸⁾. Надо думать, что *saraticum de forasmitico* платится иностранцами, людьми, пришедшими со стороны, а *saraticum de inframitico* — людьми, живущими издавна на помѣстьяхъ аббатства.

О *lidimonium*’ѣ мы уже упоминали. Этотъ налогъ, близко напоминающій *saraticum*, падаетъ исключительно на литовъ. Размѣръ его тоже равняется 4 денаріямъ, которые для женщинъ могутъ быть замѣнены полотнянными издѣліями ⁹⁾.

¹⁾ Подробно о смѣшанныхъ бракахъ см. у Guérard’a. *Prolégomènes*, 268, 27 sqq.

²⁾ *Polyptyque*, IX, 25 и др. Ср. Guérard. *Prolégomènes*, 415 sqq.

³⁾ *Prolégomènes*, 358.

⁴⁾ *Polyptyque*, IX, 9, 293; XII, 23—24, 44; XIII, 1.

⁵⁾ XI, 2.

⁶⁾ XI, 2; XIII, 64, 94 и др.

⁷⁾ II, 119; V, 86; VII, 81, IX, 300—302; XIV, 90, XV, 94.

⁸⁾ IX, 300—302.

⁹⁾ Ср. XI, 14; XIII, 110; XXIII, 27.

Мы уже говорили, что платежи держателей по большей части определяются не социальным их положением, а характером тѣхъ участковъ, которыми они пользуются. Вотъ почему эти поземельные платежи удобнѣ всего раздѣлить на три разряда: платежи держателей свободныхъ манзовъ, платежи держателей литскихъ манзовъ, наконецъ, платежи держателей рабскихъ манзовъ. Предварительно замѣтимъ, что размѣры платежей нисколько не зависятъ отъ размѣровъ держаній. Очень часто манзы малаго размѣра несутъ гораздо большее количество платежей, нежели манзы большаго размѣра ¹⁾.

Держатели свободныхъ манзовъ за право пользованія своими участками несутъ платежи, обозначенные слѣдующими названіями: 1) census, 2) hostilicium, 3) carnaticum, 4) herbaticum, 5) agraria или canonica, 6) lignaritia, 7) pastio и 8) dona или donata.

Подъ именемъ *census ingenuilis* въ breve de Villamilt подразумѣвается совокупность всѣхъ платежей (денежныхъ и натуральныхъ), которые обязаны нести держатели свободныхъ манзовъ ²⁾. Въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, census Полиптика есть денежный налогъ, въ однихъ случаяхъ покрывающій всѣ повинности держателей, въ другихъ случаяхъ освобождающій только отъ части этихъ повинностей. Такъ, въ фискѣ de Villari два лица платятъ въ качествѣ census'а 5 сол. и 4 ден., и болѣе никакихъ повинностей не отправляютъ ³⁾. Но въ томъ же фискѣ одинъ держатель — колонъ, уплачивая 3 сол. въ качествѣ census'а, все таки не освобождается отъ обязанности дѣлать натуральныя приношенія и нести личныя службы ⁴⁾.

Аббатство св. Германа, какъ и всѣ крупныя собственники эпохи Карла Великаго, обязано было служить императору на войнѣ. Оно выставяло въ поле людей, державшихъ бенефиціи, и доставляло арміи повозки, быковъ, мелкій скотъ и вино. Все это оно собирало съ своихъ держателей, въ качествѣ налога на военныя

¹⁾ См. любое breve Полиптика абб. Ирминона. Замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду плату съ дѣлаго манза. Что касается платы съ полуманзовъ и четвертей манзовъ, то въ однихъ случаяхъ она менѣе платы съ дѣлаго манза (ср. VII, 38—39; VIII, 10; IX, 208 и др.), въ другихъ случаяхъ съ ней одинакова (напр., VII, 54. Ср. VIII, 4 5; XI, 212 sqq).

²⁾ Polyptyque, IX, 231, 283. Ср. XXI, 43.

³⁾ VII, 5.

⁴⁾ VII, 76.

нужды (*ad hostem*), налога, который изъ случайнаго и измѣняваго сдѣлался постояннымъ и неизмѣннымъ ¹⁾). Въ эпоху изданія Полиптика аббата Ирминона военный налогъ—*ad hostem* взимается подъ двумя названіями—*hostilicium* и *carnaticum*.

Hostilicium платился быками и повозками, *carnaticum*—мелкимъ скотомъ и виномъ, причемъ всѣ эти натуральные платежи могли быть переведены на деньги ²⁾). Въ Полиптикѣ обычно оба платежа обозначаются однимъ терминомъ *ad hostem* и, когда взимаются въ полномъ размѣрѣ, равняются или половинѣ быка, или 4 овцамъ, или же 4 солидамъ ³⁾). По большей части они взимаются въ половинномъ размѣрѣ ⁴⁾), иногда въ размѣрѣ одной четверти ⁵⁾). Часто налогъ *ad hostem* въ различные годы платится неодинаково. Такъ, держатель одного манза въ фискѣ de Siccavalle sive Foreste «*solvit ad hostem, ad unum annum, dimidium bovem; ad alterum annum, multones II; ad tercium annum, oviculam I de uno anno; iterum ad tercium annum, non solvit oviculam, sed solvit learem I de denariis IV*» ⁶⁾). Упоминаемый въ Полиптикѣ *airbannum*—это то же, что *hostilicium* ⁷⁾).

Herbaticum есть плата за право выпаса скота на господскихъ лугахъ и поляхъ, по снятіи съ нихъ сѣна и жатвы. Размѣръ *herbaticum*'а обычно равняется одной овцѣ съ ягненкомъ. Налогъ платится не ежегодно, а черезъ два года въ третій ⁸⁾).

Другой налогъ подобнаго же рода—*pastio* или *glandaticum* платится за право выпаса свиней въ господскомъ лѣсу. Онъ обычно равняется нѣсколькимъ модіусамъ вина ⁹⁾), или же нѣсколькимъ денаріямъ ¹⁰⁾), выплачиваемымъ ежегодно. Иногда характеръ и размѣры налога ежегодно мѣняются. Такъ, въ фискѣ de Spinogilo 30 дер-

¹⁾ Ср. Guérard. *Prolégomènes*, 660 sqq.

²⁾ *Ibid.*, 661 sqq.

³⁾ *Polyptyque*, IX, 9; XIX, 8; XXV, 3.

⁴⁾ VII, 4, 37, 84; IX, 4, 158, 236, 243, 279—280; XI, 2; XIII, 13, 39—64; XVI, 37; XXV, 20.

⁵⁾ IX, 266, 271—279.

⁶⁾ XXII, 4. Ср. II, 2; IV, 2; V, 3, 28; XIV, 3; XV, 3; XXIV, 2.

⁷⁾ XXV, 20. Ср. Guérard. *Prolégomènes*, 667.

⁸⁾ *Polyptyque*, V, 3, 28, 49, 52—53, 78; XIV, 3, 35; XV, 3. Ср. Guérard. *Prolégomènes*, 679—680.

⁹⁾ I, 1; II, 2, 38; IV, 2; VII, 4 и др.

¹⁰⁾ III, 2; XVI, 37.

жателей свободныхъ манзовъ платять *pastio* въ размѣрѣ 3 модіусовъ вина въ первый годъ, 1 овцы во второй годъ, и 2 сол. и 2 денар. въ третій годъ ¹⁾).

Agraria или *canonica*—это то-же, что позднѣйшій *champart*, т. е. плата извѣстной части урожая ²⁾). Иногда *agraria* и *canonica* равняются половинѣ всего урожая ³⁾). Въ такомъ случаѣ лица, платящіе этотъ налогъ, превращаются въ настоящихъ половниковъ.

Пользованіе топливомъ и строительнымъ матеріаломъ изъ господскихъ лѣсовъ налагало на держателей повинность, извѣстную подъ именемъ *lignaritia*. Иногда *lignaritia* есть личная служба, выражающаяся въ обязанности рубить и провозить на господскій дворъ лѣсные матеріалы разнаго качества ⁴⁾), но по большей части она замѣняется денежнымъ платежемъ въ размѣрѣ 4 денар. съ манза ⁵⁾).

Такъ наз. *dona* или *donata*, т. е. натуральныя приношенія людей св. Германа весьма разнообразны. Держатели свободныхъ манзовъ приносятъ аббатству въ качествѣ подарковъ крупный и мелкій скотъ, птицу, яйца, вино, пиво, зерновой хлѣбъ и другіе злаки, медъ, воскъ, масло, мыло, одежду, домашнюю утварь и т. п. ⁶⁾).

Перечисленные платежи не исчерпываютъ всѣхъ повинностей держателей свободныхъ манзовъ. Изъ Полиптика мы узнаемъ, что они несутъ еще *личные службы*, которыя можно подраздѣлить на три разряда: 1) обработка полей и виноградниковъ, 2) *manopera*, т. е. разнаго рода ручныя работы и 3) обязанность доставлять для надобностей аббатства коней и подводы.

Полевые работы держателей въ Полиптикѣ обозначаются терминами *riga* и *curvada*. «Facit inde rigam et seminat» ⁷⁾), «arant dimidiam rigam» ⁸⁾), «facit rigas III» ⁹⁾), facit curvadas et rigas

¹⁾ VI, 3—32.

²⁾ XVI, 22—36. Ср. Guérard. *Prolégomènes*, 680 sqq.

³⁾ XII, 10, 19, 22—23, 26—27, 32—33, 43—44.

⁴⁾ IX, 153, 155, 158; XVIII, 3; XXV, 2.

⁵⁾ II, 2; V, 3, 53, 78; VI, 3; IX, 9; XIII, I; XV, 3; XXII, 4; XXIII, 26; XXV, 3, 34

⁶⁾ См. объ этомъ подробно у Guérard'a. *Prolégomènes*, 701—744.

⁷⁾ *Polyptyque*, IX, 255.

⁸⁾ IX, 6.

⁹⁾ IX, 267.

quantascunque sibi jusserit homo»¹⁾—таковы выражения Полиптика. Что такое *riga* и что такое *curvada*, можно только догадываться. Сопоставляя тексты нашего памятника, мы видимъ, что отбыть *riga*—это значить спяхать извѣстное количество пертиковъ подъ озимое и подъ яровое (обычно 4 перт. подъ озимое и 2 перт. подъ яровое)²⁾. Иногда прямо говорится, что держатели «arant... *rigam*»³⁾. А выраженіе «*facit inde rigam et seminat*»⁴⁾ указываетъ на то, что посѣвъ уже не относится къ *riga*. Наконецъ, на поляхъ одного современнаго хартулярія⁵⁾ поясняется, что терминъ *riga*, употребленный въ текстѣ, есть не что иное, какъ *aratura*. Словомъ, мы можемъ съ большою долею вѣроятности догадываться, что *riga*—это запашка поля подъ озимое и подъ яровое. Полиптикъ говорить намъ, что одни держатели пахутъ *rigam unam*⁶⁾, или *rigam integram*⁷⁾, т. е. отбиваютъ цѣлую *riga*, другіе—только *dimidiam rigam*⁸⁾, т. е. вдвое менѣе первыхъ, третьи, наоборотъ, пахутъ *duas rigas*⁹⁾, *rigas tres*¹⁰⁾, т. е. вдвое и втрое болѣе первыхъ, наконецъ, четвертые «*faciunt... rigas quantascunque jusserit homo*»¹¹⁾. Терминъ *riga* не всегда употребляется въ Полиптикѣ при упоминаніи о запашкѣ. Иногда просто говорится, что держатели обязаны спяхать столько то земли подъ озимое и столько то подъ яровое. Въ фискѣ de Spinogilo, напримѣръ, 30 держателей свободныхъ манзовъ пахутъ только по 2 пертика подъ яровое¹²⁾, а два держателя пахутъ по 4 перт. подъ озимое, и подъ яровое по 1 перт.¹³⁾. Въ фискѣ de Villari держатели пахутъ отъ 2 до 8 перт. подъ озимое, и подъ яровое отъ 1 до 2 перт.¹⁴⁾. Въ фискѣ de Novigento дер-

1) IX, 279.

2) Ср. IX, 234—236. *Pertica*, по Герару, равн. $\frac{1}{50}$ бонуарія, т. е. 2 ares 57 centiares (*Prolégomènes*, 177—182).

3) IX, 6.

4) IX, 255.

5) *Cartulaire de l'abb. de Saint Père*, см. у Guérard'a. *Prolégomènes*, 638.

6) *Polyptique*, XXIV, 152.

7) IX, 153, 155; XIII, 33; XXIV, 40, 44—45.

8) IX, 6, 264.

9) XXIV, 142.

10) IX, 267.

11) IX, 279.

12) VI, 3 sqq.

13) VI, 33—34.

14) VII, 4 sqq.

жатели пашутъ подъ озимое отъ 4 до 6 перт., и подъ яровое—отъ 2 до 3 перт. ¹⁾).

Отъ *riga* нужно отличать службу, обозначаемую терминомъ *curvada*. Въ Полиптикѣ мы неоднократно читаемъ, что такіе то держатели «*faciunt rigas et curvadas*» ²⁾). Очевидно, что *riga* и *curvada*—не одно и то же. Спрашивается, что же представляетъ изъ себя *curvada*? Мы знаемъ, что *curvada* иногда отправляется «*per tres sationes*» ³⁾). Мы знаемъ также, что для отправленія *curvada* иногда необходимо участіе рабочаго скота ⁴⁾). По объясненію Герара, *tres sationes* Полиптика обозначаютъ двойную вспашку земли подъ озимое и весеннюю вспашку подъ яровое ⁵⁾). Участіе при *curvada* рабочаго скота тоже указываетъ на запашку. Еще яснѣе характеръ *curvada* выступаетъ въ слѣдующихъ текстахъ нашего памятника: «*Arat jornallem I in curvada*» ⁶⁾). «*Arat ad hibernaticum perticas IV, ad tramisem III, et in curvada IV*» ⁷⁾). Параллельныя мѣста изъ Полиптика св. Мавра, изданнаго Гераромъ, гласятъ слѣдующее: «*Debet corvades III, unamquamque de duobus bovis... Cum fecerint corbadas, in mense martio debent habere panem et ligumen et siceram, mense maio panem et caseum, mense octobrio panem et vinum, si esse potest*» ⁸⁾). «*Facit ad ibernaticum corbadas III, ad binalia III, ad tramisem III*» ⁹⁾). «*Arat ad ibernaticum perticas IV, ad tramisium II. et inter ibernaticum et tramisium corbadas IX*» ¹⁰⁾). Ясно, что во всѣхъ вышеприведенныхъ текстахъ *curvada*—то же, что и *aratura*. Въ такомъ случаѣ снова возникаетъ вопросъ, чѣмъ же *curvada* отличается отъ *riga*? По мнѣнію Герара, *riga*—повинность постоянная и опредѣленная, а *curvada*—случайная. *Curvada* есть дополненіе къ *riga* и требуется съ держателей только тогда, когда *riga* не достаточна для запашки господскаго поля ¹¹⁾). Такимъ образомъ, по мнѣнію Герара,

¹⁾ VIII, 3, 6, 24.

²⁾ Напр., IX, 57—58 и др.

³⁾ IX, 153; XIII, 1, 76 bis; XXI, 4.

⁴⁾ IX, 304; XXII, 4; XXIV, 2, 31, 56, 67.

⁵⁾ Prolégomènes, 649—653.

⁶⁾ XXIII, 1—2, 4.

⁷⁾ XXIII, 24.

⁸⁾ См. Appendix къ Гераровскому изданію Полиптика abb. Ирминона, I, 10, p.

⁹⁾ Ibid., I, 14, p. 286.

¹⁰⁾ Ibid., I, 8, p. 284.

¹¹⁾ Prolégomènes, 647.

curvada всегда и неизмѣнно равняется *aratura*. Однако съ этимъ никоимъ образомъ нельзя согласиться. На самомъ дѣлѣ, въ фискѣ *de Villari* большинство держателей свободныхъ манзовъ отправляютъ «*in unaquaque ebdomada corvadas II*» ¹⁾). Ясно, что здѣсь *corvada* есть что то, близко напоминающее позднѣйшее *corvée*, т. е. ежедневную барщину. Вообще, значеніе термина *curvada*, надо полагать, было довольно расплывчатымъ въ эпоху изданія Полиптика. Въ однихъ случаяхъ это экстренныя помочи при запашкѣ господскаго поля, въ другихъ случаяхъ, повидимому, ручныя работы на *curtis dominica*.

Какъ *rigae*, такъ и *curvadae* Полиптикъ раздѣляетъ на *abbatiles* и *praepositiles* ²⁾). Очевидно, что первыя отправляются на поляхъ, эксплуатируемыхъ аббатствомъ, вторыя—на поляхъ, отведенныхъ попечителю аббатства—*praepositus*'у. Есть въ Полиптикѣ упоминаніе и о *riga judicialis* ³⁾).

Работа въ виноградникахъ не обозначается спеціальными терминами. Полиптикъ просто говоритъ, что такой то держатель «*facit i vinea*» столько то ⁴⁾). Обычно держатели свободныхъ манзовъ ежегодно обрабатываютъ по 1 арипенну виноградника ⁵⁾, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ болѣе ⁶⁾. Давныя Полиптика позволяютъ утверждать, что работа въ виноградникахъ падала преимущественно на абскіе манзы ⁷⁾.

Подъ именемъ *manopera*, т. е. ручныхъ работъ, повидимому, разумѣются такія службы, для отправленія которыхъ не требовалось ничего, кромѣ личнаго труда держателя. Таковы разнаго рода работы на *curtis dominica* (чистка навоза, огораживаніе, постройка и починка зданій, прорытіе канавъ и т. п.), жатва хлѣба, собираніе плодовъ, молотба, словомъ, то, что позднѣе обозначалось именемъ *corvée*, т. е. барщины ⁸⁾). Обыкновенно *manopera* отправляются

¹⁾ VII, 4 sqq. Ср. VI, 52.

²⁾ IX, 209—210.

³⁾ XXII, 4.

⁴⁾ Напр., V, 3.

⁵⁾ V, 3; VI, 3; XIV, 3; XIX, 8. По Герару, *aripennis* Полиптика равняется 2 арес 64 centiares (*Prolégomènes*, 165—169).

⁶⁾ VII, 7; V, 75; II, 38.

⁷⁾ Ср. Guérard. *Prolégomènes*, 746—747.

⁸⁾ Ibid., 748—749.

еженедѣльно, отъ одного до трехъ и четырехъ разъ въ недѣлю ¹⁾. Вотъ почему выраженіе Полиптика «in unaquaque ebdomada facit manoperas» нерѣдко замѣняется выраженіемъ «omni ebdomada facit dies», съ обозначеніемъ ихъ количества ²⁾. Впрочемъ, иногда количество dies или manopera строго не опредѣлено Полиптикомъ, и зависитъ отъ усмотрѣнія министеріаловъ. Въ такихъ случаяхъ говорится, что держатель отправляетъ «manoperas quantum ei injungitur или jubetur» ³⁾. Нерѣдко служба, обозначаемая терминомъ manopera, стоитъ въ тѣсной связи съ службой, обозначаемой терминомъ curvada, такъ что, если размѣры первой увеличиваются, размѣры второй пропорціонально уменьшаются, и наоборотъ. Такъ, Ratbertus colonus, упоминаемый въ art. 81 breve de Mantula, «quando curvadas facit, duos dies operatur cum manu; et quando curvadam non facit, tres dies operatur cum manu» ⁴⁾.

Къ разряду тѣхъ же ручныхъ работъ удобнѣе всего отнести службу, обозначаемую терминомъ *caplim* ⁵⁾. Caplim (отсюда фр. *couper*) есть обязанность рубить въ господскомъ лѣсу деревья на нужды аббатства ⁶⁾. Обычно каждый держатель отправляетъ эту повинность, «quantum ei jubetur» ⁷⁾. Кстати замѣтимъ, что проф. Ковалевскій ошибается, отождествляя caplim съ saraticum и считая то и другое поголовною податью ⁸⁾.

Обязанность доставлять подводы для надобностей аббатства носить наименованіе *carroperae* (отъ *carrum*). Чаше всего держатели отправляютъ carroperae «quantum eis injungitur, quantum eis jubetur» ⁹⁾, или «ubi eis injungitur, ubicumque injungitur» ¹⁰⁾, т. е. по усмотрѣнію министеріаловъ. И лишь въ пяти фискахъ случаи отправленія carroperae строго регламентированы ¹¹⁾. Въ breve de

¹⁾ Polyptyque, VII, 4; XIII, 1; XIV, 3; XX, 3.

²⁾ Ср. IX, 212.

³⁾ I, 16; II, 2; III, 2; IV, 2; V, 3; VI, 3; VII, 37.

⁴⁾ XX, 81. Ср. XXIV, 2.

⁵⁾ I, 2; III, 2, 37; IV, 2, 26; V, 3, 28; VII, 37, VIII, 3, 24, 37; XVI, 3 и др.

⁶⁾ Ср. Guérard. Prolégomènes, 769.

⁷⁾ Polyptyque, III, 2, 37; IV, 2, 26; V, 3 и др.

⁸⁾ Экономич. ростъ Европы, I, 166, примѣч.

⁹⁾ Polyptyque, I, 16; II, 6; III, 2.

¹⁰⁾ IV, 2; V, 3; XXI, 4 и др.

¹¹⁾ IX, XI, XIII, XVII, XXIV.

Villamilt мы находимъ нѣсколько видовъ саггереае. Въ art. 153 говорится, что держатели должны доставлять запряженную двумя быками повозку для перевозки господскаго винограда. Держатели другого манза фиска de Villamilt поставляютъ для той же цѣли запряженную однимъ быкомъ повозку (art. 155). Шестъ держателей, упоминаемыхъ въ art. 304, доставляютъ чрезъ каждые два года въ третій подводы in Aequilinaм (повидимому, silvam) и вывозятъ въ теченіе двухъ дней навозъ изъ curtis dominica. Наконецъ, нѣкоторые держатели въ маѣ мѣсяцѣ ѣздятъ въ лѣса за колыями для изгороди (magisca, art. 201), а въ экстренныхъ случаяхъ поставляютъ подводы для ѣзды въ портъ Wicus или Quentowicus (wicharisca, art. 9 sqq).

Мы разсмотрѣли денежныя и натуральныя платежи и личныя службы держателей свободныхъ манзовъ на земляхъ аббатства св. Германа. Если мы обратимся теперь къ держателямъ *литскихъ манзовъ*, то увидимъ, что изъ вышеперечисленныхъ платежей они совѣтъ не несутъ herbaticum'a ¹⁾ и agraria, ²⁾, а остальные платежи правляютъ въ меньшемъ размѣрѣ ³⁾. Личныя службы держателей литскихъ манзовъ, повидимому, тѣ же, что и службы держателей свободныхъ манзовъ, за исключеніемъ caplim ⁴⁾.

Держатели *рабскихъ манзовъ* изъ платежей не несутъ hostilium'a, carnaticum'a, ⁵⁾ herbaticum'a, ⁶⁾ agraria ⁷⁾ и lignaritia ⁸⁾, но зато вмѣстѣ съ держателями hospitia платятъ такъ наз. *augustaticum* ⁹⁾. Augustaticumъ есть денежный платежъ, освобождающій отъ какой-либо работы на господскихъ поляхъ въ августѣ мѣсяцѣ, повидимому, отъ жатвы ¹⁰⁾. Размѣры его колеблются отъ 1/2 до 2 денар. ¹¹⁾. Что касается личныхъ службъ держателей рабскихъ манзовъ, то онѣ

¹⁾ Guérard. Prolégomènes, 679.

²⁾ Ibid., 682.

³⁾ Ibid., 672, 744.

⁴⁾ Ср. Polyptyque, XIII, 39 sqq.

⁵⁾ Guérard. Prolégomènes, 671.

⁶⁾ Ibid., 679.

⁷⁾ Ibid., 682.

⁸⁾ Ibid., 684.

⁹⁾ Polyptyque, IX, 6, 234—238, 243.

¹⁰⁾ Ср. Guérard. Prolégomènes, 689.

¹¹⁾ Polyptyque, IX, 234—238, 243.

равны всѣмъ службамъ держателей свободныхъ манзовъ, плюсъ *wacta*, т. е. отправленіе почной караульной службы въ *curtis dominica* ¹⁾. Впрочемъ, изъ art. 99 *breve* XIII мы видимъ, что караульная служба иногда падаетъ и на литскіе манзы, и даже на манзы свободные.

Какъ видимъ, менѣе всего разнятся личныя службы держателей манзовъ различныхъ состояній. Напрасно проф. Ковалевскій утверждаетъ, что отправленіе барщины по усмотрѣнію господина есть отличительная особенность держателя рабскаго манза ²⁾. Мы видѣли, что «*manoperas quantum eis iubetur*» въ извѣстныхъ случаяхъ отправляютъ держатели всѣхъ тяглыхъ манзовъ, а не однихъ только *mansi serviles*.

✓ Гораздо болѣе разнятся денежные и натуральные платежи держателей различныхъ категорій манзовъ. Наибольшее количество этихъ платежей падаетъ на свободные манзы, наименьшее—на манзы рабскаго состоянія. Это и естественно, такъ какъ первые по своимъ размѣрамъ значительно превосходятъ вторые. Благодаря такому распределенію платежей, матеріальное положеніе держателей рабскихъ манзовъ, надо думать, мало чѣмъ отличалось отъ матеріальнаго положенія держателей манзовъ свободныхъ ³⁾.

✓ Всѣ перечисленные платежи и службы тяглыхъ держателей аббатства являются простымъ вознагражденіемъ собственника за пользованіе принадлежащими ему землями. Но для населенія помѣстья современной эпохи земельный магнатъ—не только помѣщикъ

¹⁾ IX, 212; XIII, 64; XX, 13, 30; XXII, 79 bis.

²⁾ Экономич. ростъ Европы, I, 166—167.

³⁾ Ср. Guérard. *Prolégomènes*, 894—897. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ твердыхъ данныхъ для опредѣленія степеней доходовъ и расходовъ крестьянства той эпохи, и всѣ вычисленія Герара, направленные на разрѣшеніе этой проблемы, построены на очень шаткихъ основаніяхъ. Считаю, однако, не лишнимъ привести здѣсь результаты изслѣдованій названнаго ученаго относительно матеріальнаго благосостоянія крестьянства въ фискъ Palatiolum. Ежегодный валовой доходъ населенія каждаго свободного манза исчисленъ въ 808 фр. 51 сент., а ежегодный платежъ въ пользу аббатства—въ 175 фр. 3 сент. Чистый ежегодный доходъ, получаемый отъ обработки свободнаго манза, равняется, слѣдовательно, 633 фр. 48 сент. На каждую крестьянскую семью въ общемъ ежегодно приходится 382 фр. 21 сент., а на каждаго человека—110 фр. 71 сент., не считая доходовъ отъ скотоводства и побочныхъ заработковъ держателей. Въ заключеніе Гераръ приходитъ къ выводу, что въ эпоху Карла Великаго крестьянству церковныхъ помѣстій жилое лучше, нежели крестьянству нѣкоторыхъ провинцій современной ему Франціи (См. изложеніе содержанія «*Aperçu de la statistique de Palaiseau*» Guérard'a у Longnon'a. Polyptyque, I, 233—234).

землевладѣлецъ; онъ, сверхъ того, сеньоръ—покровитель, съ которымъ такъ наз. «подлый народъ» связанъ самыми тѣсными узами кліенты, т. е. личнаго подчиненія. Этотъ помѣщичій патронатъ, развивавшійся постепенно и въ концѣ концовъ признанный государствомъ, надѣляетъ земельного магната рядомъ правительственныхъ функцій, отправленіе которыхъ является источникомъ особыхъ *сеньоріальныхъ правъ*, прежде всего права *баналитета* и права *помѣстной юстиціи*. Баналитетъ, т. е. право сеньоріальной монополіи на продажу и обработку разнаго рода продуктовъ, вытекъ изъ административныхъ, или, точнѣе, полицейскихъ функцій земельного магната, отправляемыхъ имъ въ предѣлахъ помѣстья. Заботясь объ общественной безопасности и общественномъ благосостояніи, сеньоръ могъ издавать разнаго рода полицейскія постановленія, обязательныя для всего населенія его домѣна. Само собой разумеется, что дѣло не могло обойтись безъ злоупотребленій. Забота объ общественной безопасности часто являлась простою фикціей, прикрывавшей стремленіе сеньора къ соблюденію собственной выгоды. Одно изъ такихъ злоупотребленій и вылилось въ форму установленія баналитета, т. е. провозглашенія помѣщичей монополіи на продажу и обработку предметовъ первой необходимости¹⁾.

Въ Полиптикѣ аббата Ирминона можно видѣть намекъ на существованіе одной только *мельничной монополіи*, или мельничнаго баналитета²⁾, но въ другихъ памятникахъ современной эпохи уже говорится и о *хлѣбной* и о *винной* монополіяхъ³⁾. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что пока право баналитета едва лишь намѣчается. Развитіе этого права, иногда принимающее прямо чудовищные размѣры, относится къ болѣе позднему времени—X и XI ст.

Изъ того же помѣщичьяго патроната вытекаетъ право *помѣстной юстиціи*. Будучи защитникомъ и покровителемъ своихъ *homines*, т. е. зависимаго населенія домѣна, помѣщикъ въ то же время лично наблюдалъ за ихъ поведеніемъ и лично наказывалъ ихъ преступленія и проступки, совершенныя въ предѣлахъ помѣстья.

1) Cp. Flach. Les origines de l'ancienne France, t. I, l. II, chap. XVI.

2) Cp. IX, 2; XX, 2.

3) Cp. Flach. Les origines de l'ancienne France, t. I, l. II, chap. XVI. Sée. Les classes rurales, 95 sqq.

Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ опеки и власти помѣщика надъ несвободными, сеньориальная юстиція существовала издавна. Но пожалованіе иммунитета раздвинуло ея рамки, подчинивши ей въ извѣстныхъ случаяхъ и свободныхъ обитателей помѣстья, наряду съ несвободными ¹⁾).

Изъ capitulare de villis мы узнаемъ, что на императорскихъ помѣстьяхъ вотчинная юстиція отправлялась управляющими (judices) ²⁾. Что касается частновладѣльческихъ земель, на которыхъ judices отсутствовали, то здѣсь вотчинная юстиція, повидимому, отправлялась такъ наз. majores, т. е. старостами. Такъ, вѣроятно, обстояло дѣло и на помѣстьяхъ аббатства св. Германа. Правда, въ Полиптикѣ есть упоминаніе и о judex'ѣ ³⁾, но является ли этотъ judex помѣстнымъ должностнымъ лицомъ, или общеимперскимъ чиновникомъ, рѣшить невозможно ⁴⁾.

IV.

✓ Намъ остается сказать объ организаціи помѣстнаго управленія по даннымъ Полиптика. Одна изъ отличительныхъ чертъ помѣстныхъ распорядковъ каролингской эпохи та, что собственникъ лично не управляетъ своими доменами. Онъ поручаетъ это дѣло цѣлому штату служащихъ, извѣстныхъ подъ именемъ *ministeriales*. Главная обязанность послѣднихъ—наблюдать за правильнымъ поступленіемъ платежей и отправленіемъ личныхъ службъ тяглыхъ держателей помѣстья ⁵⁾. Кромѣ земельныхъ держаній, эти лица, обычно выбираемые изъ среды того же крестьянства, получаютъ за свою службу извѣстную часть изъ господскихъ доходовъ ⁶⁾.

Изъ capitulare de villis Карла Великаго мы узнаемъ, что первое мѣсто среди министеріаловъ императорскихъ помѣстій начала IX в. занимали уже упомянутые judices. Это не исключительно судьи. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ полицейскія ⁷⁾ и судебныя ⁸⁾

1) Cp. Sée. Les classes rurales, 103 sqq.

2) См. art. 56 capit. de villis. Boretius, I, 88.

3) XXV, 4.

4) Cp. Guérard. Prolégomènes, 441—442.

5) Cp. Polyptyque, IX, 146; XII, 51.

6) Cp. XIII, 99.

7) См. art. 53—54, 57 capit. de villis.

8) Ibid., art. 4, 29, 52, 54.

функцій въ предѣлахъ домѣна, они въ тоже время завѣдуютъ всею хозяйственной жизнью послѣдняго ¹⁾, до мельчайшихъ подробностей, и ежегодно даютъ отчетъ о своей дѣятельности самому императору ²⁾.

Изъ того же *capitulare de villis* мы видимъ, что на императорскихъ помѣстьяхъ начала IX ст. въ непосредственномъ подчиненіи у *judices* стояли *maiores* — старосты ³⁾. Кругъ дѣятельности *maiores* уже круга дѣятельности *judices*. Съ одной стороны, полицейскихъ и судебныхъ функцій *maiores*, повидимому, не отправляютъ. Съ другой стороны, они имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи лишь такую территорію, какую «*in una die circumire aut providere potuerint*» ⁴⁾, т. е., повидимому, территорію одной только *villa*, между тѣмъ какъ *judices* управляютъ нѣсколькими *villae* сразу ⁵⁾. Вообще, *maiores*, въ сравненіи съ *judices*, служащіе низшаго ранга. «*Nequaquam de potentioribus hominibus maiores fiant, прямо говорить Карль Великій, sed de mediocribus qui fideles sint*» ⁶⁾.

Такимъ образомъ, *maior* императорскихъ помѣстій каролингской эпохи — это подчиненный *judex* у староста, завѣдующій хозяйственными распорядами одной только *villa*. Мы уже говорили, что а частновладѣльческихъ земляхъ *judices* обычно отсутствуютъ, и всѣхъ функцій переходятъ къ старостамъ (*maiores*) отдѣльныхъ *villae* ⁷⁾. И Полиптикъ аббата Ирминона каждый фискъ обычно имѣетъ одного только старосту. И лишь въ огромномъ фискѣ *de Villamilt* мы, въ видѣ исключенія, встрѣчаемъ двухъ *maiores* ⁸⁾.

Помѣстные старосты, какъ мы уже говорили, обычно назначаются изъ среды тѣхъ же тяглыхъ держателей. Въ однихъ случаяхъ то колонны ⁹⁾, въ другихъ рабы ¹⁰⁾. Наравнѣ съ остальными крестьянами, они получаютъ въ держаніе земельные участки ¹¹⁾. Правда,

¹⁾ Ibid., art. 5, 8, 13—14, 18—19, 21, 23—24, 34—46 и др.

²⁾ Ibid., art. 62.

³⁾ Ibid., art., 10, 26.

⁴⁾ Ibid. art. 26.

⁵⁾ Ibid., art. 17. Ср. Guérard. *Prolégomènes*, 443, n. 7.

⁶⁾ *Capit. de villis*, art. 60.

⁷⁾ Ср. Sée. *Les classes rurales*, 124 sqq.

⁸⁾ IX, 8, 269, 271.

⁹⁾ II, 2; IX, 8, 271; XIII, 31; XVII, 3; XIX, 3; XXI, 3; XXIV, 2.

¹⁰⁾ Guérard. *Prolégomènes*, 450—451.

¹¹⁾ II, 2; IV, 36; VIII, 23 и др.

эти участки иногда больше других ¹⁾, но они несутъ обычные повинности держателей, до манопера включительно ²⁾. Нерѣдко мајорес обязаны дѣлать аббатству спеціальныя приношенія, которыя въ однихъ случаяхъ освобождаютъ ихъ отъ части обычныхъ повинностей ³⁾, въ другихъ случаяхъ не освобождаютъ и взимаются сверхъ этихъ повинностей ⁴⁾.

Управляющіе (judices) и старосты (majores) имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлый штатъ низшихъ служащихъ. Это прежде всего десятники (decani), стоящіе во главѣ десятковъ, на которые иногда, чисто въ хозяйственныхъ цѣляхъ, подраздѣляются помѣстья ⁵⁾. Изъ нашего Полиптика мы узнаемъ, что въ одномъ изъ фисковъ аббатства—de Villamilt—было три десятника, стоявшихъ во главѣ трехъ отдѣльныхъ десятковъ ⁶⁾, причемъ каждый изъ нихъ имѣлъ помощника, называвшагося младшимъ десятникомъ—junior decanus ⁷⁾. Трехъ десятниковъ мы видимъ въ фискѣ de Bisconcella ⁸⁾. Наконецъ, въ фискахъ de Buxido, de Agmanto, de Mantula, и de Siccavalle мы находимъ по одному только десятнику ⁹⁾. Всѣ эти названные въ Полиптикѣ десятники—колоны, держащіе земельные участки наравнѣ съ остальными крестьянами. Повинности ихъ въ однихъ случаяхъ тѣ же, что и повинности прочихъ держателей ¹⁰⁾, въ другихъ случаяхъ онѣ уменьшены propter servitium или замѣнены спеціальными службами и приношеніями ¹¹⁾. По своему служебному положенію въ помѣстьѣ, десятники, повидимому, стоятъ въ такомъ же отношеніи

¹⁾ IX, 8; XXI, 3.

²⁾ II, 2. Впрочемъ, на императорскихъ помѣстьяхъ мајорес свободны отъ манопера. «Ut majores nostri..., читаемъ мы въ art. 10 capit. de villis, rega faciant et sogales donent de mansis eorum, pro manopera vero eorum ministeria bene praevideant».

³⁾ IX, 8; XIX, 3; XXII.

⁴⁾ Ср. XIII, 31, 100.

⁵⁾ Замѣтимъ, что десятокъ (decania) не неизмѣнно охватываетъ 10 крестьянскихъ поселковъ, но иногда болѣе, а иногда и менѣе (см. breve de Villamilt (IX) и breve de Bisconcella (XXIV)).

⁶⁾ IX, 1, 9, 57, 139, 209.

⁷⁾ IX, 58, 140, 210.

⁸⁾ XXIV, 1, 56, 71, 113.

⁹⁾ XIII, 18; XIX, 5; XXI, 4; XXII, 3.

¹⁰⁾ XIV, 56, 71, 113.

¹¹⁾ IX, 57—58, 139—140, 209—210, XIX, 5; XXII, 3.

къ старостамъ, какъ послѣдніе къ управляющимъ на императорскихъ земляхъ.

Изъ другихъ низшихъ служащихъ помѣстій аббатства св. Германа слѣдуетъ назвать *foristarius'a*, т. е. лѣсничаго, который смотритъ за лѣсами, а иногда и за виноградниками ¹⁾, *mulinarius'a*, т. е. мельника ²⁾, *cellerarius'a*—эконома ³⁾. Всѣ эти лица—обычно колонны или сервы, держащіе земельные участки и несущіе за это извѣстныя повинности ⁴⁾. Мы уже говорили, что всѣ эти *ministeriales* низшаго ранга состоятъ подъ непосредственнымъ руководствомъ *pajores* и являются ихъ орудіемъ въ дѣлѣ урегулированія хозяйственной жизни помѣстья.

V.

Разборъ Полиптика аббата Ирминона познакомилъ насъ съ состояніемъ несвободнаго крестьянства одного изъ уголковъ Франціи начала IX ст. Не забудемъ, что это время было временемъ наивысшаго расцвѣта верховной власти каролинговъ. Послѣ Карла Великаго эта власть, какъ извѣстно, сдѣлалась фикціей, и наступилъ продолжительный періодъ анархій, когда право сильного сдѣлалось чуть ли не единственнымъ правомъ, признаваемымъ на всемъ громадномъ протяженіи раздробленной имперіи. Такова была та политическая обстановка, въ которой совершалась дальнѣйшая эволюція помѣстныхъ распорядковъ. Если и ранѣе помѣстье пользовалось извѣстной политической самостоятельностью, впрочемъ, поставленною въ опредѣленныя рамки бдительностью императора, то теперь оно фактически дѣлается ни отъ кого независимымъ. Соотвѣтственно этому характеръ власти земельного магната измѣняется кореннымъ образомъ. Если ранѣе онъ являлся по отношенію къ подвластному ему населенію все таки болѣе помѣщикомъ, нежели государемъ, то теперь какъ разъ наоборотъ, онъ становится болѣе государемъ, нежели помѣщикомъ. Иначе говоря, политическія права земельного магната начинаютъ играть болѣшую роль, нежели права

¹⁾ VI, 53.

²⁾ XIX, 6.

³⁾ IX, 288; XIX, 4.

⁴⁾ VI, 53; IX, 288; XIX, 4, 6. Ср. *capitulare de villis*, art. 10.

экономическія. Вотъ почему можно сказать, что *помѣстная система*, какъ система, основанная на территоріальномъ, экономическомъ принципѣ, съ этихъ поръ уступаетъ мѣсто *сеньориальной системѣ*, основанной на принципѣ политическаго подчиненія. На самомъ дѣлѣ, захвативши въ свои руки всѣ элементы растерянной каролингами верховной власти, земельный магнатъ теперь можетъ дѣлать со своими подчиненными все, что угодно. Отсюда масса злоупотребленій, выразившихся въ установленіи безконечнаго множества сеньориальныхъ повинностей, которыя отнюдь не вытекали изъ положенія сеньора, какъ простаго помѣщика. Произвольная талья и другіе экстраенные налоги и поборы, всякаго рода «угощенія», «помочи», безконечные баналитеты, шеважи, шампары, формаріажи и т. п. — все это порожденіе того мрачнаго времени, когда «насиліе заставляло искать покровительства, а это покровительство, въ свою очередь, превращалось въ насиліе» ¹⁾. И само собой разумѣется, что это время было временемъ окончательнаго порабоженія вѣкогда свободнаго крестьянства. Слѣдующій примѣръ какъ нельзя лучше говоритъ намъ о судьбѣ лицъ, вынужденныхъ искать среди этого всеобщаго крушенія покровительства и защиты. Жители одного домэна — свободные собственники — вздумали отдаться подъ покровительство сосѣдняго сеньора — могучаго магната. Тотъ немедленно обложилъ ихъ сеньориальными повинностями, затѣмъ отнялъ у нихъ имущество и поставилъ ихъ въ положеніи сервовъ. Напрасно несчастные отправились съ жалобами къ королю, когда онъ праздновалъ свое коронованіе въ Solesmes. Они никакъ не могли пробраться сквозь блестящую толпу вельможъ, составлявшихъ королевскую свиту, а ихъ грубая деревенская рѣчь не давала имъ возможности объяснить свое дѣло. Ничего не добившись, они вынуждены были возвратиться домой и безропотно покориться насилію. Это происходило въ первой половинѣ XI ст. Въ началѣ XII ст. незаконно пріобрѣтенное имущество было продано потомками узурпатора аббатству Мури, въ Швейцаріи. И гуманный монахъ-лѣтописецъ, оставившій намъ подробный рассказъ о злодѣйскомъ захватѣ, выражаетъ свое живѣйшее негодованіе и порицаніе корпорации, купившей добычу разбойника. «Пусть

¹⁾ Flach. Les origines de l'ancienne France, I, 471.

каждый поразмыслить самъ съ собою, поучаетъ лѣтописецъ, что за польза и что за счастье можетъ произойти для души и для тѣла отъ столь нечестно пріобрѣтеннаго имущества. Вѣдь, каждый о томъ только и долженъ заботиться, чтобы не питать свое тѣло душѣ на погибель. Пусть каждый призадумается, что за польза, если злодѣй будетъ грабить, а монахъ питаться его пріобрѣтеніями» ¹⁾).

Никто лучше Флака не изобразилъ общественной катастрофы X—XI ст., выразившейся въ развитіи сеньоріальнаго режима ²⁾. Этотъ же изслѣдователь далъ великолѣпную картину постепеннаго оздоровленія и возрожденія общественнаго организма въ послѣдующія столѣтія ³⁾. Одинъ изъ факторовъ этого возрожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ разложенія помѣстнаго (сеньоріальнаго) строя—свободная крестьянская община. Если ранѣе помѣстье поглотило село, всосавши въ свои нѣдра мелкую аллодіальную собственность, то въ XII—XIII ст. село разрушаетъ помѣстье, мало по малу вырываясь изъ подъ тягостной опеки сеньоріальныхъ министеріаловъ и захватывая сеньоріальныя владѣнія въ собственность ⁴⁾.

Н. Граціанскій.

---

¹⁾ См. выдержки изъ Acta Murensia y Flach'a. Les origines de l'ancienne France I, 468—469.

²⁾ Ibid., I, I. II. La dissolution de la société.

³⁾ Ibid., II. Les origines communales. La Féodalité et la Chevalerie.

⁴⁾ Ibid., II, 27—139.

Къ вопросу о культѣ богини Дѣвы въ Херсонисѣ Таврическомъ.

Извѣстно, что въ пантеонѣ Херсониса Таврическаго одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимала богиня, называвшаяся нарицательнымъ именемъ «Дѣвы» (Παρθένας). Мы не будемъ здѣсь напоминать существующія свѣдѣнія объ ея культѣ, главнымъ образомъ эпиграфическія ¹⁾. Задача настоящей замѣтки заключается только въ томъ, чтобы указать на одинъ херсонисскій эпиграфическій документъ, отношеніе котораго къ культу Дѣвы до сихъ поръ, если не ошибаемся, никѣмъ не было отмѣчено.

Мы имѣемъ въ виду декретъ, найденный въ февралѣ 1906 г. въ кучѣ камней на херсонисскомъ городищѣ и изданный нами по эстампажу въ «Извѣстіяхъ Имп. Археолог. Коммиссіи», в. 18 (1906). стр. 114 слл., № 23. Сохранилась только верхняя часть стелы, но и въ ней лѣвая сторона надписи оказалась совершенно изглаженною дождями, за исключеніемъ 1-й строки, въ которой сохранилось почти цѣликомъ имя магистрата ὁ ἐπὶ τῆς διοικήσεως Ираклида Парменонтова, предложившаго декретъ народному собранію вмѣстѣ съ тремя «стражами закона» (νομοφύλακες) и казначеемъ, имена которыхъ сохранились не вполнѣ. Въ виду того, что отъ декрета остались только правая половины строкъ, по которымъ контекстъ можетъ быть возстановленъ различными способами, мы при изданіи декрета предпочли воздержаться отъ возстановленій, за исключеніемъ лишь самыхъ очевидныхъ, и при этомъ отмѣтили: «По характеру письма декретъ можетъ быть отнесенъ къ III в. до Р. Хр. Письмо его

---

¹⁾ Краткое сопоставленіе свѣдѣній даетъ, напр., Höfer въ Roscher's Lex. d. gr. u. röm. Myth., т. III, ст. 1661. Ср. Wernicke въ Pauly-Wissowa R.-E. n. сл. Artemis, т. II, ст. 1396. О признаніи Дѣвы херсонисцами въ римскія времена вѣчною царицею города см. наши ПОНТИКА (Спб. 1909), стр. 320 слл.

очень сходно съ письмомъ декрета IosPE. I, № 184, предложеннаго лицомъ, имя котораго мы предположительно возстановили [Ἡρακλ]εΐδας Παρμένοντος. Теперь можно сказать съ увѣренностью, что наше возстановленіе было правильно и что въ обоихъ декретахъ названо одно и то же лицо».

Въ 1908 г. Р. Х. Леперу посчастливилось найти въ Херсонисѣ два новые фрагмента декрета № 184, которые онъ и издалъ вмѣстѣ съ найденнымъ раньше въ «Извѣстіяхъ И. А. Комм.», в. 45 (1912), стр. 44 слл., № 3. Благодаря новой находкѣ и предложеннымъ уже раньше нѣмецкими учеными Вильгельмомъ и Бехтелемъ попыткамъ возстановленія нѣкоторыхъ мѣстъ въ первомъ обломкѣ, декретъ болѣе или менѣе прочно ¹⁾ возстановляется почти цѣликомъ, за исключеніемъ конца, заключавшаго въ себѣ датировку. Ираклидомъ Парменонтовымъ было предложено дать почетную награду мѣстному писателю Сириску Ираклидову, написавшему и публично прочитавшему два сочиненія: 1) объ явленіяхъ (ἐπιφάνειαι) Дѣвы и 2) о мирныхъ сношеніяхъ Херсониса съ Воспорскими царями и съ городами (какими именно—въ декретѣ ближе не указано).

Изученіе этого возстановленнаго декрета, въ которомъ проявился интересъ его автора къ культу Дѣвы, побудило насъ вновь обратить вниманіе на предложенный тѣмъ же Ираклидомъ декретъ, изданный нами въ 1906 г., съ цѣлью опредѣлить, не имѣетъ ли и онъ отношенія къ культу той-же богини, и въ утвердительномъ случаѣ попытаться возстановить его содержаніе. Представляю здѣсь прежде всего результатъ этой попытки, а затѣмъ постараюсь вкратцѣ выяснитъ соображенія, на которыхъ основано предлагаемое возстановленіе.

- 1 Ἡρακλεΐδας Παρμένοντος ἐπὶ τὰς διοικήσε[ος]
εἰ[ών] [καὶ νομοφύλα]κ[ης] Πολύστρατος Κλε...
... .. Δαμοκλεΐος, Ἡρώιδ[ας]
... .. καὶ τ[α]μί[ας] Βάβρων Ἀθανα[ίου]
- 5 εἶπαν· ὅπως ἂν καλῶ[ς] ἔχῃ τοῖς πολίταις τὰ
[περὶ τὰν θεᾶν Παρθένον καὶ τὰς γενομένας
[βοηθείας . . . . .] ἐνδεχομένην ὁ δᾶ-
[μος] Χερσονασιτᾶν αὐτᾷ φαίνεται χάριν
[ἀποδιδούς, πρότερόν τε] σωθεῖς δι' αὐτᾶν

¹⁾ Ср. наши замѣчанія въ Изв. И. А. Комм., в. 45, стр. 133.

- 10 [ἐκ τῶν μεγίστων κινδύν]ων καὶ νῦν ἐκπεπο-
 [ρευμένων τῶν οἰκητ]ήρων μετὰ τέκνων
 [καὶ γυναικῶν ἐπὶ τὰν] κομιδᾶν τοῦ Διονύς-
 [ου . . . . . καὶ ἔφροδον? πο]νησαμένων παραλύ-
 [γως τῶν παροικούντων] βαρβάρων καὶ δο-
 15 [. . . . . τὸ ἄγαλ?]μα τὰν εἰς πᾶσα-
 [ν τὰν πόλιν? . . . . .] ἐλευθερά-
 ν . . . . .

О возстановленіи «прескриптовъ» (стр. 2—4), данномъ нами уже при первомъ изданіи декрета, много говорить не приходится: возстановленіе [νομοφύλα]κας въ стр. 2-й должно считаться несомнѣннымъ ¹⁾, а личные имена, конечно, не могутъ быть возстановлены съ достовѣрностью. Обратимся прямо къ мотивировкѣ декрета, начинающейсѣ со стр. 5-й. Coniunctivus EXH (съ примѣчательнымъ для даннаго времени опущеніемъ приписной іоты) сразу показываетъ, что мотивировка была не причинная, а финальная, т. е. начиналась не съ ἐπειδὴ, а съ ὅπως ἂν; второй конъюнктивъ мы имѣемъ въ стр. 8-й (φαίνεται); очевидно, въ зависимости отъ ὅπως ἂν стоятъ два предло-
 женія, для соединенія которыхъ можетъ служить союзъ καί, постав-
 ленный въ стр. 6-й. Стало быть, первое предположеніе было очень
 коротко и оканчивалось въ 6-й строкѣ словомъ, отъ котораго со-
 хранились двѣ конечныя буквы ON; въ стр. 5-й между ἂν и ἔχῃ по
 разсчету не могло стоять болѣе 5—6 буквъ, такъ что нарѣчіе χαλῶς
 подходит къ лакунѣ наилучшимъ образомъ. Далѣе, стоящія въ
 самомъ концѣ стр. 5-й буквы ΤΑ скорѣе всего могутъ быть при-
 няты за форму члена ср. р. множ. ч., который стоитъ при суще-
 ствительномъ того же рода, составляющемъ подлежащее при ска-
 зуемомъ ἔχῃ въ ед. числѣ, или можетъ имѣть послѣ себя выраже-
 ніе съ предлогами περί, πρός, ὑπέρ и др., которое и будетъ подлежа-
 щимъ при томъ же сказуемомъ. Теперь оставимъ пока въ сторонѣ
 это первое предположеніе и обратимся ко второму. Слова, сохранив-
 шіяся въ строкахъ 8-й и 9-й, показываютъ совершенно ясно, что
 во второмъ предположеніи рѣчь идетъ о выраженіи благодарности πᾶ-

¹⁾ Напоминимъ только, что составъ коллегіи номофилаговъ именно изъ трехъ членовъ теперь можетъ считаться установленнымъ вполне прочно. См. *Депера* въ Изв. И. А. Комм., в. 45, стр. 41 слл.

тому существу женскаго пола за спасеніе, полученное чрезъ него (ἐν αὐτῶν), причѣмъ прич. σωθεῖς указываетъ, что подлежащимъ при немъ и при φαίνεται должно быть существительное мужскаго рода. Начало этого существительнаго мы находимъ въ концѣ стр. 7-й въ буквахъ ΔΑ, которыя прямо, такъ сказать, напрашиваются на пополненіе δᾶ[μος], а съ другой стороны буквы ΩΝ, первая изъ сохранившихся въ стр. 10-й, наталкиваютъ на данное нами возстановленіе 1-й половины этой строки, требуемое глаголомъ σωθεῖς ¹⁾. Теперь спрашивается, какому же существу женскаго пола авторъ предложенія Ираклидъ могъ приписать (при томъ, очевидно, съ смѣлымъ расчетомъ на сочувствіе и согласіе народнаго собранія) спасеніе Херсонисскаго народа отъ величайшихъ опасностей и предложить воздать за это подобающую (ἐνδεχομένην) благодарность? Очевидно, не кому иному, какъ богинѣ-покровительницѣ города Дѣвѣ, которая и въ болѣе позднемъ декретѣ въ честь Діофанта Синопскаго (IosPE. I, 185) характеризуется, какъ ἡ διὰ παντός Χερσονησιτῶν σωτήρις. Если же подѣ спасительницей народа разумѣть Дѣву, принять во вниманіе, что она обозначается во второмъ предложеніи не собственнымъ именемъ, а указательными мѣстоименіями (стр. 8 и 9), то станетъ ясно, что имя ея должно было быть названо уже въ 1-мъ предложеніи, очень коротенькомъ, занимавшемъ нѣсти строкъ 5-й и 6-й. Въ такомъ случаѣ буквы ΩΝ, первая изъ сохранившихся въ стр. 6-й, прекрасно могутъ быть приняты за окончаніе этого имени.

Вотъ основныя соображенія, на основаніи которыхъ мы предлагаемъ выписанное выше возстановленіе декрета. Но надо прибавить нѣсколько словъ и по поводу другихъ частныхъ возстановленій. Въ стр. 7-й мы не можемъ поручиться за слово σωθεῖς, а слѣдующую часть лакуны намъ и совсѣмъ не удалось восполнить. Во всякомъ случаѣ въ началѣ стр. 7-й должно стоять существительное женскаго рода ед. числа, требуемое сохранившимся причастіемъ съ членомъ — τὰς γενόμενας; мы принимаемъ эти слова за род. ед. (а не за винит. множ.) въ зависимости отъ слѣдующаго далѣе существительнаго χάριν. Единств. число βοηθεῖς можно

¹⁾ Другое возможное возстановленіе [ἐκ διαφόρων κινδύνων]ων менѣе подходит къ количеству буквъ.

понять какъ указаніе на конкретный случай оказанной помощи, — скорѣе всего при томъ эпизодѣ, который подробно описывается въ стр. 10 и слл. Далѣе, въ стр. 9-й мы предлагаемъ *πρότερον* т.е. на основаніи множества аналогій въ эпиграфическихъ документахъ, въ соотвѣтствіе слѣдующимъ далѣе (стр. 10) словамъ *καὶ οὖν*. Этими словами начинается, повидимому, подробное описаніе новѣйшаго случая оказанной Дѣвою помощи, но вполне возстановить это описаніе намъ, къ сожалѣнію, не удалось, тѣмъ болѣе, что оно и не окончено на сохранившейся части камня. Кажется, дѣло было такъ, что жители (*οἰκήτορες*) города съ женами и дѣтьми вышли за городъ въ праздничной процессіи для сопровожденія статуи Діониса, при этомъ на нихъ врасплохъ напали сосѣдніе варвары, и Дѣва тѣмъ или другимъ образомъ спасла ихъ отъ грозившей опасности. Такой подробности изъ культа Діониса въ Херсонисѣ мы не знаемъ, но, конечно, вполне возможно предположить существованіе, напр. во время сбора винограда, праздника, при которомъ статуя Діониса въ торжественной процессіи выносилась изъ города въ виноградники и затѣмъ по окончаніи праздника возвращалась въ городъ.

Возстановленіе [*οἰκή*] *όρων* въ стр. 11-й мы даемъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, такъ какъ на камнѣ между буквами О и Р есть попорченное мѣстечко, въ которомъ могла бы помѣститься одна буква. Возможно, однако, предположить, что этотъ изъянъ въ камнѣ имѣлся уже при самой вырѣзкѣ декрета, и рѣзчикъ долженъ былъ обойти его. Постановка существительнаго *οἰκήτορες* въ данномъ мѣстѣ вмѣсто *πολίται* можетъ быть объяснена предположеніемъ, что къ участію въ процессіи допускались не только граждане, но и проживавшія въ городѣ лица, не имѣвшія правъ гражданства ¹⁾.

Очень жаль, что мы вслѣдствіе пропажи нижней половины камня лишены возможности узнать, что именно Праклидъ Пармеонтовъ предлагалъ для улучшенія (или упорядоченія, урегулированія) культа Дѣвы и для выраженія ей благодарности за ея покровительство и помощь. Участіе номофилаковъ и государственнаго казначея въ этомъ предложеніи показываетъ, что оно такъ или иначе затрагивало финансовые интересы города. Возможно, что было

¹⁾ Вспомнимъ, напр., участіе метиковъ въ афинскихъ Панаѣвнияхъ.

предложено построить или ремонтировать храмъ Дѣвы, воздвигнуть ей статую, учредить праздникъ и т. п. Но даже и въ настоящемъ отрывочномъ видѣ декретъ представляется намъ далеко небезынтереснымъ для характеристики религіозныхъ воззрѣній Херсонисцевъ и въ частности глубокой вѣры ихъ въ постоянное заступничество божественной покровительницы города.

В. Латышевъ.

Спорные вопросы, связанные съ псевдоксено- фонтовой „Афинской политіей“.

(По поводу новаго изданія: Die pseudoxenophontische 'Αθηναίων πολιτεία. Einleitung, Uebersetzung, Erklärung von Ernst Kalinka. Verlag von B. G. Teubner in Leipzig und Berlin 1913, V+324 pp. 8°, ц. 10 мар.).

Небольшой памятникъ политической литературы древнихъ грековъ, извѣстный подъ именемъ 'Αθηναίων πολιτεία и ошибочно приписанный древними Ксенофонту, представляетъ собою, какъ извѣстно, одно изъ наиболѣ загадочныхъ произведеній античной прозы. Ни общій планъ и композиція трактата, ни время и цѣль составленія труда, ни имя автора не могутъ быть установлены съ точностью. И, тѣмъ не менѣе, трактатъ этотъ имѣетъ для насъ огромное значеніе, какъ драгоценный источникъ для эпохи расцвѣта Афинскаго государства: недаромъ Виламовицъ называетъ это произведеніе «золотою книгою о государственномъ устройствѣ афинянъ».

Вотъ почему можно съ радостью привѣтствовать новое критическое изданіе этого замѣчательнаго памятника, изданіе, снабженное превосходнымъ комментариемъ и принадлежащее такому знатоку нашего трактата, какъ инсбрукскій профессоръ *Эрнестъ Калинка* ¹⁾. Въ обширномъ введеніи Калинка дѣлаетъ попытку заново пересмотрѣть всѣ запутанныя проблемы, связанныя съ трактатомъ; таковы время возникновенія, личность автора, композиція и литературное значеніе памятника.

---

¹⁾ *Э. Калинка* принадлежитъ, кромѣ разбираемаго труда, еще editio minor: Xenophontis de republica Atheniensium qui inscribitur libellus. Rec. app. crit. instr. indice verb. adauxit Ernestus Kalinka, Viennae 1898 и статья: Proleg. zur pseudoxen. 'Αθ. πολ. въ *Wiener Studien* XVIII, 1896, 27 сл.

Композиція трактата представляется на первый взгляд чрезвычайно странной: ходъ мыслей лишенъ видимой стройности и послѣдовательности, изложеніе крайне отрывочно и неполно. Авторъ неоднократно впадаетъ въ непримиримое противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ то категорически заявляетъ о своей ненависти къ афинской демократіи, то восхваляетъ послѣдовательность внутренней политики афинянъ; то злобно иронизируетъ по поводу нравственныхъ качествъ простого народа, то не находитъ словъ для прославленія могущества Аѣинъ и ихъ военнаго флота, созданнаго тѣмъ же самымъ народомъ.

Въ чемъ же кроется происхожденіе этой любопытной особенности нашего трактата, столь рѣзко отличающей его отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ памятниковъ античной литературы? Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, издавна служилъ въ наукѣ предметомъ самыхъ оживленныхъ споровъ и разногласій.

Roscher и Belot выдвинули психологическую точку зрѣнія: противорѣчивость изложенія трактата является, по ихъ мнѣнію, результатомъ особаго душевнаго настроенія автора, въ которомъ горячая привязанность къ родной странѣ борется съ нескрываемою ненавистью къ нѣкоторымъ ея учрежденіямъ. Психологическимъ процессомъ, происходящимъ въ душѣ автора, объясняетъ «видимыя противорѣчія» въ разсматриваемомъ трактатѣ и Th. Gomperz, по мнѣнію котораго глубокая ненависть къ афинской демократіи сочетается въ авторѣ съ искреннимъ преклоненіемъ передъ стройностью и организациею ¹⁾.

Иначе смотритъ на дѣло дипломатическая теорія, объясняющая особенности изложенія трактата ранней порчею рукописнаго преданія. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, утеряны начало (Schneider, Platen, Morel, Dindorf, Hempel, Wilh. Nestle, отчасти Christ-Schmid), конецъ (Roscher, Helbig, Roth, Vischer, Croiset, Bergk-Peppmüller) или другія части трактата (R. Schöll, E. Müller, Dufour), такъ что онъ представляетъ собою не что иное, какъ отрывокъ изъ другого, болѣе обширнаго произведенія (Schneider, Platen, E. Müller, Lübke,

¹⁾ *Гомперцъ*, Греч. мыслители I (СПб. 1911), 417 сл.

Croiset) ¹⁾. По мнѣнію другихъ ученыхъ, листы оригинала попали не на свои мѣста и произвольно были расположены позднѣйшимъ редакторомъ («діаскевастическая» теорія по терминологіи Θ. Ф. Зѣлинскаго); отсюда необходимость ряда перестановокъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ, для возстановленія первоначальнаго его вида (G. Faltin, Kirchhoff, M. Schmidt, Belot, L. Lange, R. Schöll) ²⁾. По мнѣнію третьихъ, текстъ испещренъ позднѣйшими вставками; такъ, по Ern Herzog'у, въ первоначальномъ текстѣ, проникнутомъ олигархическою тенденціей, сдѣланы были интерполяціи демократическаго характера ³⁾, по А. Н. Шварцу, наоборотъ, основной текстъ написанъ былъ въ умѣренномъ тонѣ аристократомъ, глубоко любившимъ свою родину и многимъ въ ней гордившимся. На этомъ текстѣ какой-то олигархъ болѣе поздняго времени, быть можетъ, эпохи реставраціи, сдѣлалъ замѣтки, вызванныя чтеніемъ трактата; въ результатъ контаминаціи обоихъ текстовъ и возникла нынѣшняя редакція трактата ⁴⁾. Съ утвержденіемъ А. Н. Шварца до нѣкоторой степени соглашается и Θ. Ф. Зѣлинскій.

Наконецъ, группа изслѣдователей ищетъ объясненія особенностямъ трактата не въ исторіи рукописнаго преданія, а въ обстоятельствахъ возникновенія «Аѳинской Политіи», какъ литературнаго произведенія; а именно, одни усматриваютъ въ трактатѣ не законченное, отдѣланное сочиненіе, а черновой набросокъ, конспектъ (Heinrich. Fuchs, Säuppe, Müller-Strübing, Rühl, Relot. Blass). другіе — переработку діалога (Cobet, Pankow, Wachsmuth, J. J. Hartmann и Bauer ⁵⁾).

Таковы сдѣланныя въ наукѣ попытки объяснить указанныя выше особенности композиціи «Аѳинской пол.». Взаимоотношеніе всѣхъ

¹⁾ Подробности см. въ разбираемомъ трудѣ Эрнеста Калики: Die pseudohexaporthontische 'Αθήν πολ., 22, примѣч. 5—8.

²⁾ См. книгу Э. Калики, стр. 23 сл. и изслѣдованіе А. Н. Шварца: [Ξενοφώντος] 'Αθήν. πολιτεία — О государствѣ Аѳинскомъ, сочин. неизв. автора V в. до Р. Хр. Москва, 1891, стр. 16 сл.

³⁾ См. Э. Калика, 25.

⁴⁾ А. Н. Шварцъ, назв. соч., 46. Оттого Θ. Ф. Зѣлинскій въ своей рецензіи на книгу А. Н. Шварца (Филол. Обзор. II, 1, 1892, стр. 33) называетъ эту теорію «агрегационной».

⁵⁾ См. Каліка, 26. Θ. Ф. Зѣлинскій (Филол. Обзор. II, 1, 1892, стр. 33) называетъ теорію Cobet'a «эпитоматорной».

этихъ теорій можно, какъ мнѣ кажется, изобразить при помощи слѣдующей схемы:

Росчер, Belot, Gomperz, В. П. Бузескуль			
Цикло- гическая теорія	Теорія фрагментар- ности текста (Schneider, Platen, E. Müller, Roth, Schöll, Dufour, Croiset, и друг.).	Теорія перестановокъ (Faltin, Kirchhoff, M. Schmidt, L. Lange, Schöll, и друг.).	Теорія интерполя- ции (А. Н. Шварцъ, E. Herzog и друг.).
Дипломатиче- скія теоріи.	Теорія конспекта (Saup- pe, Müller-Strübing, Rühl, Blass и друг.).	Теорія извлеченія изъ диалога (Cobet, Pankow, Wachsmuth, Hartmann, Baner и друг.).	Теорія импрови- зации (E. Kalinka).

Новѣйшій изслѣдователь нашего трактата *Ernst Kalinka* при-
одитъ къ заключенію, что ни одна изъ приведенныхъ выше теорій
е выдерживаетъ критики; мало того, теоріи эти являются совер-
шенно излишними, такъ какъ, при внимательномъ анализѣ содер-
жанія трактата, кажущаяся хаотичность изложенія исчезаетъ, и ходъ
мыслей пріобрѣтаетъ до извѣстной степени логическую стройность
и послѣдовательность; предъявлять же болѣе высокія требованія къ
архитектоникѣ трактата мы не вправѣ, такъ какъ онъ представляетъ
обою импровизацію (*eine Stegreifrede*) ¹⁾ и возникъ ранѣе того
вышшаго расцвѣта риторики и краснорѣчія, который характеризуетъ
обою Аѳины конца V-го и первой половины IV-го вѣка ²⁾. Ни-
какихъ постороннихъ вставокъ, никакой порчи рукописной традиціи
Калинка, поэтому, не допускаетъ.

Такимъ образомъ, названный филологъ примыкаетъ къ тому
внутреннему толкованію, представителями котораго являются, напр.,
V. Roscher, В. П. Бузескуль ³⁾, J. Mahaffy ⁴⁾ и другіе изслѣдова-

¹⁾ E. Kalinka, 54 слл.

²⁾ E. Kalinka, 26 слл.

³⁾ В. П. Бузескуль, Введеніе въ исторію Греціи, Харьк. 1904, 141 слл.; срав.
то же Краткое введеніе въ исторію Греціи, Харьк. 1910, 70 слл. и Исторію аѳин-
ской демократіи, С.-Пб. 1909, 307.

⁴⁾ J. P. Mahaffy, A History of Classical Greek Literature, II, 250 (рус. пер.).

тели, признающіе находямыя въ трактатѣ противорѣчія лишь кажущимися. Нельзя, конечно, не согласиться, что послѣдователи «атомистической» теоріи, въ своихъ попыткахъ расчленивъ трактатъ на рядъ самостоятельныхъ частей, заходятъ слишкомъ далеко. Такъ, G. Faltin выкраиваетъ изъ текста 21 небольшой отрывокъ, который затѣмъ перетасовываетъ въ новомъ порядкѣ. Ad. Kirchhoff расчленяетъ весь трактатъ на 19 составныхъ частей и т. под.¹⁾ Поэтому, рѣшительная попытка новѣйшаго издателя стать выше крохоборства ученыхъ прежней школы заслуживаетъ полного вниманія. Но, съ другой стороны, необходимо признать, что черезчуръ оптимистическій взглядъ на состояніе нашего текста, взглядъ, котораго придерживается *Калинка*, врядъ ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо, не говоря уже о несвязностяхъ и пропускахъ, въ текстѣ трактата встрѣчаются мѣста, содержащія въ себѣ столь странныя и непримиримыя противорѣчія, что приписать ихъ одному и тому же автору рѣшительно невозможно. Такъ, напр. въ I, 14 преслѣдованіе аѳинянами аристократовъ въ союзныхъ городахъ объясняется чисто политическими мотивами, а именно — стремленіемъ усилить демократическую партію, причемъ указывается на то, что и аристократическая фракція придерживалась такого же образа дѣйствій, а въ слѣдующемъ параграфѣ эта политика аѳинскаго демоса уже объясняется слѣпымъ эгоизмомъ и корыстолюбіемъ (τοῖς δὲ δημοτικοῖς δοκεῖ μεῖζον ἀγαθὸν εἶναι τὰ τῶν συμμάχων χρήματα ἢνα ἕκαστος Ἀθηναίων ἔχῃν κτλ.). Вставкою приходится признать и сентенцію въ I, 5: ἔστι δὲ πάσῃ γῇ τὸ βέλτιστον ἐναντίον δημοκρατίᾳ вмѣстѣ съ слѣдующею за нею страстною, нервною характеристикой добрыхъ качествъ аристократіи и недостатковъ простого народа, характеристикой, рѣзко противорѣчащей спокойному и серьезному тону другихъ мѣстъ разсужденія, и т. д.

Не менѣе спорнымъ является вопросъ о времени составленія трактата. Псевдоксенофонтова Ἀθην. πολιτεία рисуетъ намъ картину почти безграничнаго морского могущества Аѳинъ (I, 11: ναυτικὴ δύναμις ἐστίν, срв. I, 15, II, 1, 7, 11 сл.). Отсюда Schneider справедливо вывелъ заключеніе, что интересующій насъ трактатъ написанъ былъ, во всякомъ случаѣ, до конца пелопоннесской войны.

¹⁾ См. А. Н. Шварцъ, 16 сл.

Затѣмъ Platen, Roth, Dindorf и друг. указали на то, что трактатъ не могъ возникнуть позже сицилійской катастрофы (413 г.). Доказательствомъ того, что трактатъ имѣеть въ виду *первый* морской союзъ, можетъ служить терминъ *φόρος* (II, 1; II, 2, 5), обозначающій взносы союзныхъ государствъ и замѣненный въ 413 г. словомъ *εἰσφορά* ¹⁾). Намеки трактата, указывающіе на продолжительное военное положеніе въ Аѣинахъ, могутъ имѣть въ виду лишь Пелопоннесскую войну ²⁾). Такимъ образомъ, опредѣляется приблизительно время возникновенія нашего трактата: 431—413 до Р. Хр.

Болѣе точный *terminus ante quem* установленъ былъ Roscher'омъ, показавшимъ, что, судя по II, 5, автору трактата неизвѣстно было о походѣ Брасида во Фракію (лѣто 424 г.); за это говорить, по мнѣнію А. Н. Шварца ³⁾, и свидѣтельство «Аѣинской политіи» о *ἐκ τῆς ἀποτυχίας* (II, 11). Итакъ, оказывается возможнымъ съ увѣренностью сказать, что нашъ трактатъ возникъ между 431 и 424 г.г., т. е. является древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ памятникомъ аттической прозы. Въ частности, Gutschmid приурочиваетъ его къ 30/29 г.; къ этой датировкѣ примыкають Faltin, M. Schmidt, H. Schwarcz, отчасти А. Н. Шварцъ; Kirchhoff, вслѣдъ за Roscher'омъ, датируетъ Политію 424 годомъ; Müller-Strübing относитъ трактатъ къ 417—414 г. (415 г.), Bergk-Peppmüller — къ 415/4 г.; къ еще болѣе поздней эпохѣ приурочиваютъ возникновеніе нашего памятника Belot и J. J. Hartman ⁴⁾).

Новѣйшій изслѣдователь интересующаго насъ памятника приводитъ къ выводу, что «Аѣинская политія» возникла послѣ Великихъ Довисій 426 г., но до Ленай 424 г. ⁵⁾, а такъ какъ послѣ взятія Фактеріи лѣтомъ 425 г. аѣиняне не имѣли основанія серьезно опасаться нападеній лакедемонянъ, которые, по словамъ *Ἀθηναίων* I, 14, угрожали аѣинскому государству, то Е. Kalinka, вслѣдъ за Busolt'омъ, склоненъ считать временемъ составленія трактата 426/5 г. до Р. Хр. ⁶⁾.

¹⁾ Kalinka, 5.

²⁾ Kalinka, тамъ же.

³⁾ А. Н. Шварцъ, 39.

⁴⁾ См. обо всѣхъ этихъ вопросахъ А. Н. Шварцъ, 35 сл., В. П. Бузескулъ, вѣденіе, 142 и примѣч. 2 и Kalinka, 5 сл.

⁵⁾ Kalinka, 12.

⁶⁾ Kalinka, 6, примѣч. 3.

Относительно личности автора велась, по замѣчанію Mahaffy, столь же яростная и бесплодная полемика. Такъ какъ интересующее насъ произведеніе возникло до 424 г., то авторомъ его, конечно, не могъ быть Ксенофонтъ, который родился около 430 г. Да и руководитель знаменитаго отступленія 10.000 никогда не могъ-бы написать фразу II, 5: τοῖς δὲ κατὰ τῆν (ἄρχουσιν) οὐχ οἷόν τε ἀπὸ τῆς σφετέρης αὐτῶν ἀπελθεῖν πολλῶν ἡμερῶν ὁδόν т. е. говорить о невозможности для государствъ, сильныхъ сухопутнымъ войскомъ, совершать продолжительныя экспедиціи вдали отъ родины ¹⁾. Въ новое время, кромѣ Cobet'a, въ авторство Ксенофонта вѣрятъ лишь очень немногіе (напр., Belot).

Roscher склоненъ былъ считать авторомъ «Афинской политіи» историка Фукидида. На сходство въ возрѣвіяхъ обоихъ греческихъ писателей указывали также Morel, R. Schöll и Croiset. M. Schmidt, полагалъ, что авторомъ былъ старшій Фукидидъ (Алопекскій), сынъ Мелесія, принадлежавшій, вмѣстѣ съ Перикломъ, къ числу наиболѣе краснорѣчивыхъ людей того времени, другъ союзниковъ, опытный мореплаватель. W. Helbig, приурочивавшій составленіе трактата къ 413 г., признавалъ авторомъ его Алкивіада. Но большинство изслѣдователей стоитъ за Критія. Еще Wachsmuth, правда не безъ колебанія, высказался въ 1829 г. за этого писателя; затѣмъ мнѣніе это высказано было Platen'омъ (независимо отъ Wachsmuth'a) въ 1843 г.; гипотеза объ авторствѣ Критія поддерживается Boeckh'омъ, E. Müller'омъ, и отчасти Blass'омъ, Dregur'омъ, Nestle и друг. Müller-Strübing усматриваетъ въ Ἀθῆν. πολ. заслушанное въ засѣданіи олигархическаго клуба возраженіе на λόγος πρὸς τοὺς ἐταίρους съ мирнымъ предложеніемъ реформъ; послѣднее принадлежало Критію, а отвѣтъ на него (т. е. нашъ трактатъ) вышелъ изъ-подъ пера Фриниха. Гипотеза эта нашла себѣ до нѣкоторой степени послѣдователя въ лицѣ Ed. Meyer'a ²⁾.

Изъ всѣхъ этихъ предположеній одна лишь гипотеза объ авторствѣ Критія представляется, по мнѣнію *Калинки*, болѣе или

¹⁾ *Kalinka*, 17.

²⁾ См. *Kalinka*, 17 сл.; Ю. А. Кулаковскій, Политія Афинянъ, *Кіевск. Унив. Изв.* XXI, 1881, № 7, стр. 167, 122 (175?). Русскій ученый приписываетъ это сочиненіе аристократу изъ парѣи Никія.

ментѣ правдоподобною. Но и противъ нея говорить нѣкоторые факты (они приведены у *Kalinka* на стр. 18—21), и названный ученый приходится къ грустному убѣжденію, что, не смотря на неустанную работу историковъ и филологовъ, имя автора «Аѳинской политіи» навсегда останется окруженнымъ непроницаемой тайной. Поэтому, *Kalinka* пытается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовать личность автора. Несомнѣнно, это былъ аѳинскій гражданинъ и олигархъ по политическимъ убѣжденіямъ. Только аѳинскій гражданинъ могъ сказать: (ἱσχυρίζην καὶ τοῖς δοῦλοις πρὸς τοὺς ἐλευθέρους ἐπικήσαμεν I, 12) ¹⁾. Повидимому, это былъ разносторонне образованный аристократъ: извѣстная послѣдовательность въ перечисленіи названій гѣстоностей въ II, 7 свидѣтельствуетъ о хорошемъ знакомствѣ его съ географіей. Должно быть, это былъ вліятельный членъ партіи, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и высокимъ нравственнымъ авторитетомъ; иначе онъ не рѣшился бы выступить такъ открыто съ своимъ, сравнительно умѣреннымъ, политическимъ credo, отрѣкшись отъ усвоенныхъ его сословіемъ предразсудковъ. Къ нѣкоторой поверхности въ сужденіяхъ примѣшивается свѣтская вѣжливость и, по временамъ, легкій, добродушный юморъ ²⁾.

Въ виду приведенныхъ выше особенностей композиціи нашего трактата, вопросъ о цѣли и назначеніи его вызывалъ и вызываетъ до сихъ поръ въ филологической наукѣ самыя разнообразныя рѣшенія. Одни усматриваютъ въ трактатѣ горячую апологію аѳинскихъ учреждений (Hutchinson, Schneider, F. Delbrück, Bake, Sauppe, Roth, Schmidt, Dümmler, H. Schneider), другіе— рѣшительное осужденіе аѳинскаго народоправства (Wacker, Weiske, Wachsmuth, Bernhardt-Tolkmann, Fuchs, Roscher, Platen, Böckh, W. Engel, Mure, Jul. Schwarcz, Drerup, B. A. Шефферъ, Faulmüller, R. Jebb), осужденіе, въ которомъ многіе изслѣдователи видятъ даже замаскированный призывъ къ революціи (Bergk-Peppmüller, Rühl, Müller-Strübing, C. Müller, Th. Gomperz, Ed. Meyer, отчасти Busolt). По мнѣнію группы изслѣдователей, основной идеей нашего трактата или, вѣрнѣе, памфлета является стремленіе доказать невозможность реформами или эволюціей измѣнить общій характеръ аѳинской демократіи (Roscher,

¹⁾ *Kalinka*, 21.

²⁾ *Kalinka*, 59 слл.

Belot, Faltin, Sittl, v. Wilamowitz, Dufour, St. Schneider, Nestle, B. H. Бузескуль). Въ противоположность этому, цѣлый рядъ ученыхъ полагаетъ, что въ 'Αθήν. πολ. нѣтъ никакой практической тенденціи, никакого желанія такъ или иначе воздѣйствовать на общество; это — не боевое произведеніе, и цѣль автора была лишь теоретическою, научною (отчасти уже Pankow и Zurborg, но главнымъ образомъ R. Schöll, E. Schwartz, до нѣкоторой степени также Hartman, Croiset, Richards, R. Ullrich, Nestle, H. v. Arnim). Многие усматриваютъ въ нашемъ памятникѣ письмо, предназначенное для заграничнаго адресата, спартамца (K. O. Müller-Heitz, Roscher, Bergk, Morel, Helbig, Roth, W. Vischer, Schäfer, M. Schmidt, Belot. (письмо Ксенофонта къ Агизелая), Hempel, Faltin, Sittl. Busolt ¹). А. Н. Шварцъ видитъ въ 'Αθήν. πολ. политическій памфлетъ, хотя и не отдѣланный, быть можетъ, для изданія, но преслѣдовавшій какія-то опредѣленные цѣли ²); по мнѣнію упомянутаго изслѣдователя, это — образецъ древнѣйшей ораторской прозы въ Греціи, являющійся остаткомъ нѣкогда обширной публицистической литературы аттиковъ ³).

Е. Kalinka приходитъ къ тому заключенію, что «Афинская политія» — не политическій призывъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ и не чисто-научное изслѣдованіе (для этого ей недостаетъ полноты и спокойствія изложенія), но выросшая на почвѣ софистики ἐπίδειξις. Рѣшимость стать на точку зрѣнія демократіи передъ лицомъ знатныхъ лицъ и доказывать имъ, (ἀποδείκνυσι), что афиняне, разъ избравъ данную форму государственнаго устройства, εἰ διαφύονται τῇ πολιτείᾳ κτλ., можетъ быть поставлена на одну ступень съ ἐχθροῖς ἀνιστάμεναι, мышами, Клитэместрѣ и смерти (*Kalinka*, 53). По мнѣнію *Калинки*, 'Αθήν. πολ. представляетъ собою рѣчь, сказанную безъ предварительной подготовки, ораторскую импровизацію (eine Stegreifrede). Произнесена она была, вѣроятно, въ засѣданіи олигархическаго клуба (ἐταίρια) за пирушкой (συνάδειον); быть можетъ, передъ тѣмъ выступалъ другой ораторъ крайне-олигархической фракціи, превозносившій до небесъ спартанское государственное устрой-

¹) *Kalinka*, 41 слл.

²) А. Н. Шварцъ, 55.

³) А. Н. Шварцъ, 61—62.

ство и нападавший на Афины. Общество, къ которому обращался съ рѣчью нашъ авторъ, состояло, повидимому, не изъ однихъ афинскихъ гражданъ, но и изъ иноземныхъ гостей, быть можетъ, лакемонянъ. Какой-либо другъ записалъ текстъ этой рѣчи, тѣмъ болѣе, что въ то время у грековъ существовалъ уже родъ стенографіи ¹⁾, Вначалѣ рѣчь ходила по рукамъ среди единомышленниковъ оратора въ частныхъ копіяхъ и лишь впослѣдствіи попала на книжный рынокъ.

Таково мнѣніе новѣйшаго изслѣдователя этого загадочнаго памятника. Принимая во вниманіе, что сочиненіе, ставящее себѣ цѣлью указать, ὡς εὖ διασφύρονται τὴν πολιτείαν καὶ τὰλλα διαπράττονται (οἱ Ἀθηναῖοι), не могло преслѣдовать революціонныхъ цѣлей, что въ трактатѣ стрѣчаются термины ἀποδείξω (I, I) и ἐπεδείξα (III, 1), что искусство импровизаціи стояло въ то время въ Афинахъ довольно высоко, политическая дѣятельность подпольныхъ кружковъ (гетерій) той эпохи не подлежитъ сомнѣнію ²⁾, мы можемъ, какъ мнѣ кажется, признать предположеніе, высказанное Э. Калинкою относительно вѣста, занимаемаго «Афинской Политіей» въ ряду другихъ произведеній аттической литературы, болѣе или менѣе правдоподобнымъ, тою лишь оговоркою, что на шуточныя ἐκφωγὰς въ честь мыслей или Клитэстры нашъ трактатъ походить только по своей формѣ.

Что же касается основной мысли, тенденціи трактата, то довольно близко къ истинѣ подошелъ, какъ я позволяю себѣ думать, и Ю. А. Кулаковскій въ 1881 г., когда онъ писалъ, что идея «Политіи» заключается въ слѣдующемъ: «хотя существующій строй удобенъ для олигархической партіи (χρηστοί), но выхода иного нѣтъ, какъ примириться съ нимъ и дѣйствовать, по мѣрѣ возможности, на славу и пользу отечества» ³⁾.

Евг. Кагаровъ.

¹⁾ Объ этомъ см. нынѣ трудъ V. Gardthausen'a: Griech. Paläographie II, Leipzig. 1913², 272 сл., которымъ Калинка уже не могъ воспользоваться.

²⁾ См. нынѣ Ziebarth у Pauly-Wissowa, VIII, 2 (1913), 1373 сл.

³⁾ Ю. А. Кулаковскій, Киевск. Унив. Изв. 1881, июль, 123 (1762). Работу М. О. В. Ласпари, On the date of the Ἀθηναίων Πολ. of (Xenophon) въ сборникѣ Ἑνία Αθῆναις 1912 я знаю лишь по заглавію.

Когда и кѣмъ издана исторія Фукидида?

Элій Аристидъ въ рѣчи „ὑπὲρ τῶν τεταρτῶν“ (II, p. 292 sq. Dind.) говорить: «Посмотримъ, что такое рассказываетъ намъ о Ѳемистоклѣ Эсхинъ, пріятель Сократа, школьный товарищ Платона» и затѣмъ приводитъ длинную выписку изъ діалога Эсхина Сократовца «Алкивіадъ». Вотъ переводъ этого фрагмента ¹⁾.

(Сократъ). Такъ какъ ты осмѣлился касаться жизни Ѳемистокла, подумай, укорять какого человѣка стель ты возможнымъ. Сообрази, откуда солнце восходитъ и гдѣ оно заходитъ.

(Алкивіадъ). Нѣтъ никакого труда, Сократъ, знать это.

(Сократъ). Подумаль ли ты хоть разъ о томъ, что тою страшною, которая зовется Азіей, которая такъ велика, что по ней солнце совершаетъ свой путь, править *одинъ* человѣкъ.

(Алкивіадъ). Да, да, великій царь.

(Сократъ). Слѣдовательно, тебѣ извѣстно, что этотъ великій царь пошелъ походомъ сюда (т. е. на Аѣны) и на Лакедэмонъ, полагая, что если ему удастся покорить оба эти государства, то и остальные греки безъ труда ему подчинятся. И такой страхъ навелъ царь на аѣнянъ, что они оставили свою страну и бѣжали на Саламинъ, избравъ своимъ стратегомъ Ѳемистокла и довѣривъ ему распоряжаться ими по его усмотрѣнію. И величайшія надежды на свое спасеніе аѣняне полагали въ томъ, что могъ рѣшить за нихъ Ѳемистоклъ; а послѣдній не пришелъ въ отчаяніе отъ сложившихся тогда обстоятельствъ: и по части флота и пѣхоты и матеріальныхъ средствъ греки сильно отставали, царь же превосходилъ ихъ тутъ во всемъ. Нѣтъ, Ѳемистоклъ зналъ, что если

¹⁾ Aeschiniis Soeratici reliquiae ed. H. Krause, Lipsiae 1911, fr. 1, p. 33—36. H. Dittmar, Aeschines von Sphettos. Studien zur Literaturgeschichte der Sokratiker, Berlin 1912, fr. 8, p. 268—271.

царь не пересилить его сообразительностью (τῷ βουλευέσθαι), все происходство царя, какъ бы велико оно ни было, ни въ чемъ ему большой пользы не принесетъ. И то сознавалъThemistocles, что у кого дѣлами руководятъ люди болѣе рачительные (σπουδαίοντες) въ добротѣ, у тѣхъ и дѣла обыкновенно лучше удаются. И царь, дѣйствительно, понималъ, что его положеніе поколебалось въ тотъ день, когда ему пришлось столкнуться съ человѣкомъ болѣе рачительнымъ, чѣмъ онъ самъ. А Themistocles до такой степени легко освоился съ положеніемъ, въ какомъ находился царь, что, разбивъ его въ морской битвѣ, пожелалъ убѣдить афинянъ разрушить построенный царемъ понтонный мостъ. Когда Themistocles не удалось этого достигнуть, онъ послалъ сообщить царю о рѣшеніи, противоположномъ тому, какое было принято государствомъ, что будто бы онъ, Themistocles, воспротивился плану афинянъ разрушить мостъ и тѣмъ спасъ царя и его свиту. И вышло такъ, что не только мы (афиняне) и прочіе греки считали Themistocles виновникомъ нашего спасенія, но даже самъ царь, разбитый имъ въ битвѣ, думалъ, будто онъ спасся благодаря только одному Themistoclesу. До такой степени Themistocles выдавался своею разсудительностью (τῷ φρονεῖν)! Поэтому-то когда Themistocles въ свое время былъ изгнанъ изъ Афинъ, царь, считая себя обязаннымъ ему своимъ спасеніемъ, отблагодарилъ его, подарилъ ему много всякихъ подарковъ, а также даровалъ Themistoclesу власть надъ всею Магнесією, такъ что онъ, хотя и былъ изгнанникомъ, очутился въ лучшемъ положеніи, чѣмъ многіе афиняне изъ оставшихся у себя на родинѣ и считавшихся прекрасными людьми (καλοὶ καὶ ἀγαθοί).

Кто иной, какъ не Themistocles въ тѣ времена могъ, по праву, претендовать на наибольшее значеніе въ государствѣ, тотъ Themistocles, который въ бытность свою стратегомъ эллиновъ покорилъ царя, властвующаго надъ всею поднебесною отъ восхода до захода солнца? Замѣть, однако, Алкивіадъ, что, хотя Themistocles и былъ такимъ человѣкомъ, все-таки у него не оказалось въ достаточной мѣрѣ столько пониманія (ἐπιστήμη), чтобы уберечься и не подвергнуться изгнанію, не испытать атиміи со стороны государства, -- того пониманія ему не хватало. Что же, на твой взглядъ, бываетъ людьми дрянными, нисколько не заботящимися о себѣ? И уди-

вительно ли, что и малыя дѣла имъ не улаются? И нисколько, Алкивиадъ, не осуждай меня, если я. относясь, не такъ какъ другіе, нечестиво (*ἀλλοχότως καὶ ἀθεῶς*) къ судьбѣ и вопросамъ религіознымъ (*πρὸς τὰς τύχας καὶ τὰ θεῶν πράγματα*), приписываю Θемистоклу пониманіе всего того, что онъ совершалъ, и полагаю, что вовсе не случайностью объясняется результатъ его дѣятельности.

Многочисленные доказательства того, что люди, думающіе не такъ, какъ я, поступаютъ нечестиво, могъ бы тебѣ представить скорѣе я, а не мои противники: они полагаютъ, что въ жизни негодныхъ и порядочныхъ людей одинаковую роль играетъ случай, и отрицаютъ, что на людяхъ прекрасныхъ и хорошихъ, и притомъ благочестивыхъ, божеская благодать (*τὰ παρὰ τῶν θεῶν*) почіетъ въ болѣе совершенной степени».

Содержаніе діалога, изъ котораго сохранился приведенный отрывокъ, композиція діалога, его основная цѣль—всѣ эти вопросы, поскольку можно дать на нихъ отвѣтъ на основаніи сохранившихся отрывковъ, въ достаточной мѣрѣ выяснены въ изслѣдованіи Диттмара. Я этихъ вопросовъ касаться не буду, а останавлиюсь лишь на той характеристикѣ, какую даетъ Эсхинъ устами Сократа Θемистоклу. Характеристика эта—хвалебная, какъ отмѣтилъ уже Элій Аристидъ¹⁾. Откуда Эсхинъ почерпнулъ данныя для этой характеристики? Конечно, изъ исторіи Θукидида, который, какъ извѣстно, выполнѣ оцѣнилъ значеніе личности Θемистокла²⁾. Предшественники Θукидида оспаривали геніальность Θемистокла. Геродотъ, правда, говорить, что Θемистоклъ считался человѣкомъ умнымъ (VIII, 110, 1), что слава о немъ, какъ объ умѣйшемъ изъ грековъ, гремѣла по всей Элладѣ, что спартанцы присудили Θемистоклу оливковый вѣнокъ за мудрость и ловкость (VIII, 124). Но наряду съ этою ходячею молвою о Θемистоклѣ, къ которой Геродотъ, въ лучшемъ случаѣ,

1) Aristid. ὅπερ τῶν τεττάρων, 285 (II 369 Dind.): διόπερ καὶ ὁ γ' ἐκείνου (т. е. Θемистокла) Σωκράτης οὐ τὴν αὐτὴν ἐτίμητο, ἀλλὰ τί φησί; γινούσιν οὖν αὐτὸν (т. е. Алкивиадъ) ἐγὼ ζήλοσπως ἔχοντα πρὸς Θемιστοκλέα. (fr. 2, p. 36 Krause = fr. 7, p. 268 Dittmar) εἶπει· ἔστιν ὁ τοῦ Θемιστοκλέους ἑταῖρος, ὅσῳιν ἐνεκεν ὁρῶντες ἔχων οἶμαι, τῆς τε ἀληθείας καὶ τοῦ καίρου εἶχειν τῷ περισσῶς τοὺς λόγους. Ср. Schol. Aristid. III, p. 663 Dind.: ἔστι δὲ Ἀλκιβιάδου διάλογος τοῦ Αἰσχίνου ἐνθα ἐπαινᾷ τὸν Θемιστοκλέα.

2) См. В. И. Бузескулъ, Исторія афинской демократіи, Спб. 1909, 103.

относится безразлично¹⁾, онъ не упускаетъ случая уколоть и очернитьThemistocles (ср. особенно рассказъ о томъ, какъ передъ Саламинской битвойThemistocles выдалъ Еврибиду мятежника Агесифила за свое, VIII, 57. 58), все превосходство которого онъ видитъ развѣ въ хитрости и лукавствѣ. Еще менѣе симпатично отнесся надо думать, къThemistocles Стесимбротъ, считающій его ученикомъ Анаксагора и Мелисса (ср. Plut. Them. 2). Не то мы видимъ у Фукидида, который, очевидно, въ своей характеристикѣThemistocles ведетъ скрытую полемику противъ Геродота. Фукидидъ пишетъ настоящій панегирикъThemistocles, указываетъ на необыкновенную духовную силу его природы, лишенную какого-либо научнаго образованія, его мгновенную находчивость и проницательность, прозрѣнiе будущаго; за свою природную даровитостьThemistocles заслуживаетъ удивленія больше всякаго другого; завою испытанную проницательность ума Themistocles прежде всего у персидскаго царя добился такого значенія, какимъ не пользовался до того никто изъ грековъ (I, 138, 1—3) Ср. съ этою характеристикоюThemistocles слова Эсхина: ἤδει (Themistocles), ὅτι ἐὶ μὴ τοῦ τῷ βουλευέσθαι ἐκείνος (Ксерксъ) περίεσται, τὰ γὰρ ἄλλα αὐτὸν τοσαῦτα καὶ τὸ μέγεθος οὐδὲν μέγα ὀφελήσῃ, и далѣе: τοσοῦτον ἐκείνος (Themistocles) προνεῖν περιγένητο. Устами афинскихъ пословъ въ Спартѣ Фукидидъ (I, 74, 1) говорить, что никто иной, какъThemistocles, былъ главнымъ виновникомъ сраженія въ узкомъ проливѣ, а это сраженіе, несомнѣнно, и спасло Грецію. Ср. слова Эсхина: ὥστ' οὐ μόνον ἡμεῖς ἐν οἱ ἄλλοι Ἕλληνες αἴτιον τῆς σωτηρίας Θεμιστοκλέα ἡγοούμεθα εἶναι. Въ письмѣThemistocles къ АртаксерксуThemistocles писалъ, между прочимъ, и о той услугѣ, какую онъ оказалъ Ксерксу при отступленіи изъ Саламина, какъ благодаряThemistocles не были разрушены вѣсты (I, 137, 4) Ср. слова Эсхина: αὐτὸς ὁ βασιλεὺς ὁ καταπολεμήσας ὑπ' αὐτοῦ ὑπὸ μόνου ἀνθρώπου ἐκείνου (Themistocles) ᾤετο σωθῆναι. Фукидидъ (I, 138, 5) говорить, чтоThemistocles былъ правителемъ ионатской Магнесіи, которую далъ ему царь на хлѣбъ. Ср. слова Эсхина: καὶ Μαγνησίας ὅλης ἀρχὴν ἔδωκεν (царь).

Приведенныя сопоставленія ясно, думается мнѣ, указываютъ на то, что Эсхинъ въ своей характеристикѣThemistocles долженъ былъ

¹⁾ Ср. I. Bruns, Das literarische Porträt der Griechen, Berlin 1896, 87.

пользоваться Фукидидомъ. Лишь въ одномъ Эсхинъ согласенъ съ Геродотомъ: по разсказу послѣдняго (VIII, 110),Themistokles сразу же послѣ Саламинской битвы посылаетъ къ Ксерксу Сикинна¹⁾ сказать царю, что Themistokles, желая оказать ему услугу, удержалъ греческіе корабли отъ преслѣдованія и разрушенія мостовъ на Геллеспонтѣ; сдѣлавъ Themistokles это, по Геродоту (VIII, 109), для того, чтобы заручиться расположеніемъ царя и имѣть поближе на случай бѣды; по Фукидиду, какъ указано выше, Themistokles о своей услугѣ Ксерксу писалъ уже позже его сыну. Эсхинъ разсказываетъ, согласно съ Геродотомъ: ὁ δὲ (Themistokles) οὕτω ῥαπιδῶς τηλικαῦτα ὄντα τὰ ἐκείνου μετεχειρίσατο, ὥστ', ἐπειδὴ αὐτὸν κατενανυμάχῃσε, λῦσαι τὴν συχρίαν, ἣν ἔζευξε βασιλεὺς, πείσαι Ἀθηναίους ἐβουλήθη. ἐπειδὴ δὲ οὐκ ἐδύνατο, βασιλεῖ ἔπεμψε τ' ἀναντία ὑπὸ τῆς πόλεως δεδογμένοις, ὅτι καλεούντων τῶν Ἀθηναίων λῦσαι τὴν συχρίαν αὐτὸς ἐναντιόιτο, σῶσαι βασιλέα καὶ τοὺς μετ' ἐκείνου περφόμενος. Дитмаръ (ук. соч. 112 сл.) полагаетъ, что Эсхинъ въ данномъ случаѣ сознательно примыкаетъ къ версіи Геродота, чтобы создать «строго-замкнутый эффектный разсказъ», важный для обоснованія его положенія: Themistokles обладалъ ἐπιστήμη, интеллектуальной ἀρετή. Themistokles оказываетъ услугу врагу, который такъ же какъ и греки, смотритъ на Themistokles, какъ на своего спасителя въ трудное время; за это, во время изгнанія, Themistokles находитъ у царя новую родину. «Этотъ разсказъ впервые встрѣчается у Эскина», замѣчаетъ Дитмаръ, «онъ, несомнѣнно, придуманъ имъ для доказательства своего положенія». Такъ ли это, или нѣтъ, спорить не буду. Возможно, что Эсхинъ, который, вѣдь, не историческій разсказъ писалъ, а философскій діалогъ, просто-на-просто спуталъ, или недостаточно уяснилъ себѣ, или и не считалъ нужнымъ уяснить, истинное положеніе дѣла.

Но это для нашихъ цѣлей и не важно. Гораздо важнѣе констатировать то, что Эсхинъ при сочиненіи своего «Алкивиада», несомнѣнно, имѣлъ уже въ своихъ рукахъ исторію Фукидида. Какъ указываетъ Дитмаръ (ук. соч. 158 сл.), «Алкивиадъ» Эскина написанъ между 394/3—391/0 гг. Эта дата является пока самымъ ран-

¹⁾ Объ этомъ см. Труды О. О. Соколова, Спб. 1910, 510 сл.

имъ свидѣтельствомъ, говорящимъ вполне опредѣленно о томъ, когда исторія Фукидида вошла уже въ научно-литературный обиходъ¹⁾.

Итакъ, въ 394/3—391/0 гг. исторія Фукидида, несомнѣнно, была уже издана въ свѣтъ²⁾. Точно опредѣлить, когда была она издана, мы не въ состояніи, такъ какъ вопросъ о времени изданія труда Фукидида стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о времени его смерти: исторія Фукидида, не доведенная до положеннаго авторомъ конца за его смертью, была издана уже послѣ его кончины. Съ этимъ согласны всѣ. Но опредѣлить точно годъ смерти историка мы еще не можемъ. Указаніе Маркеллина (§ 39), что Фукидидъ кончилъ жизнь, имѣя свыше пятидесяти лѣтъ отъ роду, мало помогаетъ, такъ какъ намъ неизвѣстенъ точно годъ рожденія Фукидида. Самъ же онъ лишь говоритъ (V, 26, 5), что «жилъ въ теченіе всей войны». Слѣдовательно, ранѣе послѣднихъ лѣтъ V в. смерть Фукидида, во всякомъ случаѣ, послѣдовать не могла. Но такъ низко мы должны спускаться за эти предѣлы, все еще остается прочно не установленнымъ, и приуроченіе времени смерти Фукидида къ тому или иному опредѣленному году перваго десятилія IV в. основывается обыкновенно на аргументахъ *ex silentio*, заключаемыхъ изъ труда самого Фукидида³⁾. Эти аргументы сами по себѣ, особенно если считается съ тѣмъ соображеніемъ, что Фукидидъ, за преждевременной смертью, должно быть, не успѣлъ окончательно проредактировать свой трудъ, точнѣе сказать, довести его до той степени отдѣланности, при которой онъ считалъ себя въ правѣ выпустить его въ свѣтъ. Если уже въ 394/3 г. (беремъ одну изъ крайнихъ датъ появленія «Алкивиады» Фукина) исторія Фукидида была въ обращеніи среди образованной афинской публики, то приходится думать, что изданъ былъ трудъ Фукидида въ теченіе перваго пятилѣтія IV в. и что, слѣдовательно,

¹⁾ До сихъ поръ первое по времени отраженіе исторіи Фукидида въ литературѣ усматривали въ «Меновъ» Платона. См. *Blass*, Die attische Beredsamkeit, III, 1874, 431 сл. *W. Schmid*, *Philologus*, LII (1893), 130 сл. «Меновъ» Платона написанъ послѣ «Горгіа» (см. *Raeder*, Platons philosophische Entwicklung, Lpzg. 1895, 130 сл.). Составленіе же «Горгіа» датируется «um 390 oder vielleicht einige Jahre früher» (*Raeder*, ук. соч. 125). Впрочемъ, вся эта хронологія лишь приблизительная.

²⁾ *So. Meier* (Forschungen zur alten Geschichte, II, Halle, 1899, 275) нерѣшительно указываетъ 395 г. какъ годъ окончанія и изданія труда Фукидида.

³⁾ Сопоставленіе этихъ аргументовъ см. у *Busolt*'а, Griech. Gesch. III 2, 629 и сл. 2.

смерть историка послѣдовала, круглымъ счетомъ, около 400 г. до Р. Хр ¹⁾.

Кто взялъ на себя заботы по изданію въ свѣтъ оставшагося неоконченнымъ и — скажемъ современнымъ языкомъ — не «приготовленнымъ къ печати» труда Фукидида? ²⁾.

И на этотъ вопросъ нѣтъ у насъ опредѣленнаго отвѣта ни въ біографіяхъ Фукидида, ни въ другихъ источникахъ, болѣе или менѣе надежныхъ. Единственное указаніе, имѣющееся на этотъ счетъ, находится у Лаэртія Діогена въ біографіи Ксенофонта. Перечисливъ литературное наслѣдіе Ксенофонта (II, 57), Лаэртій Діогенъ прибавляетъ: λέγεται δ' ὅτι καὶ τὰ Φουκιδίδου βιβλία λανθάνοντα ὑπεκλήσθαι δυνάμενος, αὐτὸς εἰς ὁδὸν ἤγαγεν. Ученые или совершенно отвергаютъ это извѣстіе, или относятся къ нему, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, недовѣрчиво, лучше сказать, боятъ ему повѣрить. Брейтенбахъ (во введеніи къ своему изданію «Греческой исторіи» Ксенофонта) понималъ вышеприведенныя слова Лаэртія Діогена въ томъ смыслѣ, что Ксенофонтъ былъ первымъ человѣкомъ, въ руки котораго попала исторія Фукидида. Но буквально Лаэртій Діогенъ говорить слѣдующее: «Говорятъ, что онъ (Ксенофонтъ), имѣя возможность похитить оставшіяся неизвѣстными книги Фукидида, самъ привелъ ихъ въ славу». А это можетъ имѣть только такой

¹⁾ Къ этому опредѣленію приходитъ и Grundy, Thucydides and the history of his age, London 1911, 47: on the whole it seems reasonable to conjecture that he did not live beyond the year 399 B. C.

²⁾ Я не имѣю возможности входить здѣсь въ обсужденіе вопроса о томъ, въ какомъ видѣ былъ трудъ Фукидида въ моментъ его смерти. Вопросъ этотъ и не можетъ быть рѣшенъ въ концѣ-концовъ, такъ какъ самый процессъ творчества Фукидида, или постепенная эволюція его труда, все еще остается невыясненнымъ. См. обзоръ этого у В. П. Бузескула, Введеніе въ исторію Греціи, Харьковъ 1904, 91 сл. Grundy, ук. соч. 387 сл., рѣшительно встаетъ опять на сторону прогрессивной критики. См. обстоятельный обзоръ труда Grundy у С. П. Шестакова, Журн. Мин. Нар. Просв. 1912, январь, 137 сл., особенно 151 сл. Какъ бы вопросъ этотъ не рѣшался, всѣми признается, что въ моментъ смерти Фукидида его исторія не только не была окончена, но и не была въ законченной ея части, во всемъ ея объемѣ, окончательно отредактирована самимъ авторомъ; иными словами, Фукидидъ не успѣлъ сдѣлать того, что дѣлаетъ или долженъ сдѣлать авторъ предъ выпускомъ своего сочиненія въ свѣтъ. Съ другой стороны, нужно признать окончательно установленнымъ, что издатель труда Фукидида былъ именно только издателемъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. онъ опубликовалъ исторію Фукидида и никакой редакторской работы надъ нею не продѣлалъ. См. Grundy, ук. соч. 402 сл.

мысли: Ксенофонтъ, имѣя возможность утаить (или присвоить себѣ) неопубликованное сочиненіе Фукидида, издалъ его въ вѣтъ¹⁾. Извѣстіе Лаертія Діогена проконтролировано быть не можетъ; но за то, что оно не является простымъ домысломъ Лаертія Діогена, говорить та осторожность, съ которою онъ его общаетъ. Можетъ быть, извѣстіе это восходитъ къ тому же Диогену Магнесійцу, на котораго Лаертій Діогенъ ссылается и раньше въ своей біографіи Ксенофонта (§ 52) и имя котораго онъ упоминаетъ непосредственно предъ вышеприведенными словами. Но это, разумѣется,—только предположеніе, мало намъ помогающее. И мы должны сознаться, что внѣшними, объективными, данными мы извѣстія Лаертія Діогена подкрѣпить не можемъ. Но имѣемъ ли мы право съ легкимъ сердцемъ его просто-на-просто отвергнуть, или же мы можемъ привести въ пользу его возможной достовѣрности какія-либо соображенія?

Шмидъ (у Christ. Gesch. d. griech. Literatur⁶, I, 484) высказываетъ предположеніе, что издателемъ труда Фукидида, могли быть и дочь историка, «которая, несомнѣнно, существовала», или одинъ изъ его продолжателей, скорѣе всего Кратиппъ. О дочери Фукидида мы, однако, только и знаемъ что она «существовала» и что ей нѣкоторые склонны были приписывать восьмую книгу исторіи Фукидида (Маркеллинь § 43). Что касается Кратиппа, то о немъ, какъ о возможномъ издателѣ труда Фукидида, можно будетъ серьезно говорить лишь тогда, когда будетъ доказано съ несомнѣнностью, что Кратиппъ былъ современникомъ Фукидида. Пока же это не доказано, и Ксенофонтъ, думается мнѣ, съ такимъ же правомъ, какъ и Кратиппъ, можетъ претендовать на то, чтобы считаться издателемъ труда Фукидида. Можетъ быть, у Ксенофонта имѣется даже больше правъ на это.

¹⁾ Такъ понимаютъ слова Лаертія Діогена Busolt, Griech. Gesch. III 2, 644 *condidit*, укр. соч. 390, прим. 3: Xenophon published the work of Thucydides, and so owed to that author the path of glory. Къ этому Grundy прибавляетъ: but the question is not as to the meaning of the words, but as to the authority behind them: and that must remain a doubtful point. All that can be said is, that of all possible names whose names are known to the present world, Xenophon is the most probable. С аналогичною замѣткою Лаертія Діогена (II, 48) по поводу Ксенофонта и Сократа: καὶ τὰς ἀποσημασμένους τὰ λεγόμενα (Сократу), εἰς ἀνδρῶν ἡγάγεον, ἀποσημασμένα κρηττά.

Припомнимъ нѣкоторыя хронологическія даты біографіи Ксенофонта. До 401 г. Ксенофонть въ Аѳинахъ; въ 401/0 г. онъ въ Азіи, у Кира Младшаго; въ 399 г. служить у Севва во Фракіи, затѣмъ отводитъ войско въ Азію и передаетъ его Ойброну¹⁾.

Мы не можемъ не обратить вниманія на то, что въ 399 г. Ксенофонть былъ во Фракіи—это фактъ несомнѣнный. Если отдать предпочтеніе той версіи преданія о мѣстѣ смерти Фукидида, по которой она послѣдовала во Фракіи²⁾, то очень соблазнительнымъ представлялось бы предположеніе, что Ксенофонть, во время своего пребыванія во Фракіи, посѣтилъ мѣстожительства Фукидида, взявъ тамъ оставшійся послѣ смерти Фукидида безъ призора его трудъ и затѣмъ позаботился объ изданіи его въ свѣтъ. Но если даже предпочесть ту версію преданія, по которой Фукидидъ умеръ у себя дома на родинѣ, въ Аѳинахъ, то и въ такомъ случаѣ не исключена возможность предполагать, что издателемъ труда Фукидида былъ Ксенофонть. Мы знаемъ достоверно лишь то, что въ 396 году Ксенофонть отправился съ Агесилаемъ въ Азію; но гдѣ провелъ Ксенофонть время до того, намъ въ точности неизвѣстно. Обыкновенно полагаютъ, что въ 399—396 гг. Ксенофонть вмѣстѣ съ Ойброномъ и Деркиллидомъ былъ въ Азіи (см. Roquette, ук. соч. 33), но доказать этого нельзя. Самъ Ксенофонть въ «Греческой исторіи» объ этомъ не говоритъ (ср. Hell. III, 1,6), изъ показанія же Діодора (XIV, 37,4) можно, пожалуй, заключить, что изъ Фракіи отправились въ Азію только одни наемники, безъ Ксенофонта (μετὰ δὲ ταῦτα — послѣ описанія дѣйствій Ксенофонта во Фракіи — Θίβρωνος αὐτοῦ μεταπεπομπένου καὶ μεθ' αὐτοῦ ἐπαγγελλομένου δώσειν, πρὸς ἑαῖνον ἀπεχώρησαν καὶ μετὰ Λακεδαιμονίων ἐπολέμουν τοῖς Πέρσιν). Поэтому, быть можетъ, были правы Нибуръ, Легронъ и Гротъ (см. у Roquette, ук. соч. 17), которые полагали, что Ксенофонть послѣ смерти Сократа вернулся въ Грецію и провелъ нѣкоторое время въ Аѳинахъ (Гротъ думалъ всего о нѣсколькихъ мѣсяцахъ). Во всякомъ случаѣ, постановленіе объ изгнаніи Ксенофонта изъ Аѳинъ не было вызвано участіемъ его въ походѣ

¹⁾ Laert. Diog. II, 51. Diod. XIV, 37. Xenoph. Anab. VII, 7, 57. Hell. III, 1, 6. Ср. *Ad. Roquette*, De Xenophontis vita, diss. Königsberg, 1884, 33.

²⁾ Матеріалъ о мѣстѣ смерти Фукидида сопоставленъ у *Busolt'a*, Griech. Gesch. III 2, 630, прим. 1. *Grundy*, ук. соч., 44, отдаетъ предпочтеніе именно этой версіи.

Кира и имѣло мѣсто позднѣе, послѣ Коронейской битвы (см. Roquette, ук. соч. 19 сл.). Итакъ, и обстоятельства жизни Ксенофонта и хронологическія соображенія скорѣе подкрѣпляютъ, чѣмъ опровергаютъ, указаніе Лаертія Діогена, что издателемъ труда Фукидида былъ Ксенофонтъ. Напомню, что извѣстіе это пока что единственное; разъ мы его отвергнемъ, вопросъ объ издателѣ исторіи Ксенофонта долженъ остаться совершенно открытымъ.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ соображеній, гипотетическій характеръ которыхъ вполне для меня ясенъ, я позволю себѣ привести еще одно, хорошо всѣмъ знакомое. Еще со времени Нибура извѣстно, что та часть Ксенофоновыхъ *Ἑλληνικῶν* (I, 1, I—II, 3, 10), которая является продолженіемъ исторіи Фукидида, рѣзко отличается отъ послѣдующихъ частей «Греческой исторіи». Въ отдѣлѣ, составляющемъ продолженіе исторіи Фукидида, Ксенофонтъ, «очевидно, находится подъ господствующимъ вліяніемъ той работы, продолженіе которой онъ предпринялъ, и пытается поэтому строго придерживаться строго анналистическаго и синхронистическаго порядка своего образца» (Wachsmuth, *Einleitung in das Studium der alten Geschichte*, Leipzig 1895, 533). Нибуръ (*Kleine Schriften*, I, 464 сл.) высказывалъ предположеніе, что Ксенофонтъ написалъ эту часть своею «Греческой исторіи» въ періодъ времени между возвращеніемъ его изъ похода Десяти тысячъ и его изгнаніемъ и издалъ ее отдѣльно отъ прочей части *Ἑλληνικῶν* ¹⁾. Предположеніе Нибура не встрѣтило общаго признанія; но все же большинство ученыхъ согласно въ томъ, что *Ἑλληνικά* написаны не въ одинъ, а въ нѣсколько пріемовъ, въ разное время (см. В. П. Бузескулъ, Введеніе въ исторію Греціи, 129) ²⁾. По мнѣнію Roquette'a (ук. соч. 56), раздѣляемому Бузольтомъ (*Gr. Gesch.* III 2, 701, прим. 5), первая часть «Греческой исторіи» написана Ксенофонтомъ въ Спартѣ

¹⁾ Вспомнимъ, что помимо теперешняго дѣленія *Ἑλληνικῶν* на 7 книгъ, существовало дѣленіе ихъ на 9 или на 10 книгъ. У Гарпократіона (п. сл. *Θεόγυς*) *Hell.* II, 3, 2 цитируется какъ вторая книга, а *Hell.* II, 3, 36 (п. сл. *πεντάται*) уже какъ третья книга. Отсюда естественно сдѣлать предположеніе, что часть «Греческой исторіи», являющаяся продолженіемъ труда Фукидида, обнимала собою двѣ цѣлыхъ книги.

²⁾ *A. Opitz. Quaestiones Xenophontae de Hellenicorum atque Agesilai necessitudine* (Breslauer philol. Abhandlungen hrg. v. R. Förster, 46 Heft, Breslau 1913), 1 сл. отвергаетъ двойную редакцію *Ἑλληνικῶν* и считаетъ ихъ *opus postumum* Ксенофонта. Но доводы Опица неубѣдительны.

вскорѣ послѣ 394. Если это такъ, то невольно напрашивается мысль, что толчокъ къ составленію продолженія труда Фукидида данъ былъ Ксенофону именно его издательской работой надъ изданіемъ исторіи Фукидида ¹⁾. И тогда ставеть понятно безиримѣрное, необычайное, я бы сказалъ, противоестественное въ историко-литературномъ смыслѣ, начало «Греческой исторіи» Ксенофонта, гдѣ онъ словами *μετά δὲ ταῦτα* продолжаетъ рассказъ Фукидида на томъ пунктѣ, на которомъ Фукидидъ остановился ²⁾.

Читатель имѣетъ полное право назвать всѣ вышеизложенныя соображенія фантазіей. Противъ этого я возражать не буду. Замѣчу только одно: мы такъ плохо освѣдомлены и объ обстоятельствахъ жизни Фукидида и объ исторіи возникновенія и изданія его труда, что приходится неизбежно въ данномъ случаѣ или фантазировать, въ предѣлахъ возможнаго, или же покорно склонить голову и сказать: ничего не знаемъ.

С. Б. Жебелевъ.

---

¹⁾ Изъ этого, разумѣется, рискованно дѣлать предположеніе, что Ксенофонтъ воспользовался и матеріалами оставшимися послѣ Фукидида: а) мы не знаемъ, остались ли вообще эти матеріалы, б) Ксенофонтъ составилъ описаніе окончанія Пелопоннесской войны, правда, по *схемѣ* Фукидида, но, безъ сомнѣнія, *духа* Фукидида въ *Hell.* I, 1, 1—II, 10, 3 вовсе не чувствуется. См. *Busolt, Gr. Gesch.* III 2, 695.

²⁾ Кратиппъ, также продолжавшій исторію Фукидида, не начиналъ, повидимому, своего труда *ex abrupto*, а во введеніи къ нему упоминалъ о Фукидидѣ и эпизодически касался преступленія термопидовъ. См. *Christ-Schmid, Gesch. d. griech. Literatur*, I⁶, 531.

Было ли парижское возстаніе 13 вандемьера IV года роялистическимъ?

Изученіе мотивовъ, лежавшихъ въ основѣ политическихъ выступленій парижскихъ секцій въ эпоху французской революціи, приводитъ къ тому общему выводу, что это были или страхъ передъ пасностью, грозившею отечеству, или бѣдственное матеріальное положеніе населенія столицы, недостатокъ хлѣба, его дороговизна, словомъ, призракъ голода. «Спасеніе отечества и дешеный хлѣбъ», писалъ я уже въ другомъ мѣстѣ, — вотъ два лозунга, съ которыми большею частью выступали парижскія секціи на широкую арену политической борьбы»¹⁾. Говоря это, я имѣю въ виду возстанія 30 августа 1792 г., 31 мая — 2 июня 1793 г., 11—13 жерминаля и 1 преріаля III (1795 года). Была еще одна попытка поднять секціи для спасенія отечества (9 термидора), которую также можно подвести подъ общее правило, сформулированное выше, и только одно выступленіе большинства секцій 13 вандемьера IV года представляетъ собою исключеніе.

Движенію 13 вандемьера предшествовали, какъ извѣстно, жерминальское и преріальское возстанія, которыя окончились весьма печально для лицъ, въ нихъ участвовавшихъ. Уже послѣ 9 термидора, когда аль Робеспьеръ, господами положенія въ парижскихъ секціяхъ стали бѣже зажиточные и умѣренные элементы, а послѣ неудачъ, постигшихъ низшіе классы населенія въ жерминаль и преріаль, въ секціяхъ началась расправа со всѣми тѣми людьми, которые проявляли наибольшую революціонность и склонность къ терроризму передъ термидоромъ. Работая въ парижскомъ Національномъ архивѣ надъ

¹⁾ См. въ моей статьѣ «Политическія выступленія парижскихъ секцій во время Великой революціи» (*Русское Богатство*, 1912, ноябрь и декабрь). Ср. стр. 28 и слѣд. этой работы «Парижскія секціи эпохи французской революціи (1911)».

сохранившимися дѣловыми бумагами секцій, я находилъ въ нихъ, — именно въ нѣкоторыхъ секціонныхъ протоколахъ, — указанія на то, какъ въ эту эпоху расправлялись въ собраніяхъ секцій съ разными «кровопійцами, анархистами и террористами» (*baveurs de sang, anarchistes et terroristes*): такъ обыкновенно называли и участниковъ возстанія 1 преріали, и тѣхъ, которые участвовали въ болѣе равныхъ движеніяхъ, наприм. въ возстаніи 31 мая — 2 іюня 1793 г. или еще въ сентябрьскихъ убійствахъ 1792 г. Нѣкоторыя относящіяся къ этому предмету выдержки изъ документовъ мною уже были напечатаны.¹⁾ Прибавлю, что секціи, занявшіяся очисткою своего состава отъ ненадежныхъ элементовъ, дѣйствовали въ полномъ согласіи съ Національнымъ Конвентомъ, тѣмъ болѣе, что, въ сущности, только исполняли его же собственныя предписанія на счетъ всѣхъ этихъ «кровопійцъ, анархистовъ и террористовъ», которымъ ставилась въ вину поддержка, оказанная ими «деспотическому режиму, тяготѣвшему надъ Франціей до 9 термидора». Солидарность Конвента и секцій въ общей реакціи противъ эпохи террора была полная. Прошло, однако, немного времени, какъ вдругъ между Конвентомъ и секціями произошла ссора, приведшая къ событію «тринадцатаго вандемьера».

О самомъ этомъ событіи я рассказывать не буду: оно слишкомъ извѣстно изъ многочисленныхъ исторій французской революціи. Въ этотъ день большая часть секцій двинулась на Конвентъ, который былъ спасенъ отъ разгрома только картечью будущаго владыки Франціи, Наполеона Бонапарта. Историки революціи привыкли изображать это выступленіе парижскихъ секцій, какъ результатъ роялистическаго заговора, но мнѣ всегда это объясненіе казалось болѣе или менѣе сомнительнымъ по общему несоотвѣстію роялистическаго характера, приписываемаго движенію 13 вандемьера, со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о настроеніи французской націи вообще и парижскаго населенія въ частности въ 1795 году. Конечно, въ Парижѣ были единичные роялисты и они легко могли воспользоваться броженіемъ, завершившимся возстаніемъ 13 вандемьера, чтобы нанести ударъ Конвенту, но, даже признавъ роль

¹⁾ Незнаемые документы по исторіи парижскихъ секцій (объ этомъ изд. см. ниже).

роялистовъ и значительно въ данномъ случаѣ, еще нельзя придавать всему движенію 13 вандемьера прямо роялистическій характеръ.

Отлагая для другого раза пересмотръ всей литературной (т. е. историографической) традиціи о тринадцатомъ вандемьера, я упомяну лишь, что еще къ концу прошлаго столѣтія одинъ французскій историкъ, Зиви (Zivy), написалъ книгу «Le 13 vendémiaire an IV» (1898), въ которой поколебалъ ходячіе взгляды относительно 13 вандемьера. По его представленію, роялисты, участвовавшіе въ движеніи, были какіе-то особые роялисты, не находившіеся ни въ какихъ сношеніяхъ ни съ «королемъ», ни съ его агентами, ни съ эмигрантами, ни съ неприсяжными священниками, и что бѣльшая часть секцій была настроена республикански, хотя и не демократически. Мало того, за этими особаго рода роялистами Зиви призналъ значеніе лишь вождей движенія, его главнаго штаба, а потому и нашелъ нужнымъ заявить о необходимости видѣть въ тогдашней борьбѣ нѣчто иное еще, нежели заговоръ простой кучки роялистовъ¹⁾. Правда, Зиви предполагаетъ, что удайся движеніе, на другой же день послѣ побѣды секцій самъ собою могъ бы быть оставленъ вопросъ о возстановленіи монархіи, но кто это знаетъ? (достаточно того, что, по словамъ того же Зиви, его своеобразные роялисты, въ виду господствовавшаго въ Парижѣ настроенія, не рисковали открывать свои карты²⁾). Авторъ даже прямо говоритъ, что бѣльшая часть секцій была настроена республикански³⁾.

Поколебавъ прежній взглядъ на происхожденіе 13 вандемьера, Зиви не рѣшился все-таки сколько-нибудь рѣзко порвать съ традиціей. Не отказывается отъ нея, напр., и Оларъ. Событію 13 вандемьера предшествовало вотированіе конституціи III года, во время котораго, какъ показываетъ этотъ историкъ на основаніи архивнаго матеріала,

¹⁾ Ces partisans, ce ne sont point des partisans des émigrés; ils n'ont avec l'émigration, avec le roi même ou ses agents, aucune relation, aucune entente... Ce ne sont point des contrerévolutionnaires... Les royalistes ne furent, à vrai dire qu'un état major. Il y eut autre chose dans cette lutte que le complot d'une poignée d'agitateurs royalistes. *H. Zivy, стр. 110.*

²⁾ Les royalistes ne risquaient pas à plaider leur cause ouvertement. *Ibid.*, 112.

³⁾ Онъ только считаетъ вѣроятнымъ, что нѣкоторыя секціи были настроены роялистически, mais la plupart étaient sans doute sincèrement républicaines. *Ibid.*, 110. Зиви идетъ дальше и высказываетъ свое убѣжденіе, что les sentiments de la France entière étaient avec ceux de Paris. *Ibid.*, 111.

въ парижскихъ секціяхъ подавалось гдѣ восемь или десять, гдѣ только одинъ или три голоса за восстановление королевской власти. Инициаторы (*auteurs*) возстанія 13 вандемьера, по его словамъ, «роялистами себя не называли», и ихъ «программа была антимонтаньярской, модерантистской», въ дѣйствительности же въ возстаніи роялисты, «въ особенности будущіе роялисты участвовали»¹⁾. Къ сожалѣнію, это и все, что Оларъ говоритъ о характерѣ движенія.

Обращаясь къ историческимъ источникамъ, на которыхъ отразилось общественное броженіе, мнѣ думается, можно пойти еще дальше въ умаленіи роялистическаго характера 13 вандемьера. Однимъ изъ такихъ источниковъ являются полицейскія донесенія о настроеніи парижскаго населенія передъ роковымъ днемъ, другимъ — протоколы собраній секцій за то же время. Первые изданы были Оларомъ, выдержки изъ вторыхъ были опубликованы мною. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ нимъ, я напому хотя бы въ общихъ чертахъ событія того времени.

Национальный Конвентъ, передъ тѣмъ какъ разойтись, выработалъ для Франціи новую конституцію, которая извѣстна подъ названіемъ конституціи III года. Новое государственное устройство должно было получить народное утвержденіе въ первичныхъ собраніяхъ гражданъ, но вмѣстѣ съ этимъ декретами 5 и 13 фрюктидора III года Конвентъ обязывалъ страну переизбрать его членовъ въ Совѣты Пятисотъ и Старѣйшинъ въ количествѣ двухъ третей новаго законодательнаго корпуса, причемъ если бы этого числа (500 изъ 750) не оказалось, то избранные депутаты его дополнили бы посредствомъ кооптаціи. Вотъ противъ этихъ-то декретовъ и возникла агитація въ собраніяхъ секцій передъ принятіемъ конституціи, предложенной Конвентомъ. Это испугало

¹⁾ А. Aulard. Histoire politique de la révolution française, стр. 531. Изъ новѣйшихъ историковъ революціи укажу на двоихъ, мнѣніе которыхъ слѣдуетъ отметить: *Gabriel Deville*, авторъ V тома «Histoire Socialiste. Jaurès'a» всю агитацію противъ фрюктидорскихъ декретовъ приписываетъ роялистамъ, которые-де «цинически» выставляли себя защитниками принципа народовластія, долженствовавшаго «исчезнуть съ возвращеніемъ ихъ короля» (стр. 157 и слѣд.) Его изложеніе отличается краткостью; о томъ, что дѣлалось въ секціяхъ, почти ничего не говорится. *L. Madelin* (La Révolution. 1912) подчеркиваетъ, что противъ декретовъ была «пресса всѣхъ партій» (стр. 421). «Чистые роялисты», по его мнѣнію, не были замѣшаны въ дѣлъ (стр. 323), но, по его словамъ, инсургенціонный комитетъ состоялъ изъ роялистовъ (стр. 425).

последній, и онъ сталъ готовиться къ борьбѣ. Особая комиссія, избранная конвентскими Комитетами Общественнаго спасенія и Общей безопасности, рѣшила выпустить изъ тюремъ многочисленныхъ узниковъ, арестованныхъ послѣ 1 преріала: это были тѣ самые «кровавіицы, анархисты и террористы», противъ которыхъ такъ единодушно дѣйствовали Конвентъ и секціи незадолго передъ тѣмъ, теперь же эти люди должны были помочь Конвенту справиться съ оппозиціей секцій. Въ свою очередь, секціи всполошились, и въ ихъ собраніяхъ стали говорить о возможности возвращенія террора, о опасности, какой и для Парижа, и для всей Франціи угрожало появленіе на сценѣ людей, поддерживавшихъ деспотическій режимъ до-термидоровскаго времени. Таковы были причины движенія 3 вандемьера: секціи ссылались на нарушеніе правъ народа фрюк-тидорскими декретами и указывали на опасность возвращенія къ террору. Оларъ опредѣляетъ движеніе 13 вандемьера, называя его реакціоннымъ тридцать первымъ мая: пусть это будетъ реакція, была ли эта реакція сама по себѣ роялистической?»

Конфликтъ между секціями и Конвентомъ продолжался нѣсколько дней.

Когда Конвентъ объявилъ, что конституція была принята 14.853 голосами противъ 95.373, а съ нею были-де приняты и фрюктидорскіе декреты, секціи отказались принять объявленный результатъ, какъ подтасованный. Отвѣтомъ Конвента на это былъ роспускъ секціонныхъ собраній, и всякое неповиновеніе этому распоряженію было приравнено къ покушенію на верховную власть народа. Секціи тогда организовали инсургекціонный комитетъ...

Остальное извѣстно—вплоть до разстрѣла изъ пушекъ двинувшихся на Конвентъ секцій.

О томъ, что дѣлалось въ секціяхъ между первыми числами фрюктидора и серединой вандемьера, мы узнаёмъ, во-первыхъ, изъ полицейскихъ донесеній того времени, во-вторыхъ, изъ протоколовъ секціонныхъ собраній за тотъ же періодъ. Къ этимъ источникамъ мы теперь и обратимся. Въ нихъ какъ-разъ нѣтъ ничего, что указывало бы на роялистическій характеръ всего движенія.

Невольно даже возникаетъ подозрѣніе, не было ли оно, это движеніе, объявлено роялистическимъ съ цѣлью его дискредитировать пе-

редъ общественнымъ мнѣніемъ. Разстрѣломъ 13 вандемьера Конвентъ спасалъ себя, и послѣ побѣды надъ секціями было объявлено, что спасена была сама республика, а съ нею былъ спасенъ и весь новый строй жизни, созданный революціей, противъ роялистоеъ, которые, конечно, ни о чѣмъ другомъ не могли думать, какъ о возвращеніи къ старому режиму.

Но обратимся къ нашимъ источникамъ.

Донесенія парижскихъ полицейскихъ агентовъ своему начальству, относящіяся ко времени, которое насъ сейчасъ интересуетъ, находятся въ изданныхъ Оларомъ документахъ о Парижѣ во время термидоріанской реакціи и директоріи ¹⁾. Во вступительномъ очеркѣ Оларъ рассказываетъ о томъ, какъ Конвентъ реформировалъ послѣ 9 термидора всю полицейскую службу въ Парижѣ, дабы поставить ее въ большую отъ себя зависимость, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваетъ, что донесенія полицейскихъ агентовъ того времени отличались большою объективностью, позволяющею намъ видѣть въ нихъ хорошій источникъ для ознакомленія съ тѣмъ, что дѣлалось въ Парижѣ: «on peut dire que Paris revit, au jour le jour, sous cette plume policière, mais relativement probe» ²⁾. Я прочиталъ всѣ эти донесенія одно за другимъ и сдѣлалъ изъ нихъ рядъ выписокъ, относительно реакціонной молодежи, которая, между прочимъ, являлась въ собранія секцій «pour y comprimer les jacobins et les terroristes» ³⁾. Нерѣдко говорится и о стычкахъ этихъ «молодыхъ людей» съ уличной толпой. Случалось, что «les jeunes gens» напали на рабочихъ ⁴⁾, но бывало и такъ, что они искали и сближенія съ рабочими. Въ началѣ жерминаля былъ даже общій завтракъ, на которомъ говорилось о необходимости борьбы съ роялистами и анархистами ⁵⁾. Это было уже передъ самыми жерминальскими беспорядками, о настроеніи населенія передъ которыми въ донесеніяхъ есть немало любопыт-

¹⁾ A. Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le directoire (1898—1899).

²⁾ Т. I, стр. IX. Рядомъ съ этимъ Оларъ отмѣчаетъ, наоборотъ, пристрастность тогдашней прессы въ описаніи событій, стр. X.

³⁾ Ibid., I, 581.

⁴⁾ Ibid., I, 595.

⁵⁾ Ibid., I, 598. Обращаю вниманіе на это сопоставленіе.

ыхъ давныхъ. Особенно интересовало полицейскихъ агентовъ то, что бѣлалось въ секціяхъ, занимавшихся исключительно вопросомъ о недостаткѣ хлѣба. Какая бы то ни было политическая агитація не мѣла успѣха, и «молодымъ людямъ» однажды (11 жерминаля) твѣтили, что народу надобѣли уже эти рассказы «о кровопійцахъ, кобинцахъ и убійцахъ» ¹⁾. Временами раздавались голоса на тему, что народъ морять голодомъ съ цѣлью заставить его «просить о возвращеніи стараго режима» ²⁾; вмѣстѣ съ этимъ полицейскіе отчеты говорятъ лишь изрѣдка о роялистическихъ возгласахъ, которымъ, прочемъ, сами не придаютъ большого значенія. Больше вниманія въ этихъ донесеніяхъ обращается на агитацію со стороны прежнихъ вожаковъ (*anciens meneurs*), требовавшихъ возстановленія коммуны, конституціи 1793 г. и освобожденія изъ тюремъ лантаньяровъ и членовъ прежнихъ революціонныхъ комитетовъ» ³⁾.

Ничего не говорится о роялистической агитаціи и въ фрюк-торскихъ донесеніяхъ послѣ того, какъ обнаружилось неудовольствіе населенія по поводу декретовъ 5 и 13 чиселъ названнаго мѣсяца. Особенно часто начинаютъ появляться отмѣтки объ этомъ неудовольствіи приблизительно съ 20 числа ⁴⁾, причемъ мы узнаемъ изъ этихъ отмѣтокъ о настроеніи, какое царило въ отдельныхъ секціяхъ. Съ 23 фрюктидора даже является особая рубрика: «*assemblées de sections*», въ которой много такого, что извѣстно и изъ дѣлѣвшихъ протоколовъ этихъ собраній. Но о роялистической агитаціи и здѣсь ни слова, хотя и приводятся народные толки на тему, что неповиновеніе секцій Конвенту представляетъ собою дѣло роялистовъ ⁵⁾. Полицейскіе агенты сами не говорятъ, чтобы это действительно были роялисты, и только отмѣчаютъ, что въ народѣ вожаковъ секцій такъ называютъ ⁶⁾. Впрочемъ, и такія отмѣтки очень рѣдки. Гораздо больше указываютъ донесенія на причины привага въ секціяхъ неудовольствія. Это, кромѣ декрета о «при-

¹⁾ *Ibid.*, I, 626.

²⁾ *Ibid.*, I, 665.

³⁾ См. особенно стр. 733.

⁴⁾ *Ibid.*, II, 220.

⁵⁾ Hier. il y avait... des groupes composés d'ouvriers qui inprouvant la conduite des sections disaient qu'elles étaient dominées par les royalistes. II, 228.

⁶⁾ *Ibid.*, II, 255.

нудительномъ переизбраніи» ¹⁾ членовъ Конвента, — освобожденіе террористовъ, начавшихъ-де оскорблять благонамѣренныхъ гражданъ ²⁾, и раздача имъ оружія ³⁾. Нѣкоторыя секціи даже сдѣлали постановленія о возвращеніи въ тюрьмы выпущенныхъ изъ нихъ террористовъ ⁴⁾.

Сначала настроеніе секцій и населенія полицейскіе агенты рисуютъ довольно спокойнымъ, но съ первыхъ дней вандемьера ихъ реляціи становятся все болѣе тревожными ⁵⁾. Въ нихъ изображается борьба партій, въ которой политическіе противники называли одни другихъ «роялистами, фанатиками, террористами, якобинцами» ⁶⁾. Одна партія, выступавшая больше въ видѣ сборищъ, была за Конвентъ, другая — за секціи ⁷⁾. Сама полиція на сторонѣ, разумѣется, Національнаго Конвента и видитъ въ оппозиціи секцій Конвенту анархію ⁸⁾. На другой день послѣ разгрома секцій, возставшихъ противъ Конвента, полицейскіе агенты съ особымъ удовольствіемъ доносили, что масса гражданъ не была на сторонѣ мятежниковъ ⁹⁾. И опять въ эти тревожные дни прямыхъ указаній на роялистическій заговоръ въ донесеніяхъ нѣтъ. Только въ реляціи 11 вандемьера, въ которой говорится о томъ, что было наканунѣ, сказано болѣе опредѣленно: «наконецъ, секція Лепеллетье сбросила маску и въ постановленіи, продиктованномъ бунтомъ и анархіей, которые роялизмъ разноситъ (colporte) по другимъ первичнымъ собраніямъ, пригласила къ посылкѣ выборщиковъ во Французскій Театръ» ¹⁰⁾. Что *arrêté* секція Лепеллетье не имѣлъ специфически роялистическаго характера, мы еще увидимъ, да и въ самой полицейской реляціи ссылка на роялизмъ, какъ на источникъ бунта и анархіи, имѣетъ характеръ ходячей фразы. Ни секція Лепеллетье, ни другія

¹⁾ La réélection forcée. II, 220. Ср. 272, 273 и слѣд.

²⁾ ... d'avoir élargi si promptement les terroristes qui, dit-on, insultent partout les bons citoyens. II, 263.

³⁾ *Ibid.*, II, 251.

⁴⁾ *Ibid.*, II, 265.

⁵⁾ Къ сожалѣнію, для 5, 6, 7 и 8 вандемьера отчетовъ не имѣется.

⁶⁾ *Ibid.*, II, 269.

⁷⁾ *Ibid.*, II, 276.

⁸⁾ *Ibid.*, II, 289.

⁹⁾ *Ibid.*, II, 299—300.

¹⁰⁾ *Ibid.*, II, 286.

екціи ничѣмъ не проявили своего роялизма. Напротивъ, какъ увидимъ, онѣ защищали народовластіе и свободу выборовъ, и притомъ то вовсе не была какая то маска, о которой стали говорить передъ 13 вандемьера и особенно послѣ этого событія. Указываю, что 15 вандемьера полицейскіе агенты доносили о ропотѣ въ населеніи «противъ людей, которые подъ маской патріотизма стараются только о возстановленіи королевской власти и ради своихъ тѣлей ввели въ заблужденіе своихъ согражданъ и повели ихъ на войну» ¹⁾. Значить, и полиція, слѣдившая за всѣмъ движеніемъ, находила, что его участники были введены въ заблужденіе и притомъ обмануты патріотическимъ лозунгомъ движенія. Лозунгъ былъ, действительно, «патріотическимъ», а не роялистическимъ. «Le rétablissement de la royauté» увлечь не могъ массы, участвовавшія въ движеніи, и для нея нарушеніе народнаго верховенства не было простымъ предлогомъ для того, чтобы стать въ оппозицію противъ Конвента. Не отрицая, что роялисты ловили рыбу въ мутной водѣ въ эти дни раздраженія противъ Конвента, мы вовсе не нуждаемся въ предположеніи, что безъ агитаціи съ ихъ стороны не было бы движенія 13 вандемьера. Секціямъ не въ первый разъ приходило въ столкновеніе съ Конвентомъ, и нарушеніе свободы выборовъ съ послѣдовавшимъ потомъ освобожденіемъ сидѣвшихъ по тюрьмамъ террористовъ были достаточною причиною для секцій, гдѣ возобладали умѣренные элементы, чтобы ополчиться противъ распоряженій Конвента.

Больше сравнительно съ тѣмъ, что мною приведено изъ документовъ, изданныхъ Оларомъ, никакихъ указаній на роль роялизма въ подготовкѣ 13 вандемьера я не нашелъ. Лишь послѣ подавленія возстанія полиція опредѣленнѣе стала говорить, что все дѣло было извѣстно «горячими партизанами роялизма» ²⁾.

О томъ, что дѣлалось въ секціяхъ въ концѣ фрюктидора и въ началѣ вандемьера, тогдашнія полицейскія донесенія сообщаютъ очень вѣрные свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого противорѣчія между ними и тѣмъ, что мы узнаемъ изъ протоколовъ секционныхъ собраний. Къ сожалѣнію, въ большомъ майскомъ пожарѣ

¹⁾ *Ibid.*, II, 305. Ср. аналогичное мѣсто на стр. 314.

²⁾ См. въ донесеніяхъ отъ 16 и 19 вандемьера. II, 308 и 314.

1871 г. сгорѣло громадное большинство этихъ драгоцѣнныхъ документовъ, но и изъ того сравнительно немногого, что уцѣлѣло, мы узнаёмъ достаточно о происходившемъ въ секціяхъ въ интересующіе насъ дни. Дѣло въ томъ, что секціи сносились между собою, посылали однѣ къ другимъ депутаціи, однѣ другимъ сообщали свои постановленія, и все это заносилось въ протоколы ихъ собраній.

Въ «Неизданныхъ документахъ по исторіи парижскихъ секцій»¹⁾ мною напечатаны выдержки изъ протоколовъ секціи Арси²⁾, между прочимъ, за время отъ 21 фрюктидора до 15 вандемьера, занимающія около 30 страницъ большого octavo (28—57). Кромѣ того, въ этомъ изданіи я помѣстилъ еще выдержки изъ протоколовъ секціи Арсенала отъ 20 до 25 фрюктидора на шести страницахъ (67—72). Далѣе, тамъ же изъ протоколовъ секціи Гренелль приведенъ рядъ выдержекъ, относящихся къ собраніямъ отъ 21 фрюктидора до 14 вандемьера и составляющихъ еще 6—7 страницъ (78—84). Къ сожалѣнію, въ уцѣлѣвшемъ регистрѣ секціи Инвалидовъ есть только короткій протоколъ, помѣченный 26 фрюкт.—9 вандемьера, изъ котораго сдѣлано было мною только небольшое извлеченіе³⁾. Здѣсь названы мною всѣ сохранившіеся отъ пожара 1871 года протоколы общихъ собраній секцій за интересующее насъ время. Сверхъ этого, мнѣ удалось найти еще рядъ листовъ, вырванныхъ когда-то изъ протоколовъ секцій и, благодаря этому, уцѣлѣвшихъ отъ пожара⁴⁾. Изъ нихъ я списалъ и напечаталъ небольшіе фрагменты⁵⁾, относящіеся къ секціи Réunion и имѣющие совершенно такой же характеръ, какъ и названные выше.

Читая эти протоколы, иногда очень обстоятельные, я въ нихъ не находилъ рѣшительно ничего роялистическаго. Мало того, въ протоколахъ секціи Арси попадаются такіа характерныя фразы:

1) Записки Императорской Академіи Наукъ, VIII серія, томъ XI, № 2. Спб. 1912

2) Рукопись нац. арх. F 7° 2499. Протоколы отъ 19 апр. по 7 окт. 1795 г.

3) Стр. 88. Рукопись нац. арх., хранящаяся подъ шифромъ F 7° 2505, 2509, п 2510.

4) Объ этомъ см. въ моей брошюрѣ «Революціонные комитеты парижскихъ секцій» (1913), стр. 7 и слѣд.

5) Въ только что указанной своей работѣ. См. приложенія, стр. XLII—XLV. Наконецъ, на стр. XLI—XLII въ томъ же изданіи мною напечатаны любопытный документъ подъ заглавіемъ: «Aux citoyens réunis en assemblée primaire de la section de Bonne Nouvelle-Opinion du bon homme Martin sur le décret du 5 fructidor».

«envain le terrorisme ou le royalisme voudrait separer le Peuple et ses Représentants¹⁾; «guerre ouverte aux terroristes, aux anarchistes, aux royalistes, aux malveillants»²⁾; «aux accusations d'anarchie, de royalisme et autres inculpations que le crime fait retenter autour de la vertu³⁾. Приведенныя выраженія свидѣлствуютъ, что оппозиція Конвенту шла со стороны людей, столь же мало бывшихъ склонными къ роялизму, какъ и къ терроризму. Въ движеніи участвовали умѣренные республиканцы, что явствуетъ и изъ разныхъ другихъ заявленій, дѣлавшихся въ секціяхъ въ теченіе бо-
льшей, нежели трехъ недѣль.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошли протоколы секціи Лепеллетье, которая играла наиболѣе видную роль во всемъ движеніи, направленномъ противъ Конвента, но мы все-таки знаемъ очень многое изъ того, что дѣлалось и въ этой секціи. Ей, прежде всего, принадлежалъ такъ называемый «Актъ гарантіи», по образцу котораго и другія секціи составляли заявленія противъ Конвента⁴⁾. Этимъ актомъ подъ охрану всѣхъ первичныхъ собраній 48 секцій Парижа ставилось свободное высказываніе гражданами своихъ мнѣній относительно декрета 5 фрюктидора и вообще обо всѣхъ мѣрахъ общественнаго спасенія, и это свободное высказываніе своихъ мнѣній бъявлялось долгомъ гражданина, защита свободы слова—обязанностью всѣхъ по отношенію къ каждому. Конечно, это напоминаетъ больше декларацію правъ, нежели старый порядокъ. Весь документъ составленъ въ такомъ же тонѣ: въ немъ говорилось о моментѣ, въ который народъ возвращаетъ себѣ права верховенства, утраченныя у него долгой тиранніей», о томъ, что «народъ, собравшійся ради обсуждения своихъ законовъ и дѣлъ, не можетъ и не долженъ подчиняться вліянію какой бы то ни было власти», о томъ, что нападать когда бы то ни было на гражданина за его мнѣнія есть покушеніе на народное верховенство» и т. п. Исходнымъ пунктомъ тиранніи, утвердившейся во Франціи, Актъ гарантіи считаетъ сен-

¹⁾ Невзданные документы, стр. 34.

²⁾ *Ibid.*, 35.

³⁾ *Ibid.*, 37. Указанное выше въ прим. мнѣніе Мартева тоже начинается словами: «Vous savez, mes citoyens, que je ne suis ni royaliste ni terroriste».

⁴⁾ Этотъ актъ можно найти, напр., на стр. 83 книги *E. Mellié* «Les sections de Paris pendant la révolution française» (1898).

тябрскія убійства 1792 г., что тоже не может быть названо специально роялистическимъ.

Въ такомъ же духѣ дѣлали свои заявленія и другія секціи. Правда, секціямъ можно поставить въ вину непослѣдовательность, съ какою секціямъ дѣйствовали по отношенію къ лицамъ, сидѣвшимъ въ тюрьмахъ иногда лишь за мятежныя слова, но это другой вопросъ. Въ книгѣ протоколовъ секціи Арси подъ 21 фрюктидора записано слѣдующее. Въ собраніе явилась депутація отъ секціи Лепеллетье, которая прочитала свое постановленіе о перманентности своего собранія и о неприкосновенности своихъ членовъ, и вотъ предсѣдатель ей отвѣтилъ, что и въ секціи Арси нашли необходимымъ провозгласить тѣ же два принципа. Затѣмъ была принята депутація отъ секціи Вѣрности, заявившая протестъ противъ декрета 5 фрюктидора, и ей также было отвѣчено, что секція Арси уже обсуждаетъ этотъ вопросъ, причѣмъ было обѣщано о рѣшеніи извѣстить всѣ остальные секціи. Послѣ «долгой и мирной дискуссіи» собраніе приняло постановленіе, состоявшее изъ одиннадцати параграфовъ, въ которыхъ формулировались такіе принципы: 1) «единственный способъ пользоваться правами верховенства, предоставленный народу представительной конституціей, заключается въ полной, безусловной и неограниченной свободѣ выбирать своихъ уполномоченныхъ и должностныхъ лицъ»; 2) «каждый актъ или законъ, стѣсняющій, ограничивающій и измѣняющій это право, является покушеніемъ на верховную власть народа» и т. п. Въмѣстѣ съ этимъ собраніе заявляло, что, «внѣ всякаго сомнѣнія, желаніе французовъ, выраженное большинствомъ первичныхъ собраній, будетъ за сохраненіе республики». Въ силу этихъ и другихъ соображеній собраніе секціи отвергало декреты и объявляло, что будетъ выбирать представителей націи по совѣсти и по собственному разумѣнію ¹⁾. Въ этотъ же день въ собраніи протестовали противъ обвиненія секцій въ Конвентѣ въ томъ, будто ими «руководятъ интриганы, которые, желая анархіи и безпорядка, овладѣваютъ слабыми людьми, чтобы вводить ихъ въ заблужденіе красивыми рѣчами» ²⁾. Секція рѣшила даже оправдать себя передъ Конвентомъ посылкою ему особаго адреса, въ которомъ

¹⁾ Незданные документы, стр. 30—33.

²⁾ *Ibid.*, 33.

говорилось о вѣрности республикѣ и свободѣ¹⁾. Ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе въ собраніи секціи не говорилось ничего, въ чемъ заключался бы хоть какой-нибудь намекъ на роялизмъ.

Само постановленіе секціи Лепеллетье отъ 10 вандемьера, по поводу котораго полицейское донесеніе употребило слово «роялизмъ», главнымъ образомъ, не содержало въ себѣ ничего, что давало бы право на такую квалификацію²⁾. Это былъ протестъ противъ дѣйствій Конвента, ибо онъ «отсрочивалъ введеніе конституціи, принятой вѣдлымъ народомъ, продолжалъ революціонное правительство» и т. п. и заставлялъ опасаться новыхъ узурпацій, новыхъ покушеній. Члены секцій въ этомъ документѣ названы «membres du souverain».

Секція Лепеллетье не хотѣла только исполнять фрюктидорскіе декреты, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ произвести выборы безъ замедленія въ новый законодательный корпусъ для того, чтобы какъ можно скорѣе «ввести въ дѣйствіе республиканскую конституцію». Секція Арси, какъ и другія, приняли это предложеніе, какъ вытекавшее изъ всего, что ему предшествовало по части заявленій объ узурпаціи Конвентомъ правъ сувереннаго народа.

Секція Лепеллетье дѣйствовала особенно энергично въ эти дни, если ея предложенія вездѣ имѣли успѣхъ, то лишь потому, что и въ другихъ секціяхъ принимались самостоятельно подобныя же предложенія. Мы видѣли, что когда депутація отъ нея явилась 21 фрюктидора въ собраніе секціи Арси, тамъ уже обсуждался вопросъ о томъ же, что было принято секціей Лепеллетье. Изъ протоколовъ секціи Гренелль явствуетъ тоже самое. Здѣсь 21 фрюктидора уже сдѣлано было предложеніе отвергнуть 5 и 21 фрюктидора, провозгласить неприкосновенность преній въ секціяхъ, войти по этому поводу въ сношенія съ другими секціями и т. п., когда явилась депутація отъ секціи Лепеллетье. Одной ей даже не принадлежала инициатива. Вслѣдъ за ея депутаціей явились въ засѣданіе секціи Гренелль двѣ новыя, «которыя, какъ сказано въ протоколѣ, сообщаютъ собранію постановленія въ томъ же духѣ (dans les mêmes principes), какъ и секція Лепеллетье³⁾.

¹⁾ *Ibid.*, 34.

²⁾ См. *Buches et Roux. Histoire parlementaire de la révolution française. XXXVII.* 2-30.

³⁾ Незаданные документы, стр. 78.

Я могъ бы сослаться на большее количество заявленій, дѣлавшихся въ секціяхъ по вопросамъ о фрюктидорскихъ декретахъ и о введеніи въ дѣйствіе конституціи III года, но достаточно и приведеннаго для убѣжденія въ томъ, что большинство участниковъ движенія, приведшаго къ возстанію 13 вандемьера, вовсе не было настроено роялистически. Старыя изложенія исторіи конца фрюктидора III года и начала вандемьера IV года во всякомъ случаѣ должны быть признаны не выражающими подлиннаго существа дѣла. Специально роялистическаго характера 13 вандемьера отнюдь не имѣло.

Н. И. Кареевъ.

Граничка изъ исторіи русской цензуры въ концѣ 50-хъ годовъ.

Обрусьвшій германскій офицеръ-романтикъ, нынѣ забытый авторъ историческихъ драмъ «Россія и Баторій», «Осада Пскова», «Басмановъ», — романа «Сидонскій», «Путешествія заграницею», — разныхъ лирическихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ журналѣ «Сынъ Отечества» въ сороковыхъ годахъ, — и, въ особенности, либретто известной оперы Глинки «Жизнь за Царя», баронъ Егоръ Ѳеодоровичъ Розенъ сыгралъ свою, хотя, по правдѣ сказать, и весьма скромную, но довольно характерную роль въ исторіи цензуры въ концѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

Вышедши по болѣзни въ отставку, баронъ Е. Ѳ. Розенъ былъ назначенъ, въ 1835 г., секретаремъ Наслѣдника Цесаревича, но въ послѣдствіе разстроеннаго здоровья онъ долженъ былъ скоро оставить эту должность и его тогда переименовали въ надворные совѣтники. Такимъ образомъ ему предоставлено было всецѣло посвятить себя литературнымъ занятіямъ. Можно судить по списку вышеупомянутыхъ сочиненій, насколько успѣшно онъ пользовался своими досугами ¹⁾.

Въ 1859 г., шестидесятилѣтнимъ старикомъ, проживавшимъ «на Штербургской сторонѣ въ болѣзни, въ уединеніи и забвеніи» ²⁾, баронъ Е. Ѳ. Розенъ просилъ Министра Народнаго Просвѣщенія, черезъ Министра Двора гр. Адлерберга, «о предоставленіи ему должности цензора С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, изъявляя

¹⁾ Подробнѣе о біографіи и личности барона Е. Ѳ. Розена см. «Очеркъ фамиліи бароновъ фонъ-Розенъ», составленный бар. Андр. Евг. Розеномъ, СПб. 1876 г.; см. въ особенности тамъ-же, стр. 77—80, любопытную характеристику барона Е. Ѳ. Розена его же пера.

²⁾ По словамъ бар. Андр. Евг. Розена: см. вышеупомянутый «Очеркъ фамиліи бароновъ фонъ-Розенъ».

готовность нести обязанности сего званія, до открытія вакансіи, безъ содержанія». На это прошеніе товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Н. А. Мухановъ отвѣтилъ 5 іюня 1859 г., что, за неимѣніемъ вакантнаго цензурскаго мѣста, онъ не признаетъ за собою права пазначать сверхштатныхъ цензоровъ, но что, въ ожиданіи вакансіи, баронъ Е. Θ. Розень можетъ, если онъ пожелаетъ, причислиться къ министерству. Согласно этому послѣднему указанію, баронъ Е. Θ. Розень подалъ прошеніе 5 августа 1859 г., вслѣдствіе котораго приказомъ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 3 сентября того же года «изъ отставныхъ» причислялся къ министерству «Надворный совѣтникъ баронъ Розень».

Однако баронъ Е. Θ. Розень не удовлетворился причисленіемъ къ министерству и, мѣсяца три спустя, началъ снова ходатайствовать о своемъ назначеніи членомъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета. Объ этомъ свидѣлствуютъ два письма, опубликованныхъ въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1911 г.¹⁾: первое самого барона къ цензору И. А. Гончарову, отъ 28 ноября 1859 г.,—второе И. А. Гончарова къ товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 6 января 1860 г.

Баронъ Е. Θ. Розень, стремленія котораго не нашли одобренія со стороны И. А. Гончарова, выражалъ удивленіе, что о «Высочайшемъ ходатайствѣ» у этого послѣдняго «не было и рѣчи». «Оно, писалъ онъ, повидимому *не принимается* въ уваженіе! Господи. Это что-то похоже на *республику*! Вѣроятно, Вы скоро запоете: *Allons, enfants de la patrie!* Я приведенъ этимъ въ ужасъ. По чувствамъ *моимъ* и всякаго вѣрнопопданнаго, ходатайство Государево должно быть *свято*—ибо оно есть евфемисмъ, вмѣсто повелѣнія... Мнѣ остается предстать предъ его Величествомъ съ жалобою на неуваженіе къ ходатайству Его»...

И. А. Гончаровъ удовольствовался тѣмъ, что препроводилъ письмо барона въ подлинникѣ къ Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія, какъ письмо «неприличное, обнаруживающее... челоѣка совершенно полуумнаго, какимъ впрочемъ онъ (баронъ Е. Θ. Ро-

¹⁾ Русская Старина, 1911 г., III, т. CXIV, стр. 473—477: «Гончаровъ какъ цензоръ».

ент.) давно слыветъ между всѣми, сколько нибудь знающими его людьми». — Я долгомъ счелъ, прибавляя И. А. Гончаровъ, ... представить самое письмо на тотъ конецъ, не изволите ли Вы счесть нужнымъ показать его Е. В. Евграфу Петровичу, чтобы дать понятие о характерѣ и умѣ человека, который, какъ слухи носятъ, ищетъ мѣсто цензора. Трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе должно произвести появленіе подобнаго лица въ кругу литературной и ценсурной дѣятельности, и чего можно ожидать отъ столкновѣній со съ разными лицами на службѣ»...

Официальное извѣщеніе о назначеніи цензоромъ барона Е. О. Розена было уже приготовлено для подписи Министра, когда письмо И. А. Гончарова получилось въ министерствѣ, но, несомнѣнно, благодаря этому письму, бумага такъ и осталась не подписанной Министромъ.

Нѣсколько недѣль спустя, въ февралѣ 1860 г., баронъ Е. О. Розенъ былъ назначенъ «старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій» и Главномъ Управленіи Цензуры, по всей вѣроятности — *in extremis*, такъ какъ въ мартѣ того же года его уже не стало. Такова была кратковременная цензорская карьера барона Е. О. Розена¹⁾.

Въ чемъ же заключалась дѣятельность «причисленнаго къ министерству» барона? Можно было бы думать, что ни въ чемъ, и едва ли пришлось бы сожалѣть объ этомъ. Между тѣмъ въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія²⁾ сохранилось шесть рапортовъ, относящихся къ осени 1859 года, т. е. какъ разъ къ тому времени, когда кандидатъ на цензорскую должность настойчивѣе возобновлялъ свое ходатайство. Приводимъ цѣликомъ два изъ этихъ рапортовъ, такъ отражающіе до нѣкоторой степени личность этого добровольно опредѣляющагося цензора, такъ строго и повидимому такъ мѣтко характеризованную И. А. Гончаровымъ:

¹⁾ Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣло Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, 1859 г., № 209: «По отношенію генераль-адъютанта гр. Шерберга о представленіи барону Розену должности цензора въ С.-Петербургскомъ Извѣстномъ Комитетѣ».

²⁾ Дѣло Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, по Главному Управленію Цензуры, нач. октября 31 дня 1859 г., № 152427, № 357: «По рапортамъ причисленнаго къ Министерству Народнаго Просвѣщенія Надв. Сов. барона Розена прочитанныхъ имъ временныхъ изданій».

Его Высокопревосходительству

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, Дѣйствительному
Тайному Совѣтнику и Кавалеру Евграфу Петровичу Ковалевскому.

Причисленнаго къ Министерству
Надворнаго Совѣтника Барона Розена.

РАПОРТЪ.

Во вторникъ, 27 сего мѣсяца, получилъ я, для прочтенія,
слѣдующія повременныя изданія:

1. Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника № 41;
2. Развлеченія №№ 41 и 42;
3. Русскаго Инвалида №№ 225, 226, 227 и 229 (не было № 228).

Первое изъ сихъ изданій показалось мнѣ неукоризненнымъ въ
отношеніи къ цензурѣ.

Въ № 41 «Развлеченія» повѣсть: «Чародѣвъ» отвратительна
своимъ грубымъ цинизмомъ, особенно III глава оной, содержащая
обманъ по метрическимъ книгамъ и гнусное дѣйствіе одного Пол-
кового Командира по службѣ. Всего безнравственнѣе юморъ этого
цинизма¹⁾.

Въ № 42 той же газеты²⁾, въ переводѣ статьи А. Мюссе:
«Ужинъ у Рашели» есть мѣсто оскорбительное для чувства рели-
гіознаго! Актриса Рашель приносить томъ Расина: «Можно было
принять ее за *служителя Божія*, идущаго съ *священными сосу-
дами въ Алтарь!*»

Въ № 229 «Русскаго Инвалида» въ началѣ фельетона «И то
и сѣ» есть выраженіе, неосторожное въ отношеніи къ Таинству
Св. Крещенія: «Окрестить еженедѣльные обзоры». Закрестить, не-
крестить, накрестить выражаютъ мірскія дѣйствія, но слово *окре-*

---

¹⁾ Развлеченіе. Журналъ литературный и юмористическій съ политическими,
1859 г., суббота 10-го октября, т. II, № 41, стр. 181—187; „Чародѣвъ“, повѣсть подпис.
„Эксцентрикъ“.

²⁾ Тамъ-же, 1859 г., суббота 17-го октября, т. II, № 42, стр. 197—200:
„Ужинъ у Рашели (статья Альфреда Мюссе), госпожъ X^{са}, безъ подписи переводчицы.

нѣтъ должно бы быть запретно для юмора, по крайней мѣрѣ печати¹⁾.

Вотъ все, что я замѣтилъ въ двухъ поименованныхъ изданіяхъ, чѣмъ Вашему Высокопревосходительству почтительнѣйше донести имѣю.

Надворный Совѣтникъ Баронъ Розенъ.

29 октября 1859 г.

На полѣ рапорта написано карандашемъ: Г. Министръ приказалъ оставить безъ послѣдствій, 14 ноября 1859 г.

Его Высокопревосходительству

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, Дѣйствительному Дѣльному Совѣтнику и Кавалеру Евграфу Петровичу Ковалевскому.

Причисленнаго къ Министерству
Надворнаго Совѣтника Барона Розена.

РАПОРТЪ.

На истекающей нынѣ недѣлѣ доставлены были ко мнѣ, для просмотра, слѣдующія два повременныя изданія:

1. Русскаго Инвалида пять нумеровъ, отъ 249 до 253 включительно:

2. Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника № 46.

Въ обоихъ сихъ изданіяхъ все соотвѣтствуетъ правиламъ цензуры, ни единой въ нихъ статьи не нахожу достойною Высочайшаго вниманія, хотя и порадовалъ меня, въ отношеніи къ правдивости критики, помѣщенный въ фельетонѣ 249 № Инвалида отзывъ о исторіи отечественной войны 1812 года, сочиненіи М. Богда-

1) Русскій Инвалидъ. Газета военная, литературная и политическая, годъ XLVI, № 25-го октября, № 229, стр. 933—934, фельетонъ подпис. „Нѣкто“ подъ заглавіемъ: „И то и сѣ“. Авторъ писалъ между прочимъ, чтобы объяснить заглавіе своего фельетона: „Надо было какъ-нибудь окрестить наши еженедѣльные обзоры. Само *литописъ* само просилось подъ перо; но имъ ужъ овладѣла, гораздо прежде, другая газета. Назвать фельетонъ просто *обозрѣніемъ*, въ подражаніе французскимъ *revues*, казалось намъ какъ-то неловко...“

новича¹⁾. О семъ Вашему Высокопревосходительству почтительнѣйше донести честь имѣю

Причисленный къ Министерству

Надворный Совѣтникъ Баронъ Розенъ.

(Этотъ рапортъ безъ числа, но, судя по мѣсту, которое онъ занимаетъ въ дѣлѣ, можно его отнести къ концу ноября 1859 г.)

Три остальныхъ изъ вышеупомянутыхъ рапортовъ интересны только тѣмъ, что они даютъ точныя свѣдѣнія о цензурованныхъ барономъ Е. О. Розеномъ изданій. Поэтому ограничимся слѣдующими извлеченіями:

(7-го ноября 1859 г.).

Въ первые дни истекающей нынѣ недѣли были доставлены ко мнѣ для прочтенія:

1. Русскаго Инвалида восемь нумеровъ, а именно №№ 228, 230 до 236 включительно;
2. Развлеченія №№ 43 и 44;
3. Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника №№ 42 и 43;
4. Драматическаго Сборника книжка X.

Во всѣхъ сихъ изданіяхъ я не нашелъ ничего предосудительнаго, въ отношенія къ цензурѣ. О чемъ Вашему Высокопревосходительству почтительнѣйше донести честь имѣю.

(14-го ноября 1859 г.).

На истекающей нынѣ недѣлѣ прочитаны мною слѣдующія два повременныя изданія:

1. Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника № 44;
2. Русскаго Инвалида шесть нумеровъ: отъ 237 до 242 включительно.

Въ обоихъ сихъ изданіяхъ, относительно цензуры, все, по моему разумѣнію, обстоитъ добропорядочно. О чемъ Вашему Высокопревосходительству почтительнѣйше донести честь имѣю.

---

¹⁾ Тамъ-же, годъ XLVI, 1859, 18-го ноября, № 249, стр. 1013—1015, фельетонъ, подписанный „Я. Т.“, подъ заглавіемъ: „Библиографія“.

(21-го ноября 1859 г.).

На исходящей нынѣ недѣлѣ прочитаны мною слѣдующія три
современныя изданія:

1. Русскаго Инвалида шесть нумеровъ отъ 243 до 248 вклю-
чительно;

2. Развлеченія № 45;

3. Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника № 45.

Въ означенныхъ трехъ изданіяхъ ни что, по моему мнѣнію,
не погрѣшаетъ противъ постановленій цензуры, о чемъ Вашему
Высокопревосходительству почтительнѣйше донести честь имѣю.

Послѣдній свой рапортъ баронъ Е. О. Розенъ написалъ 29-го
ноября 1859 г., т. е. на другой день послѣ того, какъ онъ, пови-
димо, убѣдившись уже, насколько проблематично было его назна-
ченіе цензоромъ, грозилъ письменно И. А. Гончарову „жалобою на
уваженіе къ ходатайству Его Величества“:

(29-го ноября 1859 г.).

Вслѣдствіе простуды, при продолжительномъ кашлѣ съ уду-
шеніемъ, я приведенъ въ столь болѣзненное состояніе, что лишень
какой возможности, впредь до нѣкотораго облегченія, исполнять
долгу—о чемъ Вашему Высокопревосходительству почтительнѣйше
донести честь имѣю.

Причисленный къ Министерству

Надворный Совѣтникъ Баронъ Розенъ.

Этимъ-то рапортомъ и прекратилась цензорская дѣятельность
барона Е. О. Розена.

А. А. Мазонъ.

Іоганнъ Августъ Метлеркампъ какъ лирикъ.

Не многочисленны имена лекторовъ нѣмецкаго языка при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, которые въ теченіе его столѣтняго существованія (1805—1905) заслуживали бы того, чтобы имена ихъ были переданы потомству. Между ними, безъ сомнѣнія первое мѣсто занимаетъ *Іоганнъ Августъ Метлеркампъ*, сынъ полковника, командовавшаго подъ русскими знаменами во время похода 1813—1814 г.г. ганзейскимъ корпусомъ добровольцевъ. І. А. Метлеркампъ родился въ Гамбургѣ 20-го августа 1810 г. По окончаніи одной изъ тамошнихъ гимназій въ 1826 г., онъ поступилъ на военную службу въ Россіи юнкеромъ въ Борисоглебскій уланскій полкъ. Осенью того же года онъ выступилъ съ своимъ полкомъ въ походъ противъ персіянъ, въ которомъ такъ отличился, что былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена Св. Георгія за храбрость. Въ 1828 г. онъ былъ произведенъ въ корветы, а по окончаніи войны возвратился съ своимъ полкомъ въ Россію и сталъ на квартиру въ Чугуевѣ, Харьковской губерніи. Дослужившись до чина штабсъ-ротмистра, Метлеркампъ въ 1835 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ и въ октябрѣ того же года былъ опредѣленъ въ Харьковскій университетъ лекторомъ нѣмецкаго языка.

Уже въ ранней молодости Метлеркампъ чувствовалъ неодолимое влеченіе къ поэзіи, которое особенно увеличилось вслѣдствіе того, что онъ, благодаря библіотекѣ своего сослуживца графа Игельштрема, ближе познакомился съ нѣмецкими классиками. Чувствуя въ себѣ самую поэтическую жилку, онъ вскорѣ взялся за поэзію, при чемъ употреблялъ свои свободные часы, главнымъ образомъ, для того, чтобы болѣе усовершенствоваться въ наукахъ и пополнить нѣкоторые пробѣлы въ своемъ знаніи. Скоро работа его увѣнча-

нась успѣхомъ и уже въ 1833 г. первыя его стихотворенія появились въ Петербургѣ въ журналѣ «Magazin belehrender und angenehmer Unterhaltung»; въ 1837 г. въ гамбургской «Thalia», въ дерптскомъ «Refractor» и въ гамбургскихъ «Originalien». Нѣсколько лѣтъ спустя появились его дальнѣйшія лирическія стихотворенія въ берлинскомъ «Gesellschafter», въ штутгартскихъ «Blätter zur Kunde der Litteratur des Auslandes» и въ «Musenalmanach» Штейнманна въ Лейпцигѣ.

Въ 1840 г. Метлеркамъ предпринялъ путешествіе въ Гамбургъ, гдѣ онъ познакомился съ Гутцковымъ, Геббелемъ, Дингельштедтомъ, Горномъ и Тепферомъ, знакомство которыхъ очень благотворно подѣйствовало на него и его творческія силы. Во время своего пребыванія на родинѣ онъ не только имѣлъ случай писать ватральныя критики для «Originalien» Лотцена, но и помѣстилъ въ этомъ журналѣ, кромѣ нѣкоторыхъ стихотвореній, переводъ «Мартъ и Сальери» Пушкина и переводъ «Исторія двухъ калошъ» Гоголя. Возвратясь въ Россію, онъ занимался переводомъ романа Лермонтова «Герой нашего времени», отрывки котораго были напечатаны въ «Originalien» въ Гамбургѣ. Далѣе, появились въ Петербургѣ въ «Magazin belehrender und angenehmer Unterhaltung» его статья о «Анастасіи Грюнѣ» и рассказъ подъ заглавіемъ: «Der wunderbare Teich». За этимъ слѣдовала статья: «Ein Wort über die zeitgenössische deutsche Lyrik und deren Verhältniss zur Kritik», помещенная въ «Thalia» въ Гамбургѣ въ 1841 г., также различныя стихотворенія въ Лейпцигской, «Novellenzeitung» и переводы нѣсколькихъ стихотвореній Лермонтова въ пражскомъ журналѣ «Ost und West». Но болѣе всего заслуживаетъ вниманія изданное у Вестерманна въ Брауншвейгѣ въ 1846 году собраніе его стихотвореній подъ заглавіемъ «Liederschwalben» (Пѣсни-ласточки), отличающихся необыкновенной свѣжестью и нѣжностью.

Въ 1853 г. Метлеркамъ по выслугѣ 25 лѣтъ былъ оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ. Но когда въ 1854 г. возгорѣлась война противъ Турціи, онъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ военную службу въ одинъ изъ полковъ дѣйствующей арміи съ тѣмъ, чтобы, кромѣ производства ему содержанія, наравнѣ съ прочими офицерами, была предоставлена семейству его та пенсія, кото-

рую онъ заслужилъ по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія. На это прошеніе послѣдовало слѣдующее изъясненіе Г-на Военнаго Министра генераль-адъютанта князя Долгорукова, «что, если послѣдуетъ на это Монаршее соизволеніе, Метлеркамъ можетъ поступить тѣмъ же поручичьимъ чиномъ, коимъ служилъ въ послѣднее время въ бывшемъ Борисоглѣбскомъ уланскомъ полку, и что въ случаѣ изъясненія имъ желанія быть опредѣленнымъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, онъ долженъ предварительно опредѣленія, представить, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству 15 дек. 1852 г. за № 142, на покупку верховой лошади и для офицерскаго обмундирования; если желаетъ поступить въ уланскій, драгунскій или карасирскій полкъ—430 руб., а ежели въ гусарскій то—580 руб. и независимо отъ сего—реверсъ отъ предводителя дворянства о достаточномъ состояніи содержать себя въ кавалеріи. Далѣе, что касается до испрашиваемой Метлеркампомъ при настоящемъ случаѣ пенсіи для семейства его, то по существующимъ правиламъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія Тайный Совѣтникъ Норовъ не считаетъ себя въ правѣ распорядиться назначеніемъ оной». Вслѣдствіе этого изъясненія Метлеркамъ долженъ былъ отказаться отъ своего ревностнаго желанія вступить вновь въ ряды русскихъ воиновъ, такъ какъ по стѣсненнымъ семейнымъ обстоятельствамъ не въ состояніи исполнить «начертанныя ему Господиномъ Военнымъ Министромъ условія». При этомъ въ своемъ рапортѣ на имя Господина Ректора Императорскаго Харьковскаго университета, К. К. Фойта, отъ 5-го апрѣля 1854 г. Метлеркамъ говоритъ между прочимъ: «При чемъ осмѣливаюсь почтительно присовокупить, что я въ послѣднее время въ бывшемъ Борисоглѣбскомъ уланскомъ полку служилъ не поручикомъ, а штабсъ-ротмистромъ, въ который чинъ былъ произведенъ Высочайшимъ приказомъ въ 1834 г., а уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ тѣмъ же чиномъ въ 1835 г.

Февраля 19 дня 1855 г. лекторъ нѣмецкаго языка Метлеркамъ обратился къ Ректору университета съ прошеніемъ объ опредѣленіи его въ государственное ополченіе по Курской губерніи. Однако, просьба эта, переданная на распоряженіе Курскому губернатору, генераль-маіору Лужину, была не удовлетворена за окончаніемъ

полотированія дворянъ въ офицеры дружинъ Курской губерніи и замѣщеніемъ всѣхъ ваканцій.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству въ 1858 г. Петеркамъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію за выслугою 10-ти лѣтъ съ мундиромъ, присвоеннымъ должности, и пенсіею въ мѣнѣ коллежскаго совѣтника. Послѣ отставки онъ остался жить въ Харьковѣ и умеръ въ 1863 году.

Сколько я ни справлялся и не искалъ въ Россіи и за границей, мнѣ, къ сожалѣнію, удалось собрать только *весьма* мало изъ его работъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ и упомянутымъ выше журналь, его сочиненій, стихотвореній и переводовъ изъ русскихъ авторовъ, поэтому долженъ ограничиться его «*Liederschwalben*» т. е. «Пѣсни-ласточки», которыя нашель въ Харьковской университетской библіотекѣ. Но и онѣ даютъ намъ достаточный матеріалъ, чтобы узнать душу и умъ человѣка, одареннаго богатымъ поэтическимъ талантомъ, «но не бывшаго въ состояніи подняться до уровня самыхъ лучшихъ поэтовъ» («nicht hat den Besten nach zu kommen vermocht»), «потому что изъ урны судьбы ему не выпалъ блестящій жребій» («aus der Urne des Geschickes kein glänzendes Los»). Онъ не былъ избавленъ отъ превратностей жизни, на его долю выпали заботы различнаго рода, такъ что онъ самъ говоритъ: «Die Welle nur des flücht'gen Augenblickes wiegt tändelnd mich auf dem Silberschoos», т. е. только мимолетной минуты волна качаетъ меня на своемъ серебристомъ лонѣ!

Между тѣмъ его смѣло можно поставить на ряду со многими выдающимися лириками Германіи. Онъ обладаетъ сладкими, проникновенными въ сердце мелодіями, онѣ скользятъ, какъ мимолетное вдохновеніе и, несмотря на свою неуловимость, производятъ чарующее впечатлѣніе. Кажется, будто душа поэта грезитъ и будто ему отчасти самая затаенная жизнь сердца и природы, какъ будто онъ понимаетъ таинственный языкъ, на которомъ говорятъ другъ съ другомъ цвѣты, деревья и морскія волны. Что касается языка поэта, то въ однихъ звукахъ его словъ заключается нѣжная музыка, которая завораживаетъ читателя высшимъ чувствомъ, пробуждаетъ въ немъ чуждое сочувствіе, сладкую грусть или воодушевленную жажду дѣятельности.

Метлеркампъ подраздѣлялъ свои «Пѣсни-ласточки» на: 1) Пѣсни и оды, 2) Радость и печаль любви, 3) Сонеты, 4) Лирическо-эпическое, 5) Переводы съ русскаго: а) Стихотвореніе Лермонтова, б) Малороссійскія пѣсни, 6) Эпиграфъ.

Каждая часть начинается эпиграфомъ.

Изданы и напечатаны «Пѣсни-ласточки» у Г. Вестермана въ Брауншвейгѣ, въ 1846 году.

Своимъ «*Liederschwalben*» поэтъ предпосылаетъ прологъ, въ которомъ онъ пользуется, подобно Гёте въ посвященіи въ Фаустъ, размѣромъ октавы, который въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова называется также стансомъ. Въ этомъ прологѣ онъ высказываетъ свое большое воодушевленіе поэзіей и считаетъ себя счастливымъ, что для него «*der Dichtung heilige Wunderblume erblüht* ¹⁾ *ist*» т. е. расцвѣлъ святой чудный цвѣтокъ поэзіи, что онъ можетъ перенестись въ волшебный міръ фантазіи, и что большое сердце, благодаря этому счастью, часто чувствуетъ себя вновь оживленнымъ, такъ что можетъ съ новой силой бороться съ горемъ и заботой. Но все это дѣлается съ такой скромностью и робостью, которыя тотчасъ же склоняютъ въ пользу поэта:

«*Verschmäheth nicht der Lieder schlichte Gabe,
Mit der Euch hier ein Neuling schüchtern grüßet;
Und sind's auch Perlen nicht, was ich Euch biete,
So biet' ich's doch mit liebendem Gemüthe*».

Правда, онъ надѣялся, что жизнь его сложится такъ, что онъ будетъ въ состояніи посвятить себя всецѣло поэзіи, но его желаніе не осуществилось, потому что провидѣніе, какъ мы видѣли выше, предназначило ему другой путь.

Въ прологѣ онъ обращается къ великимъ поэтамъ своей родины, Германіи, которыхъ Господь призвалъ къ святой брани за права духа и за свѣтъ и воодушевляетъ ихъ всегда выступать на защиту всего добраго и благороднаго, чтобы слава ихъ стояла прочно въ книгѣ исторіи.

---

¹⁾ Удержано нѣмецкое правописаніе автора.

Въ концѣ пролога онъ посылаетъ свои «маленькія пѣсни» какъ привѣтъ въ горячо любимое имъ отечество:

„So zieht denn hin, ihr meine kleinen «Lieder»,
Ins Vaterland, bescheid'nen «Schwalben» gleich,
Und nehmt von mir auf eurem Lenzgefieder
Viel tausend Wünsche für sein Wohl mit euch!
Nicht zu der Groszen Hallen laszt euch nieder,
Sucht nied'rer Hütten friedlichern Bereich,
Und unter ihren Dächern, fest und fester,
Baut aus der Liebe Reiseru eure Nester!«

За прологомъ слѣдуютъ «Пѣсни и оды»; въ первой пѣснѣ поэтъ представляетъ намъ какъ бы программу своихъ слѣдующихъ стихотвореній: онъ высказываетъ намѣреніе прислушиваться къ природѣ, а не къ созданіямъ рукъ человѣческихъ.

„Ein Fremdling wallt der Dichter auf der Erde,
Fern von des Welttands eitler, nicht'ger Spur;
Jedoch ein unzertrennlicher Gefährte,
Bleibt er der treuen Mutter, der Natur“.

Поэтъ нуждался въ природѣ для высшаго полета своихъ идей и для нагляднаго поясненія ихъ картинами. При этомъ онъ вникъ въ мельчайшія подробности: онъ радуется всякому новому листку, на которомъ висятъ капли росы, вообще, почти во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ обвѣваетъ насъ ароматъ цвѣтовъ. Величіе природы, ея простота и разнообразіе, ея законмѣрность во всѣхъ ея проявленіяхъ возбуждали его удивленіе и благоговѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда направляли его мысли выше природы къ той безмѣрности духа, отраженіемъ котораго она служить:

Dem Kinde gleich, spielt er (der Dichter) mit Blatt und Blume,
Mit ihnen wechselt er manch traulich Wort;
Nach einem unbekannten Heiligthume
Zieht ihn ein tiefes Sehnen mächtig fort.“

Чтобы удовлетворить это, «сильное, страстное желаніе», чтобы достигнуть цѣли своего стремленія, онъ то «на воздушныхъ, волшебныхъ крыльяхъ пролетаетъ по сушѣ и морю», то смѣло «про-

никаетъ въ далекій эфиръ или спускается въ темныя вѣдра земли» въ надеждѣ не найдетъ ли онъ тамъ чудесный волшебный ключъ,

„Bis ihm, vielleicht im höchsten Sehnsuchtsdrange,
Der Tod des Körpers Riegel sanft erschlieszt“...

Далѣе онъ воспѣваетъ то «май», когда все дышетъ весельемъ и радостью, и его грудь также будетъ освобождена «отъ льда унынія, такъ что тучи заботы улетятъ предъ надеждой на весеннее сіяніе, и снова забыть ключъ пѣсень», то «утро», то «ночь», то «пѣніе птицъ». Тамъ утренняя заря ласково приглашаетъ его, какъ и все твореніе вокругъ, къ молитвѣ, здѣсь подъ «чудеснымъ деревомъ ночи» поэту кажется, что онъ ясно слышитъ слова, которыя еще никогда не раздались на землѣ, но которыя сообщили ему одному Господь Богъ:

„Jhm tönt's wie sel'ger Engel Kunde:
Dasz einst im schönern, hellern Land
Des Menschen wundes Herz gesunde
Und jeder Kummer sei verbannt“.

Искренняя любовь къ отечеству и сильная тоска по немъ выражается въ пѣснѣ «Des Knaben Heimweh» т. е. тоска мальчика по родинѣ. Въ этомъ стихотвореніи онъ рассказываетъ, что провелъ счастливую юность подъ яркимъ солнцемъ родины, что никакое горе, никакая большая забота не посѣщали его. Но съ той поры, какъ онъ покинулъ страну своихъ предковъ, и юношей отправился въ чужбину, его жизнь измѣнилась во всѣхъ отношеніяхъ, къ нему подступили заботы разнаго рода, которыя произвели на него такое угнетающее впечатлѣніе, что даже природа не могла болѣе производить на него своего благотворнаго вліянія:

„Doch kein blühendes Gefilde
Fand ich, wie im Vaterland;
Nirgend weht die Luft so milde
Wie am theuren Heimathstrand.
Nirgend blickt der Mond so helle
Durch der Blätter zartes Grün;
Nirgend rauscht so sanft die Quelle
Durch die Wiesenblumen hin!“

Сильная тоска по родинѣ охватываетъ его и все больше и больше пробуждается въ немъ желаніе хотя еще одинъ разъ «привѣтствовать» свое отечество, имѣть возможность отдохнуть подъ «оль-овыми деревьями» его тихихъ родныхъ лѣсовъ:

„Nur noch *ein* Mal, güt'ger Himmel,
Ach, nur noch ein *einzig* Mal
Führ'mich aus dem Weltgetümmel
In der Heimath stilles Thal!
Wenn auch dann auf schwarzem Flügel
Mich der Tod hinüber ruft:
Wehet doch um meinen Hügel
Kühl die heimathliche Luft!“

Но это его желаніе, кажется, не было удовлетворено, потому что мы въ послѣдующихъ его стихотвореніяхъ нигдѣ не встрѣчаемъ указанія на то, что онъ побывалъ въ этотъ роіодъ времени на родинѣ и какое впечатлѣніе она произвела на него послѣ столь долгаго отсутствія. Если-бы желаніе его исполнилось, то у поэта, навѣрное, прозвучало бы въ его пѣсняхъ, о почувствовала его глубокая душа при видѣ родныхъ по-ій, при видѣ родного города. Онъ сообщил бы намъ, какъ ѣ смѣялся и шутилъ въ кругу своихъ друзей и родныхъ, ѣ онъ горевалъ у могилы своихъ родителей или усопшихъ друзей.

Такъ какъ его желаніе не исполняется онъ ищетъ миръ и утѣшеніе въ томъ, чтобы выразить въ стихахъ то, что волнуетъ ѣ душу:

„So erquickst du mir das Herz,
Sel'ger Himmelsfriede,
Das des Lebens Müh und Schmerz
Machten wund und müde.
Manches holde Traumgebild
Längst entschwund'ner Zeiten
Lässt du wieder freundlich-mild
Mir vorübergleiten“.

Весьма грустные мысли поэтъ высказываетъ и въ своемъ стихотвореніи «Осенняя грусть», которое онъ заканчиваетъ слѣдующими стихами:

„Mit der Kraniche Zug, mit dem stolzen Fluge der Schwäne
Ziehn ihre Träume dahin, suchend ein wärmeres Land!
Ach, wann kehren sie wieder, wann ruft sie aufs Neue des Frühlings
Heller, sonniger Glanz in ihre He-math zurück?
Oder kehren sie nimmer, die goldbefiederten Träume,
Kehrt ins erkaltete Herz nimmer der Frühling zurück?
O, dann möge sich nie der Hain für mich mehr belauben,
Nimmer ertöne mir dann wieder der Nachtigall Lied;
Möge kosend der West der Pappeln Zweige durchsäuseln,
Doch es neige ihr Laub flüsternd sich hin auf mein Grab!“

Но при всѣхъ ударахъ судьбы, заботахъ, превратностяхъ жизни, тщетныхъ желанійхъ мы не находимъ въ его стихотвореніяхъ ни ропота, ни гнѣва противъ Того, Кто все это ниспослалъ ему, все это возложилъ на него; вездѣ, напротивъ, звучить глубокая благодарность Творцу, напр., въ стихотвореніи «Frühlings Wiederkehr»:

„Denn der Geist der Liebe zieht
Säuselnd hin durch Feld und Hain,
Hauchet Allem, was da blühet,
Seinen heil'gen Odem ein.
Und entzückt greif'ich zur Leier,
Stimm', von heissem Dank durchglüht,
In die Auferstehungsfeier
Schlichten Klangs dies kleine Lied!
Antwort tönt aus jedem Strauche;
Blatt und Blume lispeln leis
Wie mit sel'gem Geisterhauche.
„Gott, dem Höchsten, Ruhm und Preis!“

Вмѣстѣ съ благодарностью Творцу выражается твердая вѣра въ благость и милость Господа, Который не допускаетъ до отчаянія среди житейскихъ бурь, а во всѣхъ положеніяхъ жизни даетъ утѣшеніе и надежду. Надъ одромъ страданій больного сострадательно

слоняется надежда и подкрѣпляетъ его радостными мыслями о скоромъ выздоровленіи. Ницѣго она усыпляетъ счастливыми снами, блещетъ горе вдовѣ и сиротѣ и шепчетъ умирающему сладкія слова утѣшенія. Поэтъ оканчиваетъ стихотвореніе «Надежда» словами:

„Leit' auch *mich* auf hellen Pfaden,
Hoffnung, holdes Götterkind,
Wie an goldnem Zaubersfaden
Durch des Lebens Labyrinth.
Und verrinnt aus meines Lebens
Uhr das letzte Körnchen Sand:
Dann entführ' mich, leisen Schwebens,
Ins verheisz'ne Wonneland“.

Ту же мысль мы снова находимъ въ «Vigilie», въ «Lebensbuch» и въ «Gottvertrauen». Когда къ человѣку, говоритъ поэтъ, отступаютъ житейскія страданія и нужда, онъ всетаки долженъ вѣряться на лучшіе дни и быть увѣреннымъ, что они наступятъ. Въ этой надеждѣ Метлеркампа находятъ утѣшеніе; хотя вскорѣ слѣды его мирнаго дѣтства показались на небѣ грозныя тучи и въ позднѣйшіе годы его душѣ много пришлось страдать подъ ударами бѣды, онъ чувствовалъ себя хорошо, когда онъ, благодаря своему поэтическому таланту, могъ создать себѣ «новый міръ»:

„Und was die kalte Wirklichkeit zertrümmert:
Das blüht im Liede herrlich wieder auf!“

Особенно привлекательны пѣсни Метлеркампа, которыя трактуютъ о любви, радости и горести, его «Liebes-Lust-und Leidlieder». Въ нихъ онъ скромно поднимаетъ «туманную завѣсу» минувшихъ временъ, показываетъ намъ, какихъ надеждъ было полно утро его жизни, и проводить предъ нами свои любовныя мечты съ ихъ страданіемъ и радостью. То онъ преподноситъ своей возлюбленной призывъ любви, то усаждаетъ ее серенадою. При этомъ онъ такъ деликатенъ и робокъ какъ Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде: своими пѣснями онъ, конечно, желаетъ прославлять любимую дѣвушку, но онъ не должны изобличать того, кто любитъ ее, горюя въ одиночествѣ, «чтобы никакая печаль не омрачила ея ясной души». Онъ является предъ нами веселымъ странствующимъ подмастерьемъ

и весело рассказываетъ намъ, какъ онъ отправился въ свѣтъ, чтобы добыть важнѣйшее условіе для женитьбы—гнусныя деньги. Но при разлукѣ онъ не открылъ возлюбленной причины своего странствованія:

Doch hab' ich's (d. h. Geld), und führt zu der Lieben
Mich unversehrt heimwärts der Stab,
Dann will ich's nicht länger verschieben,
Zu sagen, wie lieb ich sie hab'.
Dann tritt sie mit thauigen Wimpern
Mit mir vor den Vater—und schlau
Beginn' mit dem Geld ich zu klimpern
Und sag': „gebt mir's Mädchen zur Frau!“

То онъ намъ изображаетъ счастье своей любви розовыми красками, наприм., въ стихотвореніи: «Winterfrühling» т. е. весна—зимой.

„Da drauszen stürmt es und schneit es,
Die Straszen und Dächer sind weisz;
An meinen Fensterscheiben
Gefriert mein Hauch zu Eis.

Da öffnet sich plötzlich mein Stübchen
Und Liebchen huscht trällernd herein,
Mir ist's, als vernähm' ich die Stimmen
Der Nachtigallen im Hain.

Und tausendmal küss' ich sie jauchzend:
„Mag's drauszen nur stürmen und schnein;
Zu mir zog mit Veilchen und Rosen
Ein lächelnder Frühling ein!“

Въ стихотвореніи «Lied des Fischerknaben» (пѣсня мальчика—рыбака) Метлеркамъ говоритъ, напротивъ, о глубокой печали, которая причинила ему смерть дочери мельника, его возлюбленной Кетхень. Какъ онъ любилъ дѣвушку, какъ онъ въ сумрачную ночь переправился къ ней на лодкѣ, какъ они оба радовались любви,

какъ изъ великолѣпнаго блистанія звѣздъ вычитывали веселую будущность, но какъ скоро, эти блаженные времена миновали:

Wie bald, o ihr seligen Zeiten,
Zerfloszt ihr in Nebel und Duft!
Dampf hallte der Dorfkirche Läuten,
Wir trugen mein Käthchen zur Gruft!
Nun will nichts die Seele erfrischen,
Nie wird mir das Herz mehr gesund!
O, läg' ich doch todt bei den Fischen
Tief unten auf kühligem Grund!“

Слѣдуетъ, далѣе, упомянуть, что рядомъ съ Платеномъ, Рюккеромъ, Боденштедтомъ и другими поэтами также и Метлеркамъ оставилъ намъ весьма удачные опыты подражанія восточнымъ поэтамъ, къ называемыя «Ghasel» т. е. любовныя пѣсни.

Изъ 13 сонетовъ, посвященныхъ не только искусству, любви, смерти, но и лицамъ, которыя были ему особенно близки, я, преимущественно, укажу на три, которые свидѣлствуютъ объ особенномъ энтузіазмѣ и горячей любви.

Въ первомъ сонетѣ, посвященномъ Анастасію Грюну, ¹⁾ Метлеркамъ съ большимъ одушевленіемъ описываетъ чувства, возбужденныя въ немъ «небесными звуками» австрійскаго поэта:

„Die mir die Brust mit süßem Schau'r durchbebten,
Das, wackrer Sänger, waren *Deine* Lieder,
Die, Schwänen gleich, auf klingendem Gefieder,
Vom Donaustrand zu mir herüberschwebten“.

Второй сонетъ посвященъ Платену; авторъ говоритъ въ немъ о своей большой любви къ его высокой и чистой поэзіи и глубоко скорбитъ о томъ, что Платень, который стремился постоянно и жеренно къ идеалу, вмѣсто награды и благодарности, получилъ отъ своего народа только насмѣшки, и поэтъ кончаетъ словами:

„Verkannt als Küstler wie als Mensch im Leben,
Bist *Du* der Heimath trauernd *Deinen* Rücken
Um in der Fremde ruhig-stolz zu sterben ²⁾“.

¹⁾ Его настоящее имя и фамилія: Графъ Александръ фонъ Ауэрспергъ; умеръ въ 1876 г.

²⁾ Графъ А. Платень умеръ 5-го декабря 1835 г. въ Сиракузахъ.

Въ третьемъ сонетѣ «Надгробный вѣнокъ Полиѣ» поэтъ оплакиваетъ внезапную смерть горячо имъ любимой жены. Какъ глубока и искренна была эта любовь, какъ превосходно его жена умѣла сдѣлать уютнымъ домъ мужу и дѣтямъ, мы чувствуемъ при чтеніи этого сонета. Поэтъ не можетъ представить себѣ жизни безъ жены и, подобно своимъ дѣтямъ, надѣется все на ея возвращеніе:

„Fragt doch an jedem Tage noch mich immer
Der jüngste Knabe: «wird's noch lange währen,
Bis Mutter kommt?» und stets mit Hoffnungsschimmer
Such' ich den Sinn des Kindes zu bethören.
Bin ich doch selbst im kind'schen Wahn befangen:
Nur zum Besuche seist du ausgegangen
Und kämest bald gesund und frisch nach Haus».

Полный благодарности поэтъ обращается къ той, которая постоянно взоромъ и словомъ воодушевляла его къ поэзіи, которая была для него яснымъ солнцемъ жизни и сумѣла благодатно вліять на дѣтей, которыя только благодаря ей сдѣлались такіа хорошія и милыя:

«Ein Trost (продолжаетъ поэтъ) ist's mir, dasz ich des Herzens Weh
Vermag im Lied melodisch aufzulösen.
Vermöcht' ich's nicht: wie wollte anders je
Vom tiefen Gram die wunde Brust genesen?»

Своей женѣ (Полиѣ) онъ желаетъ воздвигнуть въ своемъ сердцѣ прочный памятникъ:

«Will's mit der Dichtung Blüthenkranz umreihn
Und mit der Wehmuth Thräne lind bethauen.
Du aber schlumm're selig und in Frieden
Den tiefen Schlaf und sende Trost und Ruh
Mir und den Kindern, die Du liesz't hienieden».

За сонетами слѣдуетъ цѣлый рядъ лирико-эпическихъ стихотвореній. Лирику Метлеркампа, по ея простотѣ и глубинѣ чувства, по ея богатству настроенія, свѣжей естественности и легкой риматической граціи можно, отчасти, сравнивать съ лирикой Генриха Гейне, при чемъ надо замѣтить, что эротическій характеръ лирики

ослѣдняго совершенно отсутствуетъ въ лирикѣ Метлеркампа; по ея сердечности, вѣжности и чистотѣ она походить, какъ уже сказано выше, мѣстами на лирику великаго пѣвца среднихъ вѣковъ Вальтера Рунъ-диръ-Фогельвейде.

Лирико-эпическія стихотворенія Метлеркампа начинаются съ стихотворенія: «Муза».

Въ то время, когда онъ однажды лежалъ въ лѣсу на мягкомъ мѣстѣ, явилась къ нему «Муза» въ образѣ дѣвушки и сказала ему:

«Warum so lang hast Du Dich mir entzogen?
Ist Dir des Herzens Blume schon verdorrt?
Risz Dich in seinen bunten Strudelwogen
Der eitle Tand des Lebens brausend fort?
Vergasest Du so ganz des Schwurs der Treue,
Mit dem Dein Herz sich ewig mir verband,
Als ich den Kranz der heil'gen Dichterreihe
Dir liebend um die Jünglingsschläfe wand?».

Изъ этихъ словъ видно, что поэтъ вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ судьбы, измѣнилъ своей музѣ и нѣкоторое время бросилъ заниматься поэзіей. Но муза снова приближается къ нему, утѣшаетъ его и, указывая на будущность, говоритъ ему:

«Noch ist es Zeit! Kühn muszt Du vorwärts schauen,
Nicht darfst Du trauernd wenden Deinen Blick!
Der Sehnsucht wärmste, reinste Thränen thauen
Vergebens nieder auf ein todtes Glück!
Hat Dir Dein Lenz der Freuden viel genommen,
Ermanne Dich und klage länger nicht,
Sieh! hell schon ist der Sommer aufgeglommen,
Der freundlich Dir manch gold'ne Frucht verspricht!»

За «Музой» слѣдуетъ: «Незабудка», «Вѣрная дѣвушка», «Странникъ и мальчикъ» и другія стихотворенія, въ которыхъ поэтъ выражаетъ въ лирическихъ звукахъ радость и печаль жизни и этимъ привлекаетъ читателя все болѣе и болѣе.

Въ эпически-лирическомъ стихотвореніи «Рыцарь Баярдъ» поэтъ воспѣваетъ человѣческій, благородный подвигъ великаго Баярда, мечъ котораго косилъ враговъ, какъ серпъ коситъ поспѣвшій хлѣбъ».

Побѣдителемъ возвращаясь съ похода домой, герой видитъ прелестную дѣвушку, которой онъ непремѣнно желаетъ обладать, но «хотя онъ до сихъ поръ все преодолевалъ, любовь заставляетъ его призадуматься и покорять свое мужество». Когда дѣвушку приводятъ къ нему, и она съ умоляющими словами: «Пощадите, рыцарь, мою честь, мое единственное достояніе въ мірѣ!» падаетъ передъ нимъ на колѣни, страшный въ другихъ случаяхъ рыцарь подавляетъ грѣховное пламя любви, поднимаетъ дѣвушку и съ смиреніемъ преклоняется «предъ божественной силой невинности». Со словами: «И впредь сохраните вѣрно и свято свой благочестивый цѣломудренный образъ мыслей!» онъ, не прикасаясь къ дѣвушкѣ, отпускаетъ ее не только съ богатыми подарками, но и приказываетъ двумъ своимъ оруженосцамъ благополучно проводить ее чрезъ воинскій лагерь...

«Doch als kaum die Morgenröthe die bethaute Flur erhellt:
Sammelt er der Tapfern Schaaren, schwingt sich auf sein muthig Rosz,
Und zu neuem Kampf und Siege führt er seiner Krieger Trosz».

Въ стихотвореніи «Помолвленные», написанное гекзаметромъ авторъ изображаетъ идиллію, подобную Гётевской «Германъ и Доротея» съ истинно Гётевскимъ искусствомъ. Поэтъ показываетъ намъ, какъ превосходно онъ умѣетъ описать великолѣпіе природы и образъ мыслей и чувствъ старыхъ и молодыхъ людей. Чего-чего онъ не подслушалъ у природы и людей и съ какой пріятной манерой онъ умѣетъ рассказывать объ этомъ. Лотхенъ, дочь честнаго фермера въ Тальдорфѣ, только что обручена съ Вильгельмомъ, сыномъ пастора, оба очень счастливы по взаимной любви. Уже давно любовь къ молодому человѣку поселилась въ сердцѣ дѣвушки, но только вчера онъ произнесъ рѣшительное слово, ея страстное желаніе было исполнено и «наконецъ послѣ долгихъ опасеній и надеждъ она могла обнять своего Вильгельма, благочестиваго, пламеннаго юношу!» Это блаженное чувство заставляетъ ее оставить комнату и выйти на свѣжую утреннюю прохладу. Здѣсь подъ открытымъ небомъ, гдѣ никто не можетъ подслушать, она хочетъ поблагодарить милосерднаго Бога за то, что Онъ сдѣлалъ ее такою счастливою. Но едва она произнесла свою молитву, какъ изъ ближайшаго куста выскакиваетъ Вильгельмъ, обнимаетъ и цѣлуетъ ее. По-

ь изображаетъ стыдъ молодой дѣвушки при первомъ поцѣлуѣ жениха слѣдующимъ образомъ:

«Väterchen sagst Du's doch nicht!» so flüsterte ängstlich die
Jungfrau.

.....
«Sag' es nicht Wilhelm! sieh hier dies schöne duftende Sträuslein
Geb' ich Dir, so Du's nicht sagst!» Da sprach der trunkene
Jüngling:

«Komm' denn, o komm an mein Herz, mein süszes edeles Bräutchen,
Will es Niemand erzählen; gieb her das duftende Sträuslein,
Ewig bleibt es mir theuer, am Herzen will ich es tragen,
Gleich wie Dich will ich's warten bis an mein seliges Ende!»

Далѣе мы слышимъ и разговоръ родителей между собою, которые «медленнымъ шагомъ» идутъ по «липовой аллеѣ». И они счастливы, что пристроили дочь; полный искренней любви къ дочери отецъ говорить женѣ:

«'s ist doch ein Segen des Himmels, solch wunderliebliches
Kindlein.»

Sagte der Vater und schaute bewegt zum sonnigen Himmel.
Lächelnd nickte die Mutter und schweigend umarmten sich Beide».

Видно, что въ «Помолвленные» языкъ Меттеркампа и его манера описанія живо напоминаютъ языкъ и манеру Гёте въ «Германъ и Доротея». Сравнительно съ послѣднимъ «Помолвленные», конечно, только весьма короткое стихотвореніе, въ которомъ совершенно отсутствуеъ политическая подкладка.

Въ этомъ отдѣленіи пѣсень мы еще находимъ «Легенду», фактическую о молодомъ рыцарѣ благородной, княжеской крови, порый, послѣ того какъ онъ промоталъ послѣднее свое состояніе, покинулъ ночью нищимъ отцовскій замокъ. Въ лѣсу онъ встрѣтилъ панаго духа, который пообѣщаетъ дать ему сокровища, честь и силу, если онъ отречется отъ Бога. Рыцарь громкимъ голосомъ признаетъ клятву. Но когда горный духъ требуетъ:

«Nun leugnet auch die *Jungfrau*, sonst nützt der Schwur mir nicht,
Denn, wen der Herr nach seiner Gerechtigkeit verwarf,
Noch Gnade durch der *Jungfrau* Fürbitte hoffen darf!»

На это, однако, рыцарь никакъ не соглашается:

«Er drückt zur feuchten Erde sein glühend Angesicht
Und flehet: *heil'ge Jungfrau! vergieb, verwirf mich nicht!*»

И когда рыцарь поднялъ свой взоръ, горный духъ исчезъ и вмѣсто него передъ нимъ проносится образъ Пресвятой Дѣвы и кротко улыбается ему. Онъ на томъ мѣстѣ строить себѣ келью, отрывается отъ всѣхъ земныхъ удовольствій и радостей и дѣлается пустыянникомъ. Вскорѣ келья рыцаря становится мѣстомъ богомолья, извѣстнымъ на далекое пространство, къ которому приходятъ много богатыхъ и бѣдныхъ пилигримовъ, чтобы здѣсь найти желанный покой. Послѣ этого прошли столѣтія, кости рыцаря обратились давно въ прахъ, но сказаніе «процвѣтая переходить изъ устъ въ уста и возвѣщаетъ о вѣчной, милосердной любви Бога».

Въ концѣ своей книги авторъ представляетъ намъ нѣсколько переводовъ стихотвореній съ русскаго языка съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Blumen, die im fremden Land
Blühend ich am Wege fand,
Hab' ich hier, in müsz'gen Stunden,
Euch zum Heimathstrausz gewunden».

Повидимому стихи Лермонтова особенно нравились Метлер-кампу. Онъ ставилъ его, навѣрно, особенно высоко и изучалъ его съ большимъ интересомъ, что доказываетъ мастерской переводъ «Пророка», «Три пальмы», «Дары Терека» и др.

Чтобы показать въ какой степени переводчику удалось передать поэтическія произведенія Лермонтова, я представляю слѣдующіе образцы на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ даль всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви

Der Prophet.

Seit mit prophet'schem Geiste mich
Begabt hat das urew'ge Wesen,
Kann in der Menschen Zügen ich
Das Laster und die Bosheit lesen.
Der Liebe und der Wahrheit
Lehr',

правды чистыя ученья;
меня всѣ ближніе мои
босали бѣшено каменя.
всыпаль пепломъ я главу,
въ городовѣ бѣжалъ я нищій, —
вотъ, въ пустынѣ я живу,
къ птицы — даромъ божьей
пищи.
вѣтъ Предвѣчнаго храня,
вѣтъ тварь покорна тамъ земная,
звѣзды слушаютъ меня,
нами радостно играя.

Вотрите-жъ, дѣти, на него,
какъ онъ угрюмъ, и худъ, и
блѣденъ,
Вотрите, какъ онъ нагъ и
блѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!»

Три Пальмы.

Въ песчаныхъ степяхъ аравій-
ской земли
гордыя пальмы высоко росли.

Verkündigt'ich, die hohe,
reine;
Doch aus dem Menschenhau-
fen her
Entsandt'man wüthend nach
mir Steine.
Ein Bettler zog ich durch das
Land,
Streut' Asche auf mein Haupt
und büszte
Mit Stolz, bis ein Asyl ich fand
Bei Vögeln hier in öder Wüste.

Mir huldigt Pflanze, Stein,
und Thier,
Die Macht des Gottes in
mir fühlend;
Die Sterne selbst gehor-
chen mir,
Mit heitern Strahlen mich
umspielend.

«Nehmt d'ran ein Beispiel: seht,
wie bleich
Und hager er vorüberschreitet,
Dem ärmsten nackten Bettler
gleich.—
Und wie Verachtung ihn be-
gleitet!»

Die drei Palmen.

Stolz ragten im wüsten arabi-
schen Land
Drei Palmen empor aus dem
brennenden Sand;

прилегалъ, какъ барсъ пора-
 женный стрѣлой;
 бѣлой одежды красивой
 складки
 о плечамъ фариса вились въ
 беспорядкѣ;
 съ крикомъ и свистомъ несясь
 по песку,
 бросалъ и ловилъ онъ копье на
 скаку.

Въ только-что сумракъ на землю
 упалъ,
 въ корнямъ упругимъ топоръ
 застучалъ, —
 и пали безъ жизни питомцы
 столбѣй!
 И жду ихъ сорвали малыя дѣти,
 раблены были тѣла ихъ по-
 томъ,
 и медленно жгли ихъ до утра
 огнемъ.

Инынѣ все дико и пусто кру-
 гомъ,
 и шепчаты листья съ грему-
 чимъ ключемъ:
 и расхо пророка о тѣни онъ
 просить —
 и лишь песокъ раскаленный
 заносить,
 и коршунъ хохлатый степной
 нелюдимъ,
 и дычу терзаетъ и щиплетъ
 надъ нимъ.

Bald sprang's wie ein Panther,
 getroffen vom Pfeil;
 Nachlässig die Schultern des
 Reiters umwallten
 Die weissen Gewänder in kräu-
 selnden Falten;
 Und schnalzend und pfeifend
 entsandt' er im Lauf
 Die Lanze und fing von dem
 Boden sie auf!

Doch kaum, dass vom Himmel
 die Dämmerung sank.
 Die Axt an den Wurzeln der Pal-
 men erklang,
 Der stolzen Jahrhunderte Zög-
 linge fielen!
 Ihr Kleid diente lallenden Kin-
 dern zu Spielen;
 Zerklüftet dann wurden die Aeste
 und bald
 Sie gierig die leckende Flamme
 umwallt.

Jetzt ist es dort öde und stille
 umher,
 Nicht flüstern die Palmen im
 Morgenwind mehr;
 Der Quell, von dem glühenden
 Sand überwehet,
 Umsonst zum Propheten um Schat-
 ten jetzt flehet;
 Der Adler der Wüste nur ein-
 sam dort kreischt.
 Wenn gierig am Quell er die
 Beute zerfleischt.

Далѣ любопытно, что Метлеркампъ заинтересовался и украинской народной поэзіей. Онъ далъ весьма удачный переводъ нѣкоторыхъ украинскихъ народныхъ пѣсней. Онъ засталъ еще на мѣстѣ въ Харьковѣ богатую народную словесность, въ тотъ періодъ, когда ея, сильно увлекались его современники проф. Метлинскій и позднѣе проф., Потебня. Наприм.:

Kleinrussisches Volkslied.

Schau'rlich rauscht's im Eichenwalde,
Dichter Nebel deckt die Fluren;
Und es treibt den Sohn die Mutter
Aus dem Hause: «Pack dich fort, Sohn!
Möchten dich die Türken fangen!»
—Mutter! schöne Pferde werd' ich
Bei den Türken mir erbeuten.—

Schau'rlich rauscht's im Eichenwalde,
Dichter Nebel deckt die Fluren:
Und es treibt den Sohn die Mutter
Aus dem Hause: «Pack dich fort, Sohn!
Den Tataren werd' zur Beute!»

—Mutter! Gold und Silber werd' ich
Mir von den Tataren holen.—
Und das Pferd, das muntre, führend
Kommt die älteste der Schwestern;
Zaum und Sattel trägt die zweite;
Aber ängstlich fragt die jüngste:
«Bruder, sag', wann kehrst du wieder?»

—Eine Hand voll Sand nimm, Schwester,
Streu' sie aus auf nackten Steinen,
Und beim frühen Morgenschimmer
Netze sie mit deinen Thränen:
Und wenn Blumen d'raus erblühen
Wird dein Bruder wiederkehren!—

Schau'rich rauscht's im Eichenwalde,
Dichter Nebel deckt die Fluren:
Und es ruft den Sohn die Mutter
Aus der Fremde: «Kehr'zurück, Sohn!
Will ein Bad dir kühl bereiten».

— Mutter! mir zum Bad dient Regen,
Strupp'ger Dornbusch kämmt das Haar mir,
Und mich trocknet Sturmeswehen!—

Для переводовъ украинскихъ народныхъ пѣсней Метлеркампъ, вѣрно, воспользовался печатнымъ источникомъ. Предстоящая пѣсня вѣстна уже по раннимъ печатнымъ изданіямъ у Павловича, Матимовича, Закревскаго и др. въ такой формѣ:

Гомін, гомін по діброві
Туман поле покриває,
Мати сина проганяє,
«Піди, сину, геть від мене,
Нехай тебе турки візьмуть!»
Мене, мати, турки знають,
Мене кіньми знаділють.

Далѣ, въ этой пѣснѣ мать высказываетъ пожеланіе, чтобы Она взяла его; но сынъ отвѣчаетъ, что Орда надѣляетъ его золотомъ и серебромъ и т. д. Все это передано въ очень близкой къ подлинному формѣ.

Въ эпилогѣ къ «Пѣснямъ—ласточкамъ» авторъ повторяетъ благодарность Творцу за то, что Онъ далъ ему даръ пѣснопѣнія, который оставался при немъ въ часы «блаженной радости и въ часы печали» и помогалъ ему высказывать то, что волновало его сердце. Даръ, все что переживала его душа, выражать стихами, былъ для него какъ бы священными чарами, которыя часто спасали его отъ отчаянія. Онъ оканчиваетъ этотъ эпилогъ желаніемъ:

«Jhr Freunde! ruft der Wille
Des Ew'gen einst mich ab:
Dann legt zur starren Hülle
Die Laute mir ins Grab.

Dort wird im engen Raume
Noch zaub'risch ihr Getön
Mich leis mit einem Traume
Von Fried' und Glück umwehn.
Bis hell der grösze Morgen
Der Auferstehung glüht,
Und, was im Grab verborgen,
Zu neuem Sein erblüht.»

Итакъ Метлеркампъ пробовалъ свои силы въ различнѣйшихъ областяхъ поэзіи. Изъ-подъ его пера вышли оды, пѣсни любви и печали, лирическія и эпическія произведенія, и нельзя не согласиться, что у него во всѣхъ этихъ областяхъ есть цѣнныя произведенія. Своеобразное сочетаніе сильнаго и нѣжнаго въ языкѣ Метлеркампа придаетъ ему прелесть и задумчивость. Если имѣть въ виду эти поэтическія достоинства «Пѣсенъ—ласточекъ», то можно думать, что и теперь, семьдесятъ лѣтъ спустя послѣ ихъ появленія, не окажется несбыточной та скромная надежда, которую питалъ когда то нашъ поэтъ:

«Und hab' ich *eine* Seele nur gefunden,
Die tief mit mir, was ich gefühlt, empfunden:
Dann wirkt' ich viel!»

Г. Ю. Ирмеръ.

Изъ византійскаго захолустья XIII в.

Въ 1204 году участники четвертаго крестоваго похода завоевали Константинополь и создали на Балканахъ феодальную латинскую имперію. Событіе это не могло, конечно, не поразить современниковъ, не могло не возбудить чувства «восхищенія и изумленія во всѣхъ народахъ Запада и русскаго сѣвера, преимущественно же во всемъ Востокѣ вплоть до Пекина» ¹⁾. Пала слишкомъ крупная причина. Но въ концѣ концовъ этотъ успѣхъ оказался эфемернымъ и преходящимъ, а чувства, вызванныя имъ, преувеличенными и авантюрическими. У крестоносцевъ хватило силъ на время свалить Византію и, правда, серьезно подорвать ея жизненную энергію, но не были въ состояніи нанести ей такого удара, послѣ котораго бы совсѣмъ не подымаются. Они могли только распылить ее на кучи плохо или вовсе не связанныхъ между собою владѣній, но у нихъ не было ни матеріальныхъ, ни духовныхъ средствъ создать изъ этого неа что прочное и долговѣчное. Не говоря уже о томъ, что побѣдители и въ культурномъ отношеніи стояли значительно ниже побѣжденныхъ, ихъ было слишкомъ мало и они были поэтому слишкомъ слабы, чтобы довести дѣло завоеванія до конца и, какъ бы сдѣлали позже турки, закрѣпить за собою падолго завоеванное, если не культурнымъ превосходствомъ, то по крайней мѣрѣ хотя бы физическимъ, численнымъ перевѣсомъ.

Латинское завоеваніе не только не коснулось остатковъ малоазійскихъ владѣній Византіи, гдѣ возникло цѣлыхъ двѣ ромейскихъ имперіи, трапезундская и никейская, но и на Балканскомъ полуостровѣ крестоносцамъ не удалось присвоить себѣ всего, что раньше входило въ составъ византійскаго государства: между Диррахіемъ и Винакомъ вырастаетъ эпирскій деспотатъ, не только совершенно неза-

¹⁾ Герцбергъ, Исторія Византіи, стр. 362. Москва, 1896.

висимый отъ латинянъ, но одинаково опасный для нихъ и непріятный для никейскихъ императоровъ, взявшихъ на себя миссію возсозданія византійскаго государства. Второй эфирскій деспотъ, Θεодоръ Комнинъ, захватившій въ 1214 г. въ свои руки власть послѣ насильственной смерти старшаго своего брата, деспота Михаила, настолько удачно ведетъ борьбу съ латинскими завоевателями, что въ его руки, кромѣ ряда второстепенныхъ городовъ, ¹⁾ попадаетъ Адрианополь и, наконецъ, въ 1222 г. Солунь. Результаты этихъ удачныхъ выступленій дали себя почувствовать въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны эфирскій деспотатъ, разросшійся путемъ включенія въ его составъ Θессаліи и значительныхъ частей Θракіи и Македоніи, ²⁾ врѣзался клиномъ между Константинополемъ и латинскими владѣніями южной части Балканскаго полуострова, разединяя ихъ и такимъ образомъ еще болѣе ослабляя и безъ того шаткое зданіе феодальной монархіи. ³⁾ Съ другой стороны деспотъ Θεодоръ, принявшій въ Солуни въ томъ же 1222 г. титулъ ромейскаго императора, вступаетъ этимъ самымъ въ соперничество съ императоромъ Никееи, становясь послѣднему на дорогѣ въ дѣлѣ разрѣшенія поставленной послѣднимъ себѣ національной задачи. Правда, событія приняла потомъ иной характеръ, и не эфирскому деспоту было суждено возстановить къ новой, хотя и осужденной на постепенное замираніе, жизни Византію. Но для этого потребовалось, чтобы Іоаннь II Асѣнь сломилъ въ 1230 г. мощь Эпира, и тогда лишь въ 1246 г. Іоанну Ватаци удалось завладѣть Солунемъ, этимъ главнымъ этапомъ по пути къ Константинополю. ⁴⁾

Среди лицъ, игравшихъ видную роль въ Эпирѣ при деспотѣ Θεодорѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ митрополитъ города Навпакта, Іоаннь Апокавкъ. Крупная личность названнаго церковнаго дѣятеля вызываетъ къ себѣ тѣмъ болѣе интересъ, что онъ является, по компетентному мнѣнію такого признаннаго знатока

¹⁾ В. Г. Васильевскій, *Επίτομα αἰώνων* XIII (Византійскій Временникъ, т. III, стр. 234).

²⁾ Лависсъ и Рамбо, *Всеобщая исторія*, т. III, стр. 797. Москва, 1897.

³⁾ Грегоріусъ, *Исторія города Аѣниъ въ средніе вѣка*, стр. 179. Петербургъ, 1900.

⁴⁾ Эфирскій деспотатъ, хотя и въ значительно уменьшенныхъ размѣрахъ, существовалъ до 1318 г., когда былъ убитъ послѣдній деспотъ Θωма.

византийской истории, какъ покойный академикъ В. Г. Васильевскій, въ роли несомнѣннаго вождя патріотически настроенной части православнаго греческаго духовенства какъ въ непорабощенномъ Пирѣ, такъ и въ областяхъ временно завоеванныхъ, а, пожалуй, и въ роли руководителя или поощрителя политическихъ стремленій восточныхъ деспотовъ, наконецъ ихъ опоры въ столкновеніяхъ съ восточнымъ церковнымъ авторитетомъ патріарха, за которымъ стоялъ всенародно признанный императоръ въ Никее¹⁾.

Единственнымъ почти источникомъ, изъ котораго мы знаемъ о жизни сѣ Иоанномъ Апокавомъ и сѣ его дѣятельности, кромѣ писемъ его корреспондентовъ, является его довольно обширная переписка, равно какъ и рядъ документовъ различнаго содержанія, вышедшихъ изъ-подъ его пера. Большинство изъ этихъ писемъ и документовъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ждетъ своего издателя и не перешло со страницъ рукописныхъ кодексовъ²⁾ на страницы печатныхъ изданій. Свѣтъ пока увидѣла только сравнительно незначительная часть, чему мы обязаны главнымъ образомъ покойнымъ В. Г. Васильевскому и А. И. Пападопуло-Керамевсу. Наконецъ, сравнительно недавно, въ 1909 году, на страницахъ Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ появилась новая серія документовъ, изданная ученымъ монахомъ изъ конгрегаціи ассумціонистовъ, нынѣ тоже уже покойнымъ Софроніемъ Петриди (*Sophrone Pétridès*)³⁾. 29 №№ этой серіи появляются въ печати въ первый разъ, 4 же №№ (I, XXIV, XXVI и XXVIII) представляютъ изъ себя не полные документы, а только варианты, развочтенія и дополненія, почерпнутые Петриди изъ сборника Оксфордской бібліотеки, къ тому, что уже раньше было издано Васильевскимъ и Пападопуло-Керамевсомъ.

Письма и документы Иоанна Апокава, опубликованные Петриди, сравнительно мало затрагиваютъ политическую сторону со-

¹⁾ В. Г. Васильевскій, *Erigotica*, стр. 233—234.

²⁾ Объ этихъ кодексахъ, изъ которыхъ первое мѣсто по количеству заключающагося въ немъ матеріала занимаетъ греческій сборникъ XIII или XIV в., хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (№ 250), см. В. Г. Васильевскій, *ibid.* стр. 236—240.

³⁾ Томъ XIV, стр. 71—100. Здѣсь же на стр. 69—70 подробно говорится о содержаніи раннихъ изданій писемъ и документовъ Иоанна Апокава.

временности. Въ этомъ отношеніи они являются почти полною противоположностью тому, что было опубликовано въ 1896 г. В. Г. Васильевскимъ. Въ нихъ за то преобладаетъ въ высшей степени интересный культурно-бытовой матеріалъ, рисующій довольно яркими и характерными чертами ту общественную обстановку «захолустья», среди которой пришлось жить и работать ихъ автору. Личность и дѣятельность послѣдняго, равно какъ и культурно-общественно-политическія условія, его окружавшія, вполне заслуживаютъ, какъ намъ кажется, стать предметомъ болѣе детальнаго изученія. Содержимое, заключающееся въ уже напечатанныхъ и находящихся еще въ рукописи документахъ, связанныхъ съ именемъ навпактскаго митрополита, могло бы дать въ цѣломъ прекрасный и заманчивый матеріалъ для болѣе или менѣе обширной монографіи. Но мы, учитывая условія и назначеніе нашей теперешней работы, находимъ возможнымъ ограничиться здѣсь частичнымъ и поэтому, конечно, далеко не полнымъ изложеніемъ лишь одной доли этого богатаго матеріала. Открывая, такимъ образомъ, только немного покрывающій его занавѣсъ, за которымъ скрывается мало извѣстная въ своихъ подробностяхъ внутренняя жизнь Эпира XIII в., мы дѣлаемъ это съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ, что въ данномъ случаѣ, насколько намъ извѣстно, опубликованное Петриди вводится въ общій научный оборотъ впервые.

Приступая къ ознакомленію читателей съ содержаніемъ заинтересовавшихъ насъ документовъ, мы должны оговориться напередъ въ слѣдующемъ. Что личность автора такъ или иначе отражается въ его произведеніяхъ, явленіе—вполнѣ понятное и естественное. Оно тѣмъ болѣе уместно въ такой области литературной дѣятельности, какъ письма. Но у Апокавка это отраженіе личности автора въ продуктахъ его духовнаго творчества не ограничивается письмами. Она проявляется въ большей или меньшей степени, по тому или иному поводу, даже въ такихъ, казалось бы, далекихъ отъ какой бы то ни было субъективной окраски документахъ, какъ акты въ родѣ постановленій по бракоразводнымъ дѣламъ или резолюцій съ наложеніемъ эпитиміи за убійство.

Въ виду сказаннаго иногда было бы очень затруднительно, говоря о личности митрополита, выдѣлять таковую изъ окружаю-

ей ее обстановки, не рискуя вмѣстѣ съ этимъ впасть въ повторенія. Поэтому мы находимъ болѣе удобнымъ помѣстить ее въ центрѣ нашего очерка, чтобы она тѣмъ рельефнѣе выдѣлялась на немъ довольно таки мрачномъ фонѣ, среди котораго ей суждено было проявляться. Само собою разумѣется, это не освобождаетъ насъ отъ обязанности представить и самый фонъ по возможности въ полномъ видѣ, насколько позволяетъ намъ сдѣлать это имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ.

Навпактскій митрополитъ въ изображаемое въ его письмахъ время былъ уже человѣкомъ такого почтеннаго возраста, когда приближается время подводить земные итоги ¹⁾. Но никогда ни годы, ни болѣзни, это приковывавшія его къ постели, на что мы находимъ постоянныя жалобы въ его письмахъ ²⁾, не въ состояніи были сломить кипучаго духа въ становившейся по временамъ, по крайней мѣрѣ, немощной плоти. Эта бодрость духа выражается у Апокавка двояко. Въ его письмахъ и другихъ письменныхъ актахъ, авторомъ которыхъ былъ онъ же, передъ нами рисуется, человѣкъ яснаго ума, живого характера и огромной эрудиціи съ одной стороны, крупный и энергичный не только церковный, но и общественно-политическій дѣятель съ другой.

Апокавкъ — не мрачный монахъ, замкнувшійся въ своей келліи, интересующійся только церковными дѣлами, далекій отъ міра и людей. Наоборотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ немъ, т. е. въ его складѣ его ума и характера, въ проявленіяхъ его внутренняго „я“, въ приемахъ его литературной дѣятельности замѣчаются черты, до извѣстной степени сближающія его съ позднѣйшими итальянскими гуманистами ³⁾.

Это прежде всего — любовь и вкусъ къ писанію, въ результатъ котораго до насъ дошло значительное количество писемъ, свидѣтельствую-

¹⁾ Τα ῥήματ' ὅπως εἴην μετὰ θανάτου, θρίξ ἡ λευκοχάρης προμαντεύεται; Письма Апокавкы, изд. Петриця, стр. 99. 17—18.

²⁾ Ibid., стр. 74. 14—15; 77. 1; 82. 9—12; 91. 1—2; 92. 29; 95. 10, 13. 15; 98. 31—33; 100. 6—7.

³⁾ Какъ намъ кажется, въ настоящее время можно было бы уже приступить къ переосмысленію вопроса о взаимоотношеніи между тѣмъ культурнымъ явленіемъ, которое извѣстно подъ именемъ итальянскаго гуманизма, и аналогичными фактами византизма, гдѣ, строго говоря, никогда не замирало многое изъ того, что стало въ XIV в. возрождаться въ Италіи.

ющихъ объ обширной перепискѣ нашего митрополита, въ числѣ корреспондентовъ котораго мы встрѣчаемъ и самого деспота Θεодора съ его супругою, и такого представителя эпархской знати, какъ Николай Горіанить, посланія къ которому отличаются особенно дружескимъ и интимнымъ характеромъ и, наконецъ, разнаго рода члены церковнаго клира со знаменитымъ митрополитомъ афинскимъ Михаиломъ Акоминатомъ во главѣ. Письма эти, въ которыхъ проявился недюжинный писательскій талантъ ихъ автора, видимо, тщательно ихъ обработывавшаго, довольно разнообразны по содержанію. Къ письмамъ съ официально-дѣловой окраской мы обратимся потомъ. Пока же остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя носятъ чисто житейскій колоритъ и рисуютъ намъ Апокавка, не какъ лицо, занимавшее высокое общественное положеніе, а просто, какъ человѣка, и при томъ человѣка живого, отзывчиваго, впечатлительнаго ¹⁾, остроумнаго, умѣвшаго и любившаго пощутить со своимъ адресатомъ ²⁾, допускающая иногда при этомъ и нѣкоторыя вольности.

Очень характерны въ этомъ отношеніи два письма. Одно изъ нихъ адресовано къ монаху Анѳимію (III) ³⁾, приславшему митрополиту въ подарокъ четыре домашнихъ птицы при письмѣ, въ которомъ проситъ принять ихъ, какъ лепту вдовицы. Другое (IV) — къ епископу химарскому Георгію по поводу присылки пшеничныхъ хлѣбовъ. Въ обоихъ письмахъ очень много риторики и стремленія отъ простыхъ вещей дѣлать высокія заключенія ⁴⁾. Напр., въ первомъ письмѣ Апокавкѣ, различая въ птицѣ мясо и крылья, видитъ въ этомъ символъ соединенія земнаго со стремленіемъ къ возвышенному, что должно имѣть мѣсто и въ человѣкѣ ⁵⁾. Второе — своего рода богословско-риторическое упражненіе на тему «ὁὐκ ἐστὶν ἀρετή

¹⁾ Апокавкѣ, напр., несмотря на приковавшую его къ постели податру, можетъ временно забыть о своихъ страданіяхъ потому лишь, что письмо отъ знакомаго (XXIII) доставлено ему симпатичнымъ человѣкомъ.

²⁾ Иногда эта склонность къ шуткѣ даже въ серьезныхъ дѣлахъ выражается у Апокавка въ изобрѣтеніи такихъ новыхъ словечекъ, какъ «ἐπίδαμνίζεταί καὶ καρτεροποιεῖται» (стр. 95. 27).

³⁾ Римскими цифрами отиѣчены у насъ документы, изданные Петриди, въ порядкѣ ихъ напечатанія.

⁴⁾ Πράπει γάρ, οἶμαι, καὶ τῶν εὐτελέων καὶ προσέειον τὰ ὑψηλὰ παραδειγματίζομαι. Письма Апокавка, стр. 73. 13—14.

⁵⁾ Ibid., стр. 73. 14—22.

φ ἡσεται ἄνθρωπος» ¹⁾. Все это не мѣшаетъ имъ, однако, быть написанными въ остроумно-шутливомъ тонѣ. Такъ, между прочимъ, въ второмъ письмѣ митрополитъ шутливо упрекаетъ своего адресата въ томъ, что онъ вопреки евангельскому положенію «не о хлѣбѣ живомъ» прислалъ ему именно только хлѣба подъ тѣмъ предлогомъ, что овцы, молъ, отошлѣ зимы и представляютъ изъ себя не кость да кости ²⁾. Изъ дальнѣйшаго видно, что Апокавкъ совсѣмъ не желалъ казаться постникомъ ³⁾ и не отказывается отъ благъ міныхъ, включая сюда и вино ⁴⁾. Признаніе характерное для представителя высшаго эпископскаго духовенства первой половины XIII в., который вдобавокъ постоянно жалуется на одолѣвавшую его подагру. Логичной жалобой заканчивается и данное письмо ⁵⁾. Насколько Апокавкъ цѣнилъ жизненныя удобства, въ томъ числѣ и хорошій столъ, видно изъ упрековъ, посылаемыхъ имъ въ письмѣ къ епископу Водичи Георгію (VII), кемейникъ (κελλάριτης) котораго отпустилъ слишкомъ мало масла для стола митрополита во время вынужденнаго отъѣзда послѣдняго изъ Навпакта ⁶⁾. Видя въ этомъ небрежительное отношеніе къ достоинству митрополита, которому онъ далъ въ достаточномъ количествѣ того, въ чемъ нѣкогда бѣдная женщина изъ Сарепты не отказала обратившемуся къ ней пророку ⁷⁾, Апокавкъ, прося, правда, принять это въ шутку ⁸⁾, предлагаетъ въ случаѣ совсѣмъ удобныхъ для перевода выраженійхъ произвести надъ епископомъ этого недоразумѣнія энергичную расправу въ видѣ телеснаго воздѣйствія ⁹⁾.

На ряду съ любовью къ письмамъ, въ которыхъ отводятся истинное мѣсто и переживаніямъ автора, у Апокавка замѣчается

¹⁾ Ibid., стр. 73. 32.

²⁾ ὅτι τὰ πρῶτα ἀληπὴ διὰ τὸν χειμῶνα καὶ μόνοις ὀστέοις ἐναρμολόμενα καὶ δέρμασι καπνόμενα. Ibid., стр. 73. 34—35.

³⁾ Ibid., стр. 74. 1—2.

⁴⁾ Ἀλλ' ἤμεῖς καὶ φαγεῖν καὶ ὀνοπέσαι καὶ θεραπεύεσθαι τοῦ λαίμου; ibid., стр. 74. 5—6.

⁵⁾ Ibid., стр. 74. 14—15.

⁶⁾ Ibid., стр. 77. 3—18.

⁷⁾ Οὕτως καὶ τοσοῦτον ἐλαίον οὗ προφήτην ἐκ Θεσβῆς ἀλλὰ τὸν σὸν ἐδεξάμεθα μητροπολίτην; ibid., стр. 77. 18—19.

⁸⁾ Ἐρρωσέ μοι, τίμια δέσποτα, καὶ μετρίως δεῖσαι τὴν παιδίαν; ibid., стр. 77. 24—25.

⁹⁾ Ἀλλὰ ῥάβδον τυφθήσεται τὰ παχέα γλουτὰ ἐπιστάτης μου τῷ ἐπισκόπῳ καὶ τὸ ἀσκήσιον μαθήσεται ἀσκητέρας ἀποστόλῃς τὸν μητροπολίτην φιλοφρονεῖσθαι; ibid., стр. 77. 22—24.

еще одна черта, роднящая его съ гуманистами. Онъ не закрываетъ глазъ на природу и любить ее. Въ письмѣ къ деспоту Теодору (XXXIII) онъ говорить о своихъ прогулкахъ за Навпактъ, во время которыхъ онъ среди природы наслаждался пѣніемъ соловья ¹⁾. Пробужденіе природы весною даетъ поводъ Апокавку написать дружеское посланіе къ Горіаниту (XI), проникнутое поэтическимъ чувствомъ. Подъ вліяніемъ весны же онъ рекомендуетъ епископу Водины (XIX), не взирая на свой санъ и повѣсивши на колокъ епископскую мантию, полѣзться отъ немощей тѣлесныхъ музыкой и медомъ ²⁾.

Третьей чертой, сближающей навпактскаго митрополита съ гуманистами, является его отношеніе къ античной литературѣ. Въ ней онъ обнаруживаетъ не меньшую начитанность ³⁾, чѣмъ въ библіи, ссылаясь на отдѣльные мѣста которой буквально пестрятъ его писанія, къ параллелямъ и аналогіямъ изъ которой онъ очень любитъ прибѣгать. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, не такъ интересно и характерно то, что Апокавкъ обнаруживаетъ знакомство съ произведеніями Гомера, Аристофана, Эврипида, Діогена Лаэртія, Оукидида, Аристотеля ⁴⁾. Сколько то, какъ онъ относится къ нимъ и къ ихъ авторитету. Последнее обстоятельство выразилось особенно ярко и типично въ резолюціи митрополита по бракоразводному дѣлу нѣкоего Константина Папаіоаннопуло съ женою его Анной (XII). Этотъ документъ такъ интересенъ въ бытовомъ отношеніи и для характеристики его автора, что на немъ слѣдуетъ остановиться. Поводомъ къ разводу послужило слѣдующее. Константинъ и Анна были повѣнчаны въ дѣт-

¹⁾ Καὶ μέντοι καὶ πρὸς ἄγρον ἐξῆλθεν ἐκ τῆς Ναυπάκτου καὶ ἀηδόνων ἀκούων; *ibid.*, стр. 100. 9—10.

²⁾ Πλὴν ὑποκαταβῆναι μέλλεις ὀλίγον τοῦ ἐπισκοπικοῦ ὀφειώματος καὶ τὸν μὲν ἱερὸν μανθὺν πασαλίχῃ ἀπαυρῆσαι, αὐτὸν δὲ μεταχειρίσασθαι καὶ θόλακα τράγου πλήρη μέλιος καὶ θερμοῦ; *ibid.*, стр. 90. 16—18.

³⁾ Въ одномъ изъ своихъ писемъ, именно въ письмѣ къ монаху Филиппу (XXIII), Апокавкъ говорить о томъ, что философію небесную онъ ставитъ несравненно выше земной (стр. 92. 23—24). Насколько онъ былъ свѣдущъ въ погавдѣе, у насъ нѣтъ данныхъ судить, но въ области античной литературы онъ, видимо, чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ. Изъ византийскихъ писателей въ нашихъ, по крайней мѣрѣ, письмахъ есть одна только ссылка на Метафраста (стр. 96. 10).

⁴⁾ Τοὺς κητώδεις τοῦτους ἰχθύς, τὰ κατὰ τὸν Σταγειρίτην σελᾶρχη; *ibid.*, стр. 86. 20—21. Принимая во вниманіе, что у этой породы крупныхъ рыбъ вмѣсто чешуи — хрящи рыбъ, очевидно, идетъ о представителяхъ осетровыхъ.

омъ возрастъ¹⁾. При этомъ послѣдняя была настолько старше своего мужа, что передъ митрополичьимъ трибуналомъ предстали хилый²⁾ шестидлѣтній юноша³⁾, вдобавокъ еще очень бѣдный⁴⁾, и гонимаяся по возрасту въ матери⁵⁾, цвѣтущая женщина, любящая пожить и не стѣсняющаяся для достиженія этого ничѣмъ вплоть до всякаго нарушенія супружескаго долга⁶⁾. Бракъ былъ расторгнутъ. Разрѣшено было разрѣшено, возвративши мужнину имущество по приписанности⁷⁾, вступить въ новый бракъ, но только не съ тѣмъ лицомъ, вмѣстѣ съ которымъ она измѣняла своему первому мужу⁸⁾. Священникъ, повѣнчавшій несовершеннолѣтнихъ, былъ преданъ къ священнослуженію⁹⁾. Все это довольно обычно. Совершенно необычнымъ въ данномъ случаѣ является другое. Это, прежде всего, тонъ первой части документа, гдѣ митрополитъ остритъ по поводу возрастной разницы супруговъ. А затѣмъ, мотивируя разводъ, Апокавкъ между прочимъ ссылается и на мнѣніе патріарха Іоанна Маматирѣ¹⁰⁾, но для характеристики Анны онъ приводитъ мѣсто изъ Аристофановыхъ «Облаковъ»¹¹⁾, а, говоря о слабой нравственности женщинъ вообще и ихъ измѣнчивости, онъ, какъ на авторитетовъ ссылается на того же Аристофана¹²⁾ и на «величайшаго изъ поэтовъ Гомера»¹³⁾.

1) Ibid., стр. 85. 31—32.

2) Ibid., стр. 85. 28.

3) Ibid., стр. 85. 27.

4) Ibid., стр. 85. 28, 35.

5) Π ἡ Ἄννα δὲ μάχηρ τοῦτου ὄντων εἶναι; ibid., стр. 85. 33.

6) Ibid., стр. 85. 33—35.

7) Ibid., стр. 86. 15.

8) Ibid., стр. 86. 10—12.

9) Ibid., стр. 86. 12—14.

10) Ibid., стр. 86. 8.

11) ὡς ἡ κομφοδία παῖδους γράφει, σερνῇ, τριφῶσα, ἐγχεκοισυρμένη (Облака, 48); Ibid., стр. 85. 29—30.

12) Γυνὴ γὰρ συνκοισυρμένη χαίρει, ὡς γράφει Ἀριστοφάνης (Облака, 1070); ibid., стр. 86. 2—3.

13) „Знаешь, какъ женщина сердцемъ измѣнчива“ (Одиссея въ переводѣ Жуковского, XV, 20). Думаемъ, что эти ссылки Апокавкъ сдѣлалъ болѣе сознательно, чѣмъ тотъ неизвѣстный иконописецъ XVII в., который, расписывая одну изъ болгарскихъ церквей, помѣстилъ среди христіанскихъ святыхъ Сократа, Діогена и Аристофана! См. Θ. Π. Шмидтъ, Паметниците на българската старина (Периодическо Списание, стр. 443—444. София, 1909).

Митрополить - гуманистъ, какъ уже было сказано раньше игралъ крупную роль въ эпирскомъ деспотатѣ. Въ его письмахъ и другихъ документахъ одинаково отражаются и размѣры этой роли и всѣ тѣ неблагопріятныя политическія и общественныя условія, съ которыми ему приходилось считаться, проводя послѣднюю. Чувствуется, что въ силу упомянутыхъ условій и некультурности окружающей эпирской обстановки ему по временамъ такъ же не легко было справляться съ нею, какъ, вѣроятно, трудно было его престарѣлому тѣлу совершать путешествія верхомъ по эпирскимъ трущобамъ ¹⁾. Къ чести Апокавка нужно сказать, однако, что у него хватаетъ энергіи, чтобы входить во все, имѣвшее къ нему то или иное отношеніе, хватаетъ и гражданскаго мужества, чтобы отстаивать правду, какъ онъ ее понималъ. Такъ въ письмѣ къ Николаю Горіаниту (II), оплакивая смерть одного общаго знакомаго, онъ заботится о достойномъ поминовеніи его памяти ²⁾. Въ другомъ письмѣ (V) онъ даетъ рядъ наставленій одному внуку по поводу назначенія его настоятелемъ монастыря Богородицы Милосердой въ округѣ (ἐν τῇ δροῦγγῳ) Тревеніяхъ ³⁾. Мы встрѣчаемъ его, наконецъ, въ роли ходатая за другихъ передъ сильными міра сего, въ роли защитника интересовъ церкви и цѣлой категоріи лицъ, стоявшихъ съ послѣдней въ тѣсной связи. Само собою разумѣется, что дѣлать это не всегда и не при всякихъ условіяхъ было одинаково легко и просто. Не трудною эта задача представляется намъ, когда Апокавокъ, по просьбѣ одного монаха, хлопочетъ (XVIII) передъ не разъ уже упоминавшимся у насъ Николаемъ Горіанитомъ за родственника просителя, зятя нѣкоего Хиросфакта. Горіанить—интимный другъ Апокавка, умѣвшаго цѣнить дружбу и быть вѣрнымъ ей ⁴⁾. Отъ него, какъ это увидимъ ниже, у Апокавка нѣтъ никакихъ тайнъ. Митрополить даже считаетъ себя въ правѣ распоряжаться имуществомъ, принадлежащимъ этому сильному и вліятельному въ деспотатѣ человѣку, какъ своимъ собственнымъ ⁵⁾.

¹⁾ Письма Апокавка, стр. 86. 18.

²⁾ Ibid., стр. 72. 11—12.

³⁾ Ibid., стр. 75. 4.

⁴⁾ Τὸ ἐνὶ φίλῳ γὰρ καὶ λαίψῳ φίλος μεταμέλει, οὐχ ὅτι δίκαιος, ἀλλ' ὅτι φίλος ἀρεστάτος καὶ πιστότατος; ibid., стр. 99. 18—19.

⁵⁾ 99. 5—10.

Картина въ значительной степени мѣняется, когда Апокавку приходится имѣть дѣло съ самимъ деспотомъ Θεодоромъ. И въ глаза за глаза навпактскій владыка старается выказать свою преданность повелителю Эпира. Въ своихъ письмахъ къ нему онъ называетъ его „*κράτιστε Δούκα καὶ αὐθέντα μου ἄγιε*“¹⁾, „*θεομεγαλυντε Κομνηνέ*“²⁾. Онъ прилагаетъ къ нему императорскій титулъ „*ἡ γαλήνοτης*“³⁾. Въ письмѣ къ епископу Водицы (XIX) Апокавкъ называетъ Θεодора „*ὁ πανευχέστατος Δούκαν καὶ κύριον ἡμῶν*“⁴⁾. Онъ не останавливается тогда даже и передъ довольно таки не прикрываемою лестью, называя своего государя „*ὁ μεγαλοπτερυγος καὶ ταχύπτερος ἀετός*“⁵⁾, высказывая глубочайшее сожалѣнiе о томъ, что «не удостоился увидѣть о сладчайшій зракъ»⁶⁾, и сравнивая его, по поводу исполненiя одной просьбы, со Христомъ, воскресившимъ Лазаря⁷⁾. Тѣмъ не менѣ отношенiя деспота Θεодора къ своему поклоннику, видны далеко не всегда были равными и лишенными извѣстной шероховатости. Даже болѣе того. Имѣющiеся въ нашемъ распоряженiи акты говорятъ о томъ, что Комнинъ, — у насъ нѣтъ данныхъ сказать, всегда, но по крайней мѣрѣ иногда, — относился къ престарѣлому митрополиту довольно таки придирчиво и безцеремонно. Очень возможно, что на ихъ отношенiя оказывали неблагоприятное влiянiе слѣдующiя обстоятельства, отчасти частнаго, отчасти общаго характера.

Апокавкъ жилъ не въ ладахъ съ братомъ деспота Θεодора Евстахиномъ⁸⁾, съ которымъ онъ иногда и мирился⁹⁾, но чаще ссорился. Послѣднiй не останавливается ни передъ чѣмъ: ни передъ проренiемъ принадлежавшихъ навпактской церкви владѣнiй, ни передъ доносами на ея представителя¹⁰⁾. Судя по всему, эти доносы нѣрѣдъчли благопрiятный прiемъ со стороны деспота, склоннаго,

¹⁾ Ibid., стр. 78. 19, 91.

²⁾ Ibid., стр. 99. 36.

³⁾ Ibid., стр. 100. 16.

⁴⁾ Ibid., стр. 90. 14.

⁵⁾ Ibid., стр. 91. 6 - 7.

⁶⁾ Ibid., стр. 91. 9.

⁷⁾ Ibid., стр. 100. 5—11.

⁸⁾ В. Г. Васильевскiй, *Epirotica*, стр. 239.

⁹⁾ Письма Апокавкы, стр. 96. 2—9.

¹⁰⁾ Ibid., стр. 80. 1—2.

какъ намъ кажется, относиться нѣсколько подозрительно къ навпактскому митрополиту и къ его дѣятельности, выходявшей за узкіе предѣлы подвѣдомственной ему митрополіи. Для поясненія только что сказаннаго, намъ достаточно сопоставить слѣдующіе два факта. Съ одной стороны никейское правительство предлагаетъ Апокавку перейти на его сторону¹⁾, съ другой тому же Апокавку приходилось оправдываться передъ своимъ государемъ по обвиненію въ томъ, что онъ, будто бы, запретилъ упоминать его имя при Богослуженіи²⁾. У насъ въ настоящее время нѣтъ данныхъ ставить эти два факта въ причинную или даже въ хронологическую связь, но уже одна наличность ихъ можетъ, думается намъ, объяснить кое-что въ отношеніяхъ эпирскаго деспота и навпактскаго митрополита. У послѣдняго, кромѣ того, могли оказаться при эпирскомъ дворѣ и другіе недоброжелатели, на ряду съ Константиномъ. Догадываться объ этомъ мы можемъ, исходя изъ слѣдующихъ фактовъ. Апокавокъ былъ одинаково горячъ въ выраженіи какъ своихъ дружескихъ, такъ и враждебныхъ чувствъ. Первое мы уже видѣли, о второмъ мы можемъ судить по тѣмъ нелестнымъ эпитетамъ, которыми онъ награждаетъ, въ письмѣ къ Горіаниту (XXXII), какое-то лицо, называемое имъ Апиректомъ³⁾. Изъ письма къ епископу воеродскому Димитрію (VIII), между прочимъ, видно, что далеко не всѣ долгоблively Апокавка за его языкъ, никому не дававшій пощады⁴⁾. Когда же мы поближе всмотримся въ окружавшую его обстановку, то убѣдимся, что митрополиту было на кого и на что жаловаться, и что, съ другой стороны, его обличенія и жалобы не могли не создавать ему враговъ среди лицъ, становившихся объектомъ и этихъ жалобъ и этихъ обличеній.

Въ странѣ, видимо, было мало порядка, и довольно открыто царили произволъ и насиліе. Не только братъ самого деспота, но даже и нѣкоторые изъ епископовъ, въ родѣ зитувійскаго (XVII), склонны были мало считаться съ правами навпактскаго митрополита. У послѣдняго, на ряду съ сѣтованіями на слабое здоровье и бѣд-

¹⁾ Письмо къ Горіаниту (XXV), въ которомъ со стороны Апокавка замѣтно нѣкоторое колебаніе и желаніе посоветоваться съ близкимъ человекомъ.

²⁾ Письма Апокавка, стр. 82. 30.

³⁾ Ibid., стр. 99. 20—31.

⁴⁾ Ibid., стр. 77. 27—29.

сть¹⁾, встрѣчаются жалобы на отсутствіе имущественной²⁾, личной и общественной безопасности. Результаты этого обстоятельства докавку пришлось испытать на самомъ себѣ, когда онъ, несмотря на свои недуги (*χολεούοντες*)³⁾, вынужденъ былъ бѣжать, перенося неудобства недобровольнаго путешествія вплоть до голодовки⁴⁾, в Навпакта въ Аварницу въ поискахъ тишины и покоя⁵⁾. Горько слышится въ одномъ изъ своихъ писемъ (VIII) митрополитъ на взяничество и корыстолюбіе представителей власти⁶⁾, на предательство и разореніе, причиняемое ими⁷⁾, на отсутствіе правосудія, о которомъ приходится умолять⁸⁾.

Все это, вмѣстѣ взятое, и создавало, быть можетъ, ту атмосферу вражды, наушничества и доносовъ, при наличности которой докавку то приходится оправдываться передъ Комнинымъ и смягчать его гнѣвъ⁹⁾, источникомъ котораго могли быть навѣты обличенныхъ митрополитомъ неправосудныхъ¹⁰⁾, «радующихся чужому несчастію» (*χαίροντες*) мздоимцевъ и клеветниковъ¹¹⁾, то испытывать со стороны деспота незаслуженно-невнимательное отношеніе, что это имѣло мѣсто въ слѣдующемъ случаѣ. По какому-то поводу деспотъ вызвалъ митрополита въ Янину. Пока старый подагрикъ¹²⁾ дотащился до этого города, его «ширококрылый и быстрый орелъ» успѣлъ уже улетѣть въ Деаволу. Не заставши такимъ образомъ своего повелителя въ Янинѣ, Апокавъ, въ виду своего болѣзненнаго состоянія, возвратился въ Навпактъ, куда къ Никхѣ прибылъ и Комнинъ. Очевидно, болѣзнь и теперь не дала

1) Ibid., стр. 78. 5—6.

2) Ibid., стр. 72. 16—19.

3) Ibid., стр. 77. 1.

4) Ibid., стр. 77. 1—2, 16.

5) Εφύγομεν γὰρ Ναυπάκτῳθεν οὐ λίαν ἄρτου οὐδὲ δίψαν ὕδατος οὐδὲ στέργειν τοῦ ἐναντιοῦ καρδίαν ἔλαον, ἀλλὰ στέργειν ἡσυχίας καὶ πληθυσμὸν πολυσχλίας καὶ ταραχῆς; Ibid., стр. 76. 32—34.

6) χρυσοὶ ὁ κακῶν ἀρχηγὸς τοὺς μὲν ἀρχηγούς ὑποτάφει, ἡμᾶς δὲ τῶν οἰκείων ἐξίστησιν, ἀνέως ἐπισφραγίσμεν, ἀλλὰ καὶ τὸν ἐνόντα κενώσωμεν; Ibid., стр. 77. 34—35. Ἀλλ' ἀπὸ ταῦτα, ὅθ' οἱ μὲν αἱ ἐπιγαίνουσι, ὁ δὲ ἐμπλήσων οὐχ εὖρηται; Ibid., стр. 78. 1—2.

7) Ibid., стр., 77. 35.

8) Ibid., стр., 78. 10—16.

9) Ibid., стр. 78. 19—20.

10) Ibid., стр. 78. 30.

11) Ibid., стр. 78. 23—25.

12) Ibid., стр. 91. 1—2.

возможности митрополиту представиться деспоту. По крайней мѣрѣ онъ пишетъ послѣднему письмо (XXI) въ которомъ, ссылаясь на свою старость и немощи, помѣшавшія ему явиться лично, старается оправдать и объяснить свое поведеніе¹⁾. Документъ очень характерный въ смыслѣ выясненія взаимоотношеній между подозрительнымъ государемъ Эпира и находившимся въ полной зависимости отъ него митрополитомъ Навпакта²⁾.

Тѣмъ не менѣе Апокавъ не считаетъ себя въ правѣ отказываться отъ тѣхъ нравственныхъ обязанностей всеобщаго защитника и предстателя, которыя возлагалъ на него его высокій санъ. Онъ проситъ деспота Θεодора принять и выслушать какого-то старика, паракимомена. Онъ хлопочетъ за какого-то юношу Тарону, очевидно, что-то натворившаго со своими товарищами³⁾. Онъ, наконецъ, дѣлаетъ рѣшительное выступленіе по дѣлу, затрагивавшему брата самого деспота. Нелады, имѣвшіе мѣсто между Апокавомъ и Константиномъ Комниннымъ, не могли не отражаться и на интересахъ навпактской церкви, получавшей ничтожные доходы⁴⁾ съ приписанныхъ къ ней крестьянъ (πέννητες)⁵⁾ и потому очень бѣдной⁶⁾. Константинъ позволялъ себѣ по адресу церковныхъ „бѣдняковъ“, и безъ того чувствовавшихъ себя очень плохо, рядъ насильственныхъ дѣйствій, выразившихся между прочимъ въ непосильныхъ поборахъ⁷⁾ и разнаго рода притѣсненій. Апокавъ встаетъ на защиту своихъ крестьянъ⁸⁾, обратившись по этому поводу къ деспоту Θεодору (IX). Въ посланіи, написанномъ въ болѣе, чѣмъ твердомъ тонѣ, хотя и безъ лести по адресу „кроткаго и ненавидящаго зло“⁹⁾ деспота, митро-

1) При этомъ письмѣ Апокавъ, любившій аллегоріи, отправляетъ Комнину два куска шелковой матеріи (δύο διπλάρια ἐξάμιτα) пурпуроваго (κόκκινον) и желтаго (χρυσόν) цвѣта. Первый долженъ былъ заключать въ себѣ намекъ на царскій пранипктъ, а второй на болѣзненное состояніе дарителя (ibid., стр. 91. 14—17).

2) Въ другой разъ Апокавку приходится жаловаться Горіанту (X) на пренебрежительное отношеніе деспота къ его подаркамъ (стр. 82. 20—24). При этомъ онъ снова не могъ встрѣтить послѣдняго по болѣзни (стр. 82. 9).

3) Письма Апокавка, стр. 100. 14—17, 26—32.

4) Ibid., стр. 79. 34—36.

5) Ibid., стр. 79. 31—34.

6) Ibid., стр. 79. 36.

7) Ibid., стр. 80. 25—32.

8) Ibid., стр. 80. 12—15, 81. 16—22.

9) Ibid., стр., 80. 6—7.

жалуется на насильника¹⁾, которому грозитъ отвѣтомъ передъ
ромъ за святотатство, умоляетъ и закликаетъ Θεодора не разорять
собственности и крестьянъ, положеніе которыхъ, видимо,
невыносимымъ²⁾. Попутно онъ защищаетъ и членовъ клира
и поношеній³⁾ со стороны свѣтскихъ лицъ. Въ тѣсной связи съ
этимъ посланіемъ находится письмо Апокавка къ Горіаниту⁴⁾, со-
ставлявшему митрополиту смириться передъ деспотомъ. Апокавокъ
говоритъ на все⁵⁾, лишь бы помочь церкви и ея людямъ, о чемъ
и проситъ и своего адресата⁶⁾. Но это не мѣшаетъ ему считать
свое дѣло правымъ. Онъ снова защищаетъ клиръ отъ нападковъ⁷⁾,
облачаетъ хитросплетенія направленныхъ противъ него лично
лицъ⁸⁾, снова и снова выступаетъ на защиту разоряемыхъ
крами властей крестьянъ, готовыхъ разбѣжаться подъ вліяніемъ
угрозъ и истязаній⁹⁾.

Общественная дѣятельность Апокавка не исчерпывается ролью
защитника церковныхъ интересовъ и ходатая за угнетенныхъ. Мы
встрѣчаемся съ нимъ въ рядѣ документовъ, какъ съ судьбою не только
разводнымъ, но и по общеуголовнымъ дѣламъ. Въ заклю-
ченіи нашего очерка мы и остановимся на этихъ двухъ категоріяхъ
документовъ, отразившихъ въ себѣ рядъ интересныхъ въ культурно-
историческомъ отношеніи чертъ и фактовъ.

Мы не будемъ задерживать вниманія читателя на шаблонныхъ
разводныхъ дѣлахъ въ родѣ дѣла Константина Власопула

¹⁾ Ibid. стр., 80. 4—5.

²⁾ ἀσθένεια μου μαρτυρεῖ ὁρῶντος τοὺς ὑπὸ τὴν ἐκκλησίαν πτωχοὺς φεύγοντας, ἀπορρίπτοντας, διαφθορευμένους διὰ χριστὸν, ibid., стр. 81. 12—13.

³⁾ ὅμαις δὲ φάγους ἡμᾶς ἀποκαλεῖται καὶ οἰνοπότας καὶ ἀναλωτάς οὐκ εἰς τὸ θεόν, ἀλλὰ τὸν θεοραυριστῆς; ibid., стр. 81. 1—2.

⁴⁾ Характерно очень начало этого письма. Апокавокъ такъ обращается къ своему другу: «Πανοπεριτιρότατε καὶ λογιώτατέ μου υἱέ, τῷ κραταίῳ πανοικειώτατε Δούκα, ἐπεὶ ἐν ὑπεραγαπήμεναι, οὐ ποσούτον διὰ τὴν ἡμέραν, ἥτις κλίνει καὶ πάλιν ἀνάγει καὶ ἀναστρέφει ἄλλως μεταστρίπτει τὰ ἀνθρώπινα, ὅσον διὰ τὸν λόγον καὶ τὸ μέτριον ἦθος, ἃ σε ἀναγκάζει ὦν κατ' ἀκρας ἐξέχουμαι; ibid., стр. 81. 24—27.

⁵⁾ Προσέγραψας μοι «μέλλας τὸ λίαν. τί γάρ σοι τὸ ὀφελος; ἀπεῖσαι δὲ καὶ τῷ Δούκῃ», ἀπεῖχκα οὕτως; ibid., стр. 84. 9—10.

⁶⁾ Ibid., стр. 84. 10—15.

⁷⁾ Οὐ τριψόμεν δὲ, ὡς φάτε, οὐδὲ θεοραυρίζομεν. Οὐδὲ γὰρ ζῶμεν, ἵνα ἐσθίωμεν. ὅτι γὰρ τοῦτο. Ἐσθίωμεν δὲ, ἵνα ζῶμεν τῶν ἀνθρώπων δὲ τοῦτο; ibid., стр. 82. 3 4—36.

⁸⁾ Ibid., стр. 83. 27—33.

⁹⁾ Ibid., стр. 83. 24—26⁹⁾ Ibid., 83. 33—84. 5, 84. 15—33.

(XXX): въ документахъ Апокавка находятся болѣе исключительные факты этого рода. Къ послѣднимъ мы отнесли бы расторженіе брака (XX) между тридцатилѣтнимъ мужчиной и шестилѣтней дѣвочкой, при чемъ были подвергнуты эпитиміи отчимъ и мать послѣдней. Интересны также съ точки зрѣнія характеристики нравовъ другихъ два дѣла, а именно — дѣло, возбужденное дочерью Георгія Патрина Евдокіей противъ своего мужа Θεοδωρα (XXIX), и дѣло возникшее на этотъ разъ уже по жалобѣ мужа, солдата Стефана Мавроманика, женатаго на дочери Василия Клоста, Архонта (XV). Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ несчастной женщиной, бывшей замужемъ за рѣдко показывавшимся дома типичнымъ бродягой, кратковременныя посѣщенія которымъ семьи имѣли своимъ послѣдствіемъ только увеличеніе числа членовъ послѣдней¹⁾. Всѣ заботы о семьѣ лежали исключительно на Евдокіи, которая кое-какъ перебивалась, промышляя пряжей шерсти и льна на другихъ²⁾ и находясь скорѣе на положеніи вдовы, чѣмъ мужней жены³⁾. Наконецъ, Θεοδωρѣ совсѣмъ бросилъ семью и въ теченіе 5 лѣтъ не показывался на ея глаза⁴⁾. Тогда Евдокія обратилась съ жалобой къ митрополиту, который, принимая во вниманіе поведеніе мужа и тяжелое во всѣхъ отношеніяхъ положеніе жены⁵⁾, къ тому же еще не старой женщины⁶⁾, расторгъ этотъ бракъ, предоставивши жалобщицѣ вступить во второй⁷⁾. Въ дѣлѣ солдата Стефана обвиняющей стороной является мужъ, принесшій въ отсутствіе Апокавка устную жалобу передъ клиромъ и комендантомъ Навпакта⁸⁾ на невѣрность жены. Пока производилось діаконѣ Константинонѣ Харсіанитѣ слѣдствіе, Архонто бѣжала отъ мужа и трое сутокъ провела въ домѣ нѣкоего Θεοδωρα. Въ это время въ Навпактѣ прибылъ Апокавкъ, и Стефанъ пожаловался ему лично

1) Ibid., стр. 97. 18—22.

2) Ibid., стр. 97. 25—26.

3) ὡς ἐντεῦθεν τὴν Εὐδοκίαν κατὰ τοὺς τοὺς λόγους καὶ χήραν εἶναι καὶ ὑπὸν καὶ πλέον τὸ πρῶτον... ibid., стр. 97. 22—23.

4) Ibid., стр. 97. 27.

5) Ibid., стр. 97. 30—32.

6) Καὶ νέα μὲν ἡ Εὐδοκία καὶ τὸ εἶδος οὐκ ἄχαρις καὶ τῶν σαρκικῶν πολέμων ἐνὸς ibid., стр. 97. 28—29.

7) Ibid., стр. 98. 1—3.

8) ἐπὶ τε τοῦ κλήρου καὶ τοῦ μεγαλοδυστάτου καστρόφλακος; ibid., стр. 98. 28.

на неоднократныя нарушенія женою супружеской вѣрности ¹⁾. На сѣ, однако, выяснилось, что и мужъ, такъ много говорившій о стяхъ положительныхъ достоинствахъ и нравственныхъ мукахъ ²⁾, несовѣтъ и не всегда былъ корректенъ по отношенію къ женѣ и къ родителямъ ³⁾. Интересна по своей гуманности и отсутствію формальныхъ соображеній мотивировка развода: центръ ея тяжести — невозможность при наличныхъ условіяхъ вражды и подозрительности продолженія совмѣстной жизни ⁴⁾.

Если и изъ бракоразводныхъ дѣлъ, разобранныхъ нами, рисуются, хотя и частично, не совѣтъ здоровая картина общественнаго нравовъ Эпира начала XIII вѣка, то эта картина грубости, наглости и жестокости выступаетъ еще рельефнѣе изъ дѣлъ объ убійствахъ, разбиравшихся Апокавомъ, къ суду котораго прибѣгали сами же виновники преступленія ⁵⁾. Такихъ дѣлъ въ нашемъ распоряженіи находится три (VI, XIV, XV) ⁶⁾, и во всѣхъ ихъ характерной чертой является несоотвѣтствіе проступка убитаго съ его трагическими послѣдствіями. Такъ, Θεόδωρ Водинополь, переехавъ по обычаю ⁷⁾ на зиму со своими стадами и запасами муки изъ долины возвышенной мѣстности (Врестіана у Малой Вагенетіи) въ долину по сосѣдству съ никополитанской Ѳемой. Его сопровождалъ слуга ⁸⁾, по имени Мавръ. Хозяева дома, въ которомъ путники остановились подкрѣпить свои силы, пожаловались Водинополь на грубые выходки по ихъ адресу со стороны его слуги. Желая проучить послѣдняго, Водинополь взялъ въ руки палку. Ударъ долженъ былъ прійтись по ногамъ, но Мавръ, оберегая ихъ,

¹⁾ παρὰ διαφόρων ἀνδρῶν γυναικῶν τε καὶ τῶν ἀποχρηστέων; *ibid.*, стр. 88. 34—35.

²⁾ *Ibid.*, стр. 89. 1—6.

³⁾ Ἀποκρίων δὲ ἡ Ἀρχοντῶν ὅς τῃ ὁμῶν ὡς μὴ παρὰ τῇ οἰκίᾳ μητρὶ εὐρεθείσῃ, ἀλλὰ ἀλλοτρίῃ εἰσκηλίσσασθαι, καὶ τοῦτο εἰπε γυναικὶ παρὰ τὴν αἰτίαν τοῦ ταύτης ἀνδρός, ὁποῦτος μὲν ἐπὶ εἰς τὴν χεῖρα διηγεῖσθαι, τῇ δὲ μητρὶ μου μαρτυροῦσαν προσαπτόντος, καὶ παρὰ ταύτῃ καὶ τῇ πατρὶ καὶ οἰκίᾳ εὐρεθῶ κατακτείναντα, *ibid.*, стр. 89. 14—18.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 89. 18—23.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 75. 31, 86. 27, 87. 34.

⁶⁾ Эти документы, какъ мы увидимъ изъ ихъ краткаго содержанія, интересны не только другими отношеніями, отражая въ себѣ не только картины нравовъ, но и черты государственнаго быта въ видѣ административнаго дѣленія Эпира (VI) или общинно-общественныхъ отношеній (XV), сложившихся въ немъ.

⁷⁾ καὶ οὗτος ἐστὶν εἰς ἐν τῇ χεῖρᾳ αὐτοῦ; *ibid.*, стр. 75. 32.

⁸⁾ καὶ τὸ ὅτι ὑπὸ χεῖρα αὐτοῦ; *ibid.*, стр. 75. 36.

присѣлъ изъ короточки. Ударъ пришелся по головѣ, и черезъ 12 дней Мавръ умеръ. Во второмъ случаѣ приблизительно въ такихъ же условіяхъ погибъ отъ удара палкою же по головѣ юноша Георгій Петомень. Онъ работалъ въ виноградникѣ подъ руководствомъ нѣкоего Ксена изъ Арты. Последнему нѣсколько разъ приходилось пробирать Петомена, не дававшего своими ухаживаніями проходъ работникамъ, занятымъ въ томъ же виноградникѣ. Видя безуспѣшность своихъ замѣчаній, Ксень рѣшилъ прибѣгнуть къ болѣе сильному воздѣйствію, отъ котораго Петомена не стало черезъ два дня¹⁾. Третье дѣло возникло на почвѣ нѣсколькихъ иныхъ отношеній. Виновникомъ убійства является нѣкій Константинъ, управлявшій провинціей «преславнаго» Константина Циріона, въ составъ которой входили зависимые крестьяне (*ἐν παροίκιαις*), земельныя угодья и дубовые лѣса²⁾. Крестьяне, не входившіе въ составъ помѣстья (*οἱ ζευγλῆται*) и жившіе по сосѣдству съ нимъ, попытались было произвести самовольную запарку части земель Циріона, но управляющему всякими правдами и неправдами удалось отклонить ихъ отъ этого намѣренія³⁾. Не такъ легко оказалось отучить крестьянъ, очевидно, не имѣвшихъ собственныхъ выпасовъ, отъ сбора желудей въ господскомъ лѣсу. Отношенія на этой почвѣ обострились до того, что управляющій прибѣгъ къ расправѣ палкою, оказавшейся роковою для одного изъ крестьянъ, Вратаны.

Всѣ эти три дѣла очень характерны для той обстановки, среди которой жилъ Апокавкъ. Резолюція же по второму изъ нихъ характерна для самого митрополита, рисуя его гуманнѣйшій взглядъ на природу преступленія и наказанія. Мѣрой воздѣйствія въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ аналогичныхъ, является эпитимія⁴⁾. Наложивши ее, Апокавкъ запрещаетъ представителей государственной власти⁵⁾ вмѣшиваться въ это дѣло подъ угрозою отлученія отъ церкви. По его мнѣнію, преступленіе

¹⁾ Ibid., стр. 86. 32—87. 6.

²⁾ Ibid., стр. 87. 33—36.

³⁾ Οἱ δὲ περὶ τὸν Ἐρμηνέα, φησὶ, ζευγλῆται ὑῶρον ἐκ τῶ κυρίου μου διατίρουν, ἐπιχειροῦν ἐργάζεσθαι. Ὅμως καὶ τραυτέρους λόγους καὶ ἐριστικαῖς ὁμιλίαις, ᾗδῃ δὲ καὶ χερσὶ τοῖς ζευγλῆταις τότε τοῦ τόπου ἀπῆλθαν; ibid., стр. 88. 3—5.

⁴⁾ Ibid., стр. 87. 7—20.

⁵⁾ οὐδεὶς τῶν τὰ δημόσια ἐνεργούντων; ibid., стр. 87. 20.

купается не тѣлеснымъ наказаніемъ виновнаго и не конфискаціей его имущества, а соблюденіемъ заповѣдей, сокрушеніемъ сердца слезами. Другая точка зрѣнія для него поэтому совершенно не-землема¹⁾.

Конечно, въ нашемъ распоряженіи, повторяемъ, слишкомъ мало матеріала и фактовъ, чтобы мы могли дѣлать какія-либо общія выводы, но, какъ намъ кажется, ознакомившись съ выше изложеннымъ, мы въ правѣ сказать, что намъ въ значительной степени основаны понятными съ одной стороны извѣстность и популярность Апокавка, молва о мнимой смерти котораго быстро распространилась до Фивъ, Афинъ и Эвбеи²⁾, а съ другой—понятнымъ основится и то, почему иногда (XXII) наупактскій митрополитъ иногда жаловаться на тяготы жизни³⁾.

Е. Черноусовъ.

---

¹⁾ Ibid., стр. 87. 20—31.

²⁾ Ibid., стр. 95. 5—7.

³⁾ Когда статья была уже набрана и сверстана, то изъ библиографическаго обзора *Analecta Bollandiana* (XXXIII, стр. 120) я узналъ о появленіи въ 1913 г. диссертціи г. Matthias Wellenhofer, *Johannes Apokaukos, Metropolit von Naupaktos in Aedien (1155—1233), sein Leben und seine Stellung in Despotate von Epirus unter Michael Donkas und Theodoros Komnenos*. Freising, Datterer, 1913, 8°, VI 72 p.

Нѣсколько замѣтокъ о греческихъ христіанскихъ надписяхъ.

Христіанскія надписи, подобно надписямъ языческимъ, носятъ на себѣ отпечатокъ жизни, отпечатокъ современныхъ имъ историческихъ явленій. Этимъ характеромъ отличаются не только тѣ надписи, которыя касаются извѣстныхъ дѣятелей, или заключаютъ въ себѣ указанія на различные историческія событія, но даже скромные надгробные памятники. Въ своей статьѣ я постараюсь отмѣтить въ общихъ чертахъ тѣ сложныя и разнообразныя явленія жизни, которыя отразились въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ. Начну съ надгробій, которыя по количеству преобладаютъ надъ другими дошедшими до насъ эпиграфическими памятниками христіанства.

Въ надгробныхъ надписяхъ отражалась та среда, въ которой распространялось христіанство, отражалось время и мѣсто его распространенія.

Вліяніе *языческой среды*, въ которой возникали первыя христіанскія общины, замѣтно въ терминологіи древнѣйшихъ христіанскихъ надписей. Уже Дж.-де-Росси, Э. Леблант, Ф. Кюмонъ и другіе ученые установили фактъ сходства въ терминологіи древнѣйшихъ христіанскихъ надгробій съ соотвѣствующими надписями языческими. Напомню здѣсь то, что говоритъ графъ А. С. Уваровъ въ своей «Христіанской символикѣ». «Всѣ извѣстные обороты, — писалъ графъ — возгласы и формулы, которые искони вѣковъ писались язычниками на надписяхъ или другихъ предметахъ, и которые съ типичною неизмѣняемостью переходили изъ столѣтія въ столѣтіе, всѣ почти перешли цѣликомъ въ символическій языкъ христіанъ. Любопытно, что христіане не гнушались языческими воспоминаніями. Они сохраняли языческія формулы безъ всякихъ

мѣненій, но придавали имъ уже свое христіанское значеніе. Подражаніе доходило до того, что рѣзчикъ—язычникъ могъ вырезать надгробную надпись по заказу, не догадываясь, что она поужитъ христіанину» ¹⁾).

Причины, побуждавшія христіанъ первыхъ вѣковъ подражать формуламъ языческихъ надгробій, понятны. Могилы съ надписями, въ которыхъ было бы ясно указано, что почившій исповѣдывалъ христіанскую вѣру, могли подвергаться глумленію и разрушенію со стороны язычниковъ.

Такъ, напр., сходство нѣкоторыхъ выраженій въ извѣстной надписи Аверкія епископа іерапольскаго съ языческой терминологіей проф. В. В. Болотовъ совершенно правильно объяснялъ тѣмъ, что эта надпись относится къ тому времени, когда церковь Христова была гонимой ²⁾.

Кромѣ того, на подражаніе языческой терминологіи могли вліять и другія причины. Сильно вліялъ общій, безразличный характеръ нѣкоторыхъ формулъ языческихъ надгробій. Напр., такія общія выраженія, какъ ἐνθάδε κατέχευται, μνήμη χάρις, χαῖρε, παροῦσα, не представлявшія ничего несогласнаго съ христіанскимъ ученьемъ, легко допускались и въ надгробіяхъ христіанъ.

Такой же безразличный характеръ имѣли установившіеся въ языческихъ надписяхъ термины, служившіе для обозначенія мѣста погребенія. Поэтому всѣ они вошли въ христіанскія надгробія ³⁾.

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ, Христіанская символика. М., 1908, стр. 19.

²⁾ В. В. Болотовъ, Лекція по исторіи древней церкви. I. СПб. 1907, стр. 109. См. G. Ficker, Der heidnische Charakter der Abercius—Inschrift (Sitzungsb. d. Nass. Akad., 1894 S. 87 ff.).

³⁾ Термины, служившіе въ христіанскихъ надписяхъ для обозначенія мѣста погребенія, собраны съ большою полнотой Ф. Кюмономъ (F. Cumont, Les inscriptions chrétiennes de l'Asie Mineure, Mélanges d'archéologie, 1895 XV 258 sq.). Этотъ перечень можно дополнять еще слѣдующими терминами: λατρίον, μάρτυρ, μνήμα, τάφος, θήκη διαθήκεα, οἰκητήριον, οἶκος αἰώνιος, παραστάτιον (т. е. μνήμα), στήλη, σκευόχη. Cf. E. Le Blant, Inscriptions chrétiennes de la Gaule, II, 152. Его же Manuel d'épigraphie chrétienne, Paris, 1869 p. 80 sq.—Относительно μάρτυρ см. Hentze, Die griech. Grabinschriften Kleinasiens. Halle, 1909, S. 18. Относительно οἶκος αἰώνιος; N. A. Βέης высказалъ основательное предположеніе, что тутъ скорѣе вѣдуетъ вліяніе христіанской терминологіи на языческую, чѣмъ языческой на христіанскую (Νίκος Α. Βέης, Οἰκητήριον und verwandte Worte auf heidnischen Inschriften. Glotta, 1911 S. 204 f.).

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ язычники, принявшіе христіанство, могли сохранять въ своемъ сердцѣ любовь къ той литературѣ, которая была имъ такъ близка въ дѣтствѣ и въ юности. Тогда друзья и родственники почившаго, иногда оставшіеся язычниками, составляли эпитафію, проникнутую духомъ языческой поэзіи, принимая во вниманіе тѣ симпатіи, которыя покойный проявлялъ во время своей жизни. А иногда reminiscences изъ греческихъ поэтовъ могли являться въ такихъ надгробіяхъ, которыя составляли христіане, выросшіе въ христіанской средѣ, но часто читавшіе и любившіе произведенія языческой литературы¹⁾.

Встрѣчаются христіанскія надгробія, въ которыхъ замѣтно, что почившій или оставшіеся въ живыхъ его родственники сохраняли еще нѣкоторые языческіе обычаи. Такъ, напр., во Фригіи найдена надпись III вѣка по Р. Х., въ которой говорится, что христіанинъ Аристей, построивъ своей женѣ Авреліи гробницу, подарилъ прилежавшій къ этой гробницѣ участокъ земли обществу Протопилитовъ (προτοπυλιτῶν) съ условіемъ, чтобы члены этого общества ежегодно собирались на могилѣ Авреліи и осыпали ее розами, какъ было въ обычаѣ у язычниковъ²⁾.

Наконецъ вліяніе языческой среды обнаруживается въ томъ, что древніе христіане носили иногда, какъ видно изъ надгробныхъ надписей, по два имени. Это былъ довольно распространенный обычай въ Римской имперіи въ первые вѣка по Р. Х. Такъ, мы встрѣ-

¹⁾ Надписи, въ которыхъ замѣчается вліяніе языческой литературы, міровоззрѣнія и терминологіи языческихъ надгробныхъ надписей, см., напр. SIG n° 9291, 9302, 9319, 9536. Въ одной халкедонской надписи встрѣчаются даже Мойры (Bulletin de corresp. hellén., 1883 p. 517). Въ надгробіи пресвитера Мира (Μίρος), найденномъ въ Ликаоніи, читаемъ негдѣко встрѣчающуюся въ языческихъ надгробіяхъ фразу: Ἐ γὰρ γέρης ἐστὶ θάνατος (Papers of the American School at Athens, II 236). Въ надгробной надписи на могилѣ лаодикейца Перда встрѣчаются очень рѣзкіе слѣды вліянія языческой терминологіи (F. Cumont, Studia Pontica, Bruxelles, 1910, III n° 20). Cf. Bulletin de corr. hellén. 1909 p. 419 sq. Слѣды вліянія языческихъ надгробій замѣтны и въ нѣкоторыхъ надписяхъ, найденныхъ на югѣ Россіи (В. В. Шкорниль, Воспорскія надписи, найденныя въ 1911 году, стр. 11, n° 9).

²⁾ Revue des études grecques, 1889 II 24. Огносительно этого обычая у язычниковъ и даже у древнихъ христіанъ см. W. M. Ramsay, The cities and bishoprics of Phrygia, Vol. I part II (1897) p. 563.

аемъ въ надгробіяхъ имена христіанъ Γέρων ὁ καὶ Κύρικος¹⁾, Πάγχαρις καὶ Ζωτικός²⁾, Σαραπὶς ἡ καὶ Θερμοῦδάριον³⁾ и т. п.

Но съ теченіемъ времени слѣды языческой терминологіи все ѣще встрѣчаются въ христіанскихъ надписяхъ. Въ надгробія христіанъ вносятся новыя формулы и новыя символы, уже ясно свидѣтельствующіе о томъ, что почившій исповѣдывалъ Христову вѣру. Тутъ мы встрѣчаемъ имена мучениковъ и лицъ, причисленныхъ церковною къ лику святыхъ, встрѣчаемъ упоминанія, что почившій былъ анахоретомъ⁴⁾, новопросвѣщеннымъ, неофитомъ⁵⁾, а въ некоторыхъ надписяхъ встрѣчаются и женщины—аскеты и столпницы⁶⁾.

Въ формальномъ отношеніи греческія христіанскія надгробія представляютъ слѣдующіе типы, встрѣчающіеся и въ языческихъ надгробіяхъ: а) краткое указаніе имени почившаго, б) рассказъ о почившемъ и с) автобіографія. Изъ этихъ типовъ наиболѣе распространеннымъ является первый типъ, который съ теченіемъ времени дополняется обозначеніемъ времени кончины или числа прожитыхъ лѣтъ (иногда мѣсяцевъ и даже дней) и запрещеніемъ хоронить въ той же могилѣ кого-нибудь другого.

Что касается второго и третьяго типа надгробій, то они встрѣчаются въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ рѣдко и никогда не вытѣснили перваго типа, который находимъ и въ очень раннихъ и въ очень позднихъ христіанскихъ надгробіяхъ⁷⁾.

¹⁾ Studia Pontica, III n° 76.

²⁾ Bulletin de corresp. hellén. 1893 p. 248.

³⁾ G. Lefebvre, Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes. Le Caire, 1907 n° 47. Интересно господствовавшее въ первые вѣка по Р. X. въ Римской имперіи обычаи носить по два имени см. I. Rouffiac, Recherches sur le caractère grec dans le nouveau testament d'après les inscriptions de Priène. Paris, 1911, p. 50. Обычай давать новыя имена вмѣсто прежнихъ при крещеніи язычниковъ сталъ входить въ жизнь, очевидно, только въ четвертомъ вѣкѣ. См. А. Алмазовъ, Исторія послѣдованій крещенія и мученичества. Казань, 1885 (1884), стр. 139.

⁴⁾ G. Lefebvre, Recueil, n° 198, 340, 427, 461.

⁵⁾ CIG n° 9810, 9824 (Римъ). Cf. Studia Pontica, III n° 14: νεόφитος γεγονώς ἐν τῇ δεξά (Амисъ).

⁶⁾ Studia Pontica, III n° 134 (Амасія): Θεῶς Μαρίας ἀσκητρίδος στυλίσσης.

⁷⁾ О надписяхъ перваго типа очень мѣтко сказалъ Э. Лебланъ: «c'est la nudité montable du dernier jour que me semble exprimer, dans sa forme dernière et achevée, la masse des inscriptions chrétiennes latines». См. E. Le Blant, Manuel d'épigraphie chrétienne. Paris, 1869, p. 9.

Особую черту христіанскихъ надгробій представляютъ акростихи и, конечно, цитаты изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завіта, а также нѣкоторые символическія слова и сокращенія словъ: $\chi\rho\iota\varsigma$, ΜΙΜ, ΧΜΓ, монограмма имени Христа и такіе символы, какъ крестъ, голубь, якорь и рыба.

Слѣдуетъ указать и на то, что въ христіанскихъ надгробіяхъ не встрѣчается форма діалога ¹⁾.

Въ *географическомъ* отношеніи христіанскія надгробія представляютъ значительную разницу по терминологіи и символикѣ. Въ однихъ областяхъ преобладаютъ, или даже встрѣчаются исключительно однѣ формулы и выраженія, въ другихъ—другія. Такъ, напр., въ надписяхъ Фригіи часто встрѣчается угроза гнѣвомъ Божиимъ за нарушение неприкосновенности могилы, выраженная словами: $\epsilon\sigma\tau\iota\alpha\iota\ \alpha\upsilon\tau\omega\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\omicron\nu\ \zeta\omega\nu\tau\alpha\ \theta\epsilon\acute{o}\nu$ ²⁾, или $\epsilon\sigma\tau\iota\alpha\iota\ \alpha\upsilon\tau\omega\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\omicron\nu\ \theta\epsilon\acute{o}\nu$ ³⁾. Эта формула можетъ быть признана типичной формулой фригійскихъ надгробій. Обозначеніе мѣста погребенія словомъ $\tau\omicron\pi\omicron\varsigma$ чаще всего встрѣчается въ надписяхъ Киликіи и Италіи ⁴⁾. Молитва объ упокоеніи души почившаго: $\alpha\nu\acute{\alpha}\pi\alpha\sigma\tau\omicron\nu\ \epsilon\nu\ \chi\acute{\alpha}\lambda\mu\omicron\varsigma$ 'Αβραάμ χι 'Ισαάκ χι 'Ιακώβ встрѣчается въ надгробіяхъ, происходящихъ изъ Египта ⁵⁾.

Въ этихъ же надгробіяхъ мы находимъ и молитву $\acute{o}\ \theta\epsilon\acute{o}\varsigma\ \tau\omega\nu\ \pi\upsilon\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\nu$, какъ въ полной, такъ и въ сокращенной формѣ ⁶⁾.

Начало надгробія словомъ $\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\omega\theta\eta$ обычно въ надписяхъ, найденныхъ въ Аоннахъ и въ Византіи ⁷⁾. Въ надписяхъ Сиріи вырѣзывались на могильныхъ памятникахъ сочетанія трехъ буквъ ΜΙΜ

¹⁾ О типахъ христіанскихъ *латинскихъ* надгробій см. М. Холоднякъ, Къ христіанскимъ надгробіямъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, янв. стр. 122 сл.).

²⁾ Bulletin de corr. hellén. 1894 p. 249 n° 16, 250 n° 18 и др. (надписи изъ фригійскаго города Емменія).

³⁾ Bull. de corr. hellén. 1894 p. 242 n° 4, 250 n° 17, 251 n° 19 (Емменія). Cf. W. M. Ramsay, the cities and bishoprics of Phrygia, Journ. of hellen. Studies. 1880 p. 400. H. Stenler, Die griechischen Grabinschriften d. Kleinasien, S. 70 f.

⁴⁾ CIG n° 9157, 9161, 9199, 9228 (Киликія); 9467, 9468, 9469 (Сиравузы).

⁵⁾ G. Lefebvre, Recueil, n° 645, 647, 649 и др.

⁶⁾ G. Lefebvre, Recueil, n° 635, 636, 641, 642, 645, 646, 647 и др.

⁷⁾ См. объ этомъ замѣтку въ статьѣ Νῆκος Α. Βέης, Βυζαντιναὶ ἐπιγραφαὶ Ἀττικῆς, Römische Quartalschrift, 1912, p. 65 sq.

и ХМГ¹⁾. Въ сирійскихъ надписяхъ чаще чѣмъ въ надписяхъ, происходящихъ изъ другихъ мѣстъ, встрѣчается утѣшеніе, обращенное къ родственникамъ и друзьямъ почившаго въ формѣ: εὐφύχει · οὐδαὶς θάνατος²⁾. Въ египетскихъ надписяхъ эта формула имѣетъ нѣсколько измѣненный видъ: μὴ λυπηθῆς · οὐδαὶς γὰρ θάνατος³⁾. Выраженія ἐν εἰρήνῃ и (εἰρήνῃ) ἐν θεῷ чаще встрѣчаются въ Италіи, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ⁴⁾.

Болѣе общимъ характеромъ отличаются формулы ἐνθάδε καίτοι κατήκειται и ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος (ἡ δούλη) τοῦ θεοῦ. Онѣ встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ, а въ надписяхъ, найденныхъ на югѣ Россіи, эти формулы являются преобладающими по количеству надъ другими формулами христіанскихъ надгробій⁵⁾.

¹⁾ Буквы ΜΙΜ расшифровываются легко: Μαρία Ἰησοῦ Μητὴρ, но сочетаніе ХМГ до настоящаго времени вызываетъ различныя объясненія. Ф. Кюмонъ читалъ эти буквы такъ: Χριστός), Μιχαήλ), Γαβριήλ), F. Cumont, Les inscr. chrétiennes, mélanges d'archéol., 1895 XV 256. О другихъ попыткахъ прочитать эти буквы см. J. K. Prentice, Greek and latin inscriptions. New-york, 1908, p. 23 sq. Особенно обстоятельно останавливается на этомъ вопросѣ F. Dölger, Das Fischsymbol in frühchristlicher Zeit, Rom, 1910 S. 298 ff. Интересна, между прочимъ, попытка P. Perdrizet прочитать эти буквы, какъ формулу Χ(ρά) Μ(εγάλη) Γ(έγονεν), на основаніи поставленія этихъ буквъ съ надписью, найденною Ю. А. Кулаковскимъ въ Керченской катакомбѣ 491-го года (См. P. Perdrizet, Isopsephie, Revue des études grecques, 1904 XVII 359).

²⁾ Эта формула была распространена въ языческихъ надгробіяхъ Кипра, а оттуда она перешла чрезъ островъ Родосъ въ Сирію. См. Revue archéol., XXVII p. 72 sq.

³⁾ G. Lefebvre, Recueil, n° 494, 496 al. Та же формула, но гораздо рѣже, встрѣчается въ римскихъ надгробіяхъ. См. CIG n° 9666, 9863. Относительно близкой означенію формулы εὐφύχει, μὴ λυπη см. Revue archéol. 1874 II 252.

⁴⁾ CIG n° 9560, 9561 (ἐν εἰρήνῃ, Римъ); n° 9814, 9816, 9819 (ἐν θεῷ, Римъ). Ср. CIG n° 9266: εἰρήνῃ τοῖς παράγουσιν (Фригія); G. Lefebvre, Recueil, n° 71, 72, 4 (ἐν εἰρήνῃ, Файумъ).

⁵⁾ Въ Сборникѣ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи В. В. Латышева формула κατήκειται встрѣчается въ надписяхъ n°n° 4, 72, 5, 88, 89, 90, 91a, 91b, 93, 100. Формула ἐκοιμήθη (ἐκοιμήθησαν)—въ надписяхъ n° 33, 43a, 50a, 51a, 54, 58, 60, 61, 76, 91c, 94, 102 (εἰςκοιμήθη), 109. Другія формулы встрѣчаются рѣдко: Ὑπὲρ εὐχῆς n° 13, 15, 16, 19; Ὑπὲρ μνήμης καὶ ἀναπαύσεως n° 24, 101; Ὑπὲρ ἀφέσεως τῶν ἁμαρτιῶν, n° 20, 43; ἐτελειώθη, n° 75 в. При формулахъ τελειώθη, ἐκοιμήθη и κατήκειται не встрѣчается въ надписяхъ, найденныхъ въ южной Россіи, подлежащее οἰκέτης τοῦ θεοῦ, а постоянно—δοῦλος (δούλη) τοῦ θεοῦ. Это зависитъ отъ того, что южно-русскія христіанскія надписи сравнительно болѣе поздняго времени. По наблюденіямъ В. Рамзая, выраженіе οἰκέτης θεοῦ является признакомъ того, что данная надпись—не позже четвертаго вѣка. (См. Mittheil. d. Deutsch. archéol. Instituts, 1888 S. 250).

Что касается такъ часто встрѣчающихся въ римскихъ катакомбахъ символовъ (рыба, голубь, якорь), то, по наблюденіямъ Ф. Кюмона, они совершенно не встрѣчаются на надгробіяхъ Малой Азіи. То же можно сказать и объ надгробіяхъ Египта.

Среди надгробныхъ надписей Малой Азіи встрѣчаются такія, которыя указываютъ на очень важное явленіе. Изъ этихъ надписей видно, что въ первые вѣка по Р. Х. въ одной области христіанское населеніе жило спокойно, не подвергаясь гоненіямъ до временъ Діоклетіана. Это была Фригія. Тамъ мы находимъ то, чего нельзя найти въ Италіи: христіанскія гробницы первыхъ вѣковъ, сооруженныя на поверхности земли, а не скрытыя въ подземельяхъ, какъ въ Римѣ. При этомъ вырѣзанныя на могильныхъ плитахъ надписи ясно говорятъ, что погребенные подъ ними были христіане. Во Фригіи была христіанская община. «братство», о которомъ въ надписяхъ рѣчь идетъ совершенно открыто ¹⁾.

Изъ фригійскихъ надгробныхъ надписей узнаемъ, что христіане во Фригіи не лишались гражданскихъ правъ. Они могли составлять официальные завѣщанія и отдавать ихъ на храненіе въ городской архивъ ²⁾. Въ своихъ завѣщаніяхъ фригійскіе христіане иногда устанавливали размѣры штрафа, который долженъ былъ уплатить тотъ, кто осмѣлился бы положить въ ихъ могилу другого покойника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по желанію завѣщателя, этотъ штрафъ поступалъ въ пользу города, въ городскую казну ³⁾. Наблюденіе за неприкосновенностью такихъ гробницъ поступало, естественно, въ вѣдѣніе города, и городскія власти—язычники обязаны были въ такихъ случаяхъ такъ же наблюдать за могилами христіанъ, какъ и язычниковъ. Кромѣ этого, изъ надгробій, найденныхъ во Фригіи,

¹⁾ Journal of hellenic Studies, 1880 IV 430, n° 40: εἰρήνῃ πασὶ τῇ ἀδελφότητι. Cf. ibid. 429 n° 39. Вспомнимъ, что уже во II в. въ Іеранозѣ фригійскомъ былъ свой епископъ Аверкій, жившій, приблизительно, отъ 120 до 192 г. (См. R. Cagnat, Inscriptions graecae ad res romanas pertinentes, IV n° 696).

²⁾ Journal of hell. Studies 1880 IV 401 n° 19 (надпись датирована 249 г.).

³⁾ Journal of hell. Studies, 1880 IV 400 n° 18: δώσει ἰς τὸ ταμεῖον προστειμένου δηνάρια ψ' (эту надпись Рамзай относитъ къ началу III в. по Р. Х.). Cf. ibid. 429 n° 38 (надпись около половины III в.). Bulletin de corr. hellén. 1882 p. 518 (надпись датирована, 216 г.).

сказывается, что тамъ христіане могли исполнять различныя общественныя обязанности, они могли быть тамъ даже членами вѣта ¹⁾).

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о томъ, что положеніе христіанъ во Фригіи въ первые вѣка по Р. Х. значительно отличалось отъ положенія ихъ въ другихъ областяхъ римской имперіи. Только императоръ Діоклетіанъ, повелѣвавшій преслѣдовать христіанъ, залилъ кровью всю Фригію. Евсевій говоритъ, что въ то время во Фригіи массово истреблялись цѣлые города съ христіанскимъ населеніемъ. Въ одномъ городѣ христіанами оказались и стратегъ, и логистъ, и другія власти ²⁾. Свидѣтельство Евсевія вполне согласуется съ этими фактами, на которые встрѣчаются указанія въ христіанскихъ надгробіяхъ Фригіи.

Въ надписяхъ Малой Азіи, Египта, Македоніи и Греціи встрѣчается довольно значительное число надгробныхъ надписей съ именами почившихъ діакониссъ. Напр., въ Дельфахъ французскій археологъ Ж. Лоранъ нашелъ надгробную плиту, на которой была высѣана эпитафія мѣстной діакониссы Аванасіи, «поставленной» епископомъ Пантаміаномъ. По типу буквъ эта надпись относится къ V вѣку по Р. Х. ³⁾. А въ одной надписи, найденной въ Амисѣ (Амисунъ, Малая Азія), «приспомятная раба Божія» Аэріа названа не *διακόνισσα*, а *διάκονος* ⁴⁾.

Не буду останавливаться здѣсь на тѣхъ *именахъ*, какія встрѣчаются въ надгробныхъ христіанскихъ надписяхъ, и на ихъ значеніи

¹⁾ Journal of hell. Studies, 1880 IV 401, 433 (Аврелій Менофілъ *βουλευτής*); Bulletin de corr. hellén. 1884 p. 234 (Аврелій Евтихъ *βουλευτής*). Cf. F. Cumont, Les inscriptions chrétiennes de l'Asie Mineure, Mélanges d'archéologie, 1895 II 267.

²⁾ Euseb. Hist. eccl. VIII c. 11.

³⁾ Bulletin de corr. hellén. 1899 p. 273.

⁴⁾ F. Cumont, Studia Pontica, III p. 22, n° 12. Эта надпись датирована 594 годомъ Амисской эры (=562 по Р. Х.). Другія надписи, въ которыхъ упоминаются діакониссы, см. Papers of the American School at Athens. II 209 (*διακόνισσα* 'Ατιανή, *Ἀθανία*); Studia Pontica, III n° 44 (*Βασιλική*, вблизи Неоклавдиополи); Bull. de corr. hellén. 1883 p. 502 (*Ἐπαφία*, Фригія); Papers of the Amer. School, III 326 (*Ἰσίδια*, Писидія); G. Lefebvre, Recueil, n° 98 (*Μαρίνα*, надпись, предположительно изъ *Ἰδύμα*); SIG n° 9318 (*Νεαχτόρη*, Азия); *Παρίωνία* (L. Heuzey et H. Daumet, Mémoires archéol. de Macédoine, Paris; 1876, p. 95 n° 50).

для христіанской ономотологiи ¹⁾. Не буду останавливаться на тѣхъ эпитетахъ, которые прилагаются къ различнымъ лицамъ церковной іерархіи и клира ²⁾. Разработка каждого изъ этихъ вопросовъ не можетъ быть включена въ рамки одной статьи, она потребовала бы отдѣльнаго изслѣдованія. Но уже изъ сказаннаго видно, какъ сложно и разнообразно содержаніе греческихъ христіанскихъ надгробій.

Перейду къ другимъ христіанскимъ надписямъ, при чемъ иногда придется возвращаться и къ надгробіямъ.

Та борьба, какую пришлось пережить христіанамъ, тѣ гоненія, какимъ они подвергались со стороны язычниковъ, засвидѣтельствованы не только въ литературныхъ памятникахъ. Слѣды ихъ встрѣчаются въ надписяхъ. Сохранились надписи, имѣющія отношеніе къ исторіи гоненія на христіанъ ³⁾.

Но наступило время, когда христіанство начинаетъ крѣпнуть, когда языческія капища обращаются въ христіанскія церкви, число церквей все болѣе увеличивается, а ихъ поземельныя владѣнія расширяются и закрѣпляются за ними. Все это можно прослѣдить по надписямъ ⁴⁾. Увеличивается и число монастырей. Въ изданныхъ недавно Г. Лефевромъ надписяхъ, найденныхъ въ Египтѣ, встрѣчаемъ указанія на цѣлый рядъ киновій, разбѣянныхъ по Египту. Тутъ упоминаются и настоятели киновій и скромные, не-

---

¹⁾ Богатый и интересный матеріалъ для христіанской ономотологiи представляютъ изданныя недавно христіанскія надписи Египта *G. Lefebvre, Recueil des inscriptions grecques—chrétiennes d'Egypte. Le Caire, 1907*, надписи Сиріи (*W. E. Prentice, Greek and latin inscriptions. New-York, 1908*), а также надписи, найденныя на югъ Россіи.

²⁾ Напр., изъ надписей видно, что діакоиссы могли носить тотъ же титулъ (*ἐπίλειτουργ*), какой принадлежалъ діаконамъ и даже священникамъ. См. *Bulletin de corr. hellén.*, 1899 p. 273. CIG n° 9318.

³⁾ *F. Cumont, Les inscriptions chrétiennes, Mélanges d'histoire, 1895 p. 274, n° 94.*

⁴⁾ О перестройкѣ капищъ въ храмы и о постройкѣ новыхъ храмовъ см. CIG n° 8609, 8627, 8645; *G. Lefebvre, Recueil*, n° 64 (Египетъ), надпись 374 года по Р. X.; *Studia Pontica*, III n° 101 (Амасія, надпись въ стихахъ о сооружеіи храма) и мн. др.—Объ охранѣ и неприкосновенности церковныхъ владѣній см. *Bulletin de corresp. hellén.* 1893 p. 501; *Studia Pontica*, III n° 254.

иные міру монахи и монахини ¹⁾, и «ученики» извѣстныхъ, пользовавшихся славою подвижниковъ ²⁾.

Надписи бросаютъ свѣтъ на исторію распространенія христіанскихъ общинъ, указывая на существованіе церквей въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ не говорятъ сохранившіеся до насъ литературные памятники, напр., церковь, — слѣдовательно и христіанская община, — на вершинѣ Тавра ³⁾.

Въ надписяхъ встрѣчается указаніе на извѣстный изъ литературныхъ памятниковъ гуманнѣйшій обычай, имѣвшій большое значеніе въ древнѣйшее время, когда процвѣтало рабство, — обычай устраивать при храмахъ убѣжища, въ которыхъ могли бы спастись рабы отъ слишкомъ жестокихъ владыкъ. Такія убѣжища назывались *κρηδεῖον*. Надписи, въ которыхъ упоминаются асильи, особенно часто встрѣчаются въ Сиріи ⁴⁾. Эти убѣжища можно было учреждать, конечно, только въ то время, когда христіанство уже восторжествовало надъ язычествомъ, когда изъ вѣры гонимой оно сдѣлалось вѣрой, признанной государствомъ.

Въ надписяхъ встрѣчаются слѣды борьбы христіанства съ различными ересями. Въ Египтѣ была найдена надпись, содержащая повелѣніе александрійскаго архіепископа Афанасія къ монахамъ, въ которомъ онъ увѣщаетъ ихъ остерегаться ереси послѣдователей Ария, которые, какъ говорится въ надписи, заходятъ даже въ монастыри, чтобы обольщать слабыхъ ⁵⁾.

Въ некоторыхъ надписяхъ встрѣчается форма трисвятого, основанная на ученіи монофизитовъ: *ἄγιος ὁ θεός, ἄγιος ἰσχυρός, ἄγιος ἀθάνατος*,

¹⁾ *G. Lefebvre*, Recueil, n° 216, 249, 274, 288, 351 и др. (монахи); n° 162, 252, 31, 307, 319 и др. (монахини).

²⁾ *G. Lefebvre*, Recueil, n° 11, 12 и др.

³⁾ *CIG* n° 9259. О значеніи надписей для исторіи христіанской церкви см. *G. E. Stes*, Greek christian inscriptions (Contemporary Review, 1880 p. 977 sq.).

⁴⁾ *W. K. Prentice*, Greek and latin inscriptions, n° 28 (убѣжище при храмѣ св. вомученика Стефана, 554 г.), cf. n° 29; n° 298 (при церкви Кирика); n° 350 (при храмѣ пресв. Богородицы и св. Космы и Даміана) и мн. др. — О правѣ убѣжища при христіанскихъ храмахъ см. *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. Спб. III (1913), стр. 132 сл.

⁵⁾ *G. Lefebvre*, Recueil, n° 380.

σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς¹⁾. Эта форма трисвятого, какъ извѣстно, была предложена антиохійскимъ епископомъ Петромъ. Изъ Антиохіи она широко распространилась по Малой Азіи. Встрѣчаются и другія формы трисвятого, напр., ἄγιος ὁ θεός, ἄγιος ἰσχυρός, ἄγιος ἀθάνατος, πεπρωθεὶς δι' ἡμᾶς²⁾. Нельзя не обратить вниманія и на нѣкоторыя отступленія отъ обычной формы трисвятого, встрѣчающіяся въ надписяхъ, найденныхъ на югѣ Россіи. Такъ, въ одной Керченской катакомбѣ написано на стѣнѣ трисвятое, въ концѣ котораго вмѣсто обычнаго ἐλέησον ἡμᾶς стоитъ ἐλέησον τὸν δοῦλόν σου Σαῦλᾶν καὶ Φαίωνα³⁾. А на Кавказѣ, въ надгробной надписи, составленной пресвитеромъ Евстаѳіемъ для памятника на могилѣ какого-то покойника (имя его въ надписи не сохранилось), читаемъ: ὁ Θεός ὁ ἐπουράνιος χ(αὶ) ἰσχυρός χ(αὶ) ἀθάνατος, ἀνάπαυσε αὐτόν⁴⁾.

Въ Ликаоніи найдена надпись, изъ которой видно, что тамъ была сооружена церковь еретиками новаціанами. Это — эпитафія мѣстнаго діакона Тинута, на памятникѣ, построенномъ его женою⁵⁾. Есть надписи, въ которыхъ отразилась борьба съ иконоборцами⁶⁾. Среди развалинъ древняго монастыря на Ливанѣ, по пути изъ Пальмиры къ Евфрату, была открыта надпись, въ которой упоминается мѣстный епископъ Мароній. Августъ Бекъ, основываясь на имени епископа, высказалъ предположеніе, что этотъ монастырь былъ основанъ маронитами⁷⁾. Въ тѣхъ надписяхъ, гдѣ встрѣчается выраженіе πνευματικὸς υἱός, нѣкоторые ученые видятъ отраженіе ученія манихеевъ⁸⁾.

¹⁾ W. K. Prentice, Greek and latin inscriptions, n° 6 (Сирія). Cf. CIG n° 8918 (вблизи Антиохіи). Повидимому, подъ влияніемъ ученія монофизитовъ составлены и тѣ надписи, гдѣ встрѣчается выраженіе εἰς θεός, см. W. K. Prentice, op. c., n° 25, 26, 27, 28 и ми. др. G. Lefebvre, Recueil, n° 164, 214, 235 и др.

²⁾ W. K. Prentice, op. c. n° 295.

³⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 6, таб. II.

⁴⁾ В. В. Латышевъ, Къ исторіи христіанства на Кавказѣ, Спб. 1911, стр. 18 (отд. оттискъ изъ Сборника въ честь гр. А. А. Бобринскаго). Эта надпись найдена вблизи Ново-аеонскаго монастыря, въ развалинахъ храма византийской эпохи. Надпись датирована 6437 годомъ (=929 по Р. Х.).

⁵⁾ CIG n° 9268.

⁶⁾ Bulletin de corr. hellén. XXXIV 96. Cf. Bulletin de corr. hellén. XXXIII 91

⁷⁾ CIG n° 8829.

⁸⁾ CIG n° 9578 (Римъ).

Надписи имѣютъ важное значеніе еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ встрѣчается много цитатъ изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завета, а также много молитвъ не только употребляемыхъ въ настоящее время, но и не вошедшихъ въ требники и молитвословы позднѣйшаго времени ¹⁾.

Изъ молитвъ, читаемыхъ въ настоящее время, особенно часто встрѣчается въ надписяхъ Египта молитва, входящая въ чинъ погребенія: ὁ θεὸς τῶν πνευμάτων κτλ. Она вырѣзывалась на надгробныхъ памятникахъ какъ пѣликомъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ ²⁾.

Что касается молитвъ, которыя въ настоящее время не читаются, то такія молитвы особенно часто находимъ въ надписяхъ Египта и Сиріи. Здѣсь встрѣчаются молитвы, которыя, повидимому, были составлены особо для даннаго надгробія, напр., трогательная молитва объ упокоеніи души Антонина Діогена и его жены Дометіи «и прочихъ здѣ лежащихъ», найденная въ Сиріи ³⁾. Встрѣчаются на надгробныхъ памятникахъ и цѣлые гимны, написанные метрическимъ размѣромъ ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ надгробныхъ надписяхъ читаемъ молитвы, составленныя изъ словъ древнихъ требниковъ, а также подъ вліяніемъ апокрифовъ, еретическихъ ученій и даже языческихъ традицій. Такъ, напр., въ одномъ надгробіи, найденномъ въ Ассуанѣ, молитва объ упокоеніи души почившаго содержитъ нѣкоторыя слова изъ литургіи Іакова ⁵⁾. Въ надгробіи изъ сирійскаго города Dêr Sêta: Πατὴρ καὶ Υἱὸς καὶ Ἅγιον Πνεῦμα καὶ τῇς Θεοτόκου ⁶⁾. А въ

¹⁾ Много надписей, въ которыхъ встрѣчаются изреченія изъ священнаго писанія указаль *И. В. Помаловскій* (Извѣстія Имп. Русск. Археол. Общества, 1880 X. 16 сл.—Записки Имп. Русск. Археол. Общества, 1887 II 86, прим. 5). См. также *F. Eller v. Gaertringen*, Ueber eine jüngst auf Rhodos gefundene Bleirolle enthaltenden 80 Psalm (Sitzungsb. d. Preuss. Akad., 1898, 582 f.).—Byzantin. Zeitschr 1905 S. 50 n° 78 (надпись, составленная изъ различныхъ мѣстъ св. писанія; тамъ вставлены и другія надписи, содержащія цитаты изъ св. писанія).—*L. Jalabert*, Nouvel'épigraphie chrétienne. I. Citations bibliques dans les inscriptions (Revue des sciences relig., 1910 p. 68 sq.).

²⁾ *G. Lefebvre*, Recueil, n° 641, 642, 645, 646 и др.

³⁾ *W. K. Prentice*, Greek and latin inscriptions, n° 170. Cf. *G. Lefebvre*, Recueil, n° 283, 650, 663 (различныя молитвы на надгробіяхъ).

⁴⁾ Byzant. Zeitschr. 1905 S. 50 n° 79 (троихаческій размѣръ), S. 51 n° 80 (дактильскій гекзаметръ).

⁵⁾ *G. Lefebvre*, Recueil, n° 563.

⁶⁾ *W. K. Prentice*, op. c., n° 17.

Египтѣ найдена такая надпись: ὁ πατήρ, υἱός, τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον · ἄντι Μιχαήλ, ἄντι Γαβριήλ, ἀπὸ Ἰερεμίας, ἀπὸ Ἑνωχ, ἀπὸ Μαρίας, ἀπὸ Σίβουλλ¹⁾.

Къ молитвамъ, не употребительнымъ въ настоящее время, относятся и найденная въ керченской катакомбѣ надпись: χρὰς μετὰ τὴν γέννησιν καὶ²⁾.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на тѣ надписи, въ которыхъ указывается общественное положеніе упоминаемыхъ въ нихъ лицъ, занимавшееся ими въ христіанской общинѣ. Такія надписи, въ особенности если онѣ датированы, бросаютъ свѣтъ на исторію патріархатовъ, митрополій и епархій и на церковную іерархію. Въ греческихъ надписяхъ встрѣчаются не только всѣ тѣ титулы, которые имѣютъ официальное значеніе въ церковной іерархіи въ настоящее время, но также много титуловъ, постепенно вышедшихъ изъ употребленія.

Такъ, напр., въ одной надписи, найденной вблизи египетскаго города Ибрима, епископъ Пахомій названъ и митрополитомъ: ἐπίσκοπος μητροπολίτης³⁾.

Въ нѣкоторыхъ надписяхъ Сиріи встрѣчается титулъ χορεπίσκοπος («мѣстный епископъ»)⁴⁾.

Въ надписяхъ фригійскаго города Іераполя находимъ титулъ ἀρχιεπίσκοπος καὶ πατριάρχης⁵⁾. Такая титулатура несомнѣнно имѣла свои особые мотивы и свою исторію. Тутъ видно стремленіе Фригій образовывать самостоятельный патріархатъ. Въ надписяхъ найденныхъ въ Египтѣ нерѣдко встрѣчается титулъ архипресвитера⁶⁾, а въ надписяхъ Фригіи, Исавріи и Θρακίи—титулъ архидіакона⁷⁾. Въ надписяхъ Галатіи встрѣчается соединеніе титуловъ πρεσβύτερος καὶ ὑπομόναχος⁸⁾, а въ одной надписи, открытой на югѣ Россіи, въ

1) G. Lefebvre, op. c. n° 662 (надпись приведена въ исправленной транскрипціи).

2) В. В. Латышевъ, Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ, стр. 86.

3) G. Lefebvre, Recueil, n° 632.

4) Byzant. Zeitschrift, 1905 S. 29, n° 16 (надпись датирована 876 г.).

5) CIG, n° 8769. Надпись эта относится, по мнѣнію А. Бека, къ XIV в. Тотъ же титулъ встрѣчаемъ и въ другой надписи изъ Іераполя, Journal of hellenic Studies, 1885 p. 316 n° 73.

6) G. Lefebvre, Recueil, n° 231, 259, 467.

7) Bulletin de corr. hellén., 1894 p. 245 n° 8 (Фригія), CIG n° 9238 (Исаврія) Revue archéol., 1912 p. 333 (Θρακία) и др.

8) CIG n° 9212.

тенитъ, находится упоминаніе о Боспорскомъ «монахѣ и прелатѣ» Николаѣ, духовномъ чадѣ игумена Партевитскаго монастыря св. Апостоловъ Никиты ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ надписяхъ чинъ упоминанія о *περιόδοις*, обязанностью котораго была, по-видимому, періодическая ревизія церквей ²⁾. Изъ среды низшихъ степеней клира упоминаются въ надписяхъ аколуты ³⁾.

Въ древней церкви нѣкоторые термины имѣли нѣсколько иное значеніе, чѣмъ въ настоящее время, напр., титулъ *παρχονάριος*. Проявляющееся отъ этого термина слово «пономарь» обозначаетъ въ настоящее время очень скромное положеніе среди церковнаго причта. Въ древнія времена *παρχονάριος* былъ виднымъ лицомъ среди клира. Такъ, въ одной надписи 461 года, найденной въ Киликіи, этотъ титулъ соединенъ въ одномъ лицѣ съ саномъ пресвитера ⁴⁾, въ другой надписи, происходящей изъ Сиріи, именемъ мѣстнаго «пономаря» датировано время перестройки храма ⁵⁾.

По затронутымъ мною вопросамъ можно было бы привести много надписей и многое о нихъ сказать, но моей цѣлью была лишь краткая разработка и полная группировка относящагося сюда материала, для чего потребовалось бы нѣсколько монографій, а не указать, какъ разнообразны и сложны тѣ явленія жизни древнихъ христіанъ и христіанскихъ общинъ, которыя отразились въ греческихъ надписяхъ.

Н. И. Новосадскій.

¹⁾ В. В. Латышевъ, Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ, 1898. Cf. *Stadia Pontica*, III n° 257: *πρεσβ(υτέρου) καὶ μονα(χου)*. Tchuruk.

²⁾ W. K. Prentice, *Greek and latin inscriptions*, n° 7, 288, 336 а. *Sitzungsber. d. Akad.*, 1888, S. 891, n° 68 (Галатія). Относительно обязанностей *περιόδοις* см. W. K. Prentice, *op. cit.*, p. 35.

³⁾ G. Lefebvre, *Recueil*, n° 605. Объ аколутахъ см. В. В. Болотовъ, *Лекціи о древней церкви*, III (1913), 154.

⁴⁾ SIG n° 9259. Cf. *Revue archéol.* 1847 p. 175.

⁵⁾ W. K. Prentice, *Greek and latin inscriptions*, n° 85.

Воинъ, защищающій павшаго товарища, на чертомлыцкихъ ножнахъ и другихъ памятникахъ греческаго искусства.

Въ статьѣ «Воинъ на золотой обшивкѣ ноженъ изъ Чертомлыцкаго кургана и на вазѣ изъ Нолы»¹⁾ я вновь старался подтвердить уже раньше высказанное мною мнѣніе²⁾, что предводитель грековъ на золотой обивкѣ чертомлыцкихъ ноженъ представляетъ собою повтореніе Мильтіада на картинѣ Мараѳонской битвы въ аѳинской Расписной Галлерей (στοὰ ποικίλη) и что на ножнахъ, какъ и на другихъ памятникахъ сравнительно поздняго искусства, мы имѣемъ фигуры, прямо отражающія типы V в., безъ посредства переработки ихъ въ эллинистическое время, какъ это принимается Б. В. Фармаковскимъ въ его обширной статьѣ «Золотыя обивки налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ»³⁾.

«Особенно важно то, пишетъ авторъ, что общій характеръ формъ у фигуръ обивокъ больше всего подходитъ къ фигурамъ на эллинистическихъ рельефахъ».

Недавно появилась другая статья того-же автора⁴⁾. Эта работа, имѣющая полемическій характеръ, направлена противъ Е. М.

¹⁾ См. Сборникъ статей, посвященныхъ Д. А. Корсакову. Казань, 1913, стр. 514 сл.

²⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 13. Древности южной Россіи. Курганы Карагодеуашхъ. Исслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальмберга.—II. Памятники греческаго и греко-варварскаго искусства, найденные въ Карагодеуашхъ. Исслѣдованіе Вл. Мальмберга. стр. 184 сл.

³⁾ См. Сборникъ въ честь графа А. А. Бобринскаго. С.-П.Б., 1911; отдѣльный оттискъ, стр. 57.

⁴⁾ Б. В. Фармаковскій. Новѣйшая датировка Карагодеуашскаго кургана, см. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи, № 50. М. И. Ростовцевъ въ своемъ изслѣдованіи «Представленіе о монархической власти въ Скѳіи и въ Боспорѣ» (Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи, № 49), полученномъ мною во время корректуры, пишетъ (стр. 2): «Укажу только по необходимости аподиктично на то, что по всей совокупности находокъ, особенно керамическихъ я не могу считать предметы, найденные въ склепѣ, принадлежащими болѣе позднему времени чѣмъ вторая половина III в. до Р. Хр.», и въ примѣчаніи къ этому добавляетъ: «Въ этой датировкѣ я почти схожусь съ Е. М. Придыкомъ....»

Идики¹⁾, отнесенного серебряный ритонъ изъ кургана Карагодеушска ко времени не позднѣ середины III в.

Б. В. Фармаковскому мои замѣчанія не были извѣстны, когда онъ писалъ свою вторую статью. Для подтвержденія своей хронологіи, онъ часто ссылается на изслѣдованіе А. von-Salis'a²⁾. «По изображенію новѣйшаго критика, читаемъ мы у Б. В. Фармаковского³⁾, *искусство II вѣка было все сплошь заражено классическимъ антизмомъ* [курсивъ Б. В. Фармаковского]. Вполнѣ понятна, поэтому, причинность большого количества мотивовъ V и IV в. на вещахъ Эл. изъ южной Россіи. Это обиліе мотивовъ классической эпохи заставляло прежде многихъ ученыхъ датировать напр. чертомлыцкую вазу классической эпохой. До сихъ поръ въ учебникѣ Шуринъ-Михаэлиса чертомлыцкая ваза стоитъ въ отдѣлѣ, посвященномъ V вѣку. Нѣтъ ничего страннаго, что *чувство стиля* [курсивъ Б. В. Фармаковского] заставляло ученыхъ датировать южно-эллискія вещи V—IV в.. Менѣе ошибочно относить чертомлыцкія вещи къ V—IV в., чѣмъ къ IV—III, какъ это въ странномъ и въ первый взглядъ показаться! Только наблюденія надъ деталями заставляютъ признать, что мотивы классической эпохи на южно-эллискихъ вещахъ происходятъ не изъ первоисточника, (т. е. не изъ V—IV в.), а изъ его переработки во II в. Всѣ эти мотивы V—IV в., сколько они понятны во II в., настолько невозможны въ эпоху стоянца IV по конецъ III в.»⁴⁾.

Вполнѣ соглашаясь съ Залисомъ, я видоизмѣнилъ бы утвержденіе Б. В. Фармаковского въ томъ смыслѣ, что западно-европейскіе ученые заставляло относить къ классической эпохѣ имѣющія въ виду золотыя издѣлія изъ южной Россіи *не стиль, а типы, потому нѣтъ основаній принимать для нихъ переработку во II в.*

¹⁾ См. «Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древности», т. XXX, стр. 167 сл. Не имѣя во время чтенія корректуры статьи для «Сборника статей, посвященныхъ Д. А. Корсакову», литературы, я ошибочно датировалъ (см. «Сборникъ», стр. 523, прим. 2) вмѣсто «Зап. Имп. Одес. Общ. Ист. и Древн.» «Матеріалы по Археологіи Россіи».

²⁾ А. von-Salis. Der Altar von Pergamon. Berlin, 1912.

³⁾ Новѣйшая датир. Карагодеушскаго кург., стр. 9—10.

⁴⁾ Ср. М. И. Ростовцевъ. Представленіе о монархической власти въ Сили и на Боспорѣ (въ Извѣстіяхъ Императорской Археологической Комиссіи, вып. 49), предыдущую стр., прим. 4.

У того же Залиса, изслѣдованія котораго, къ сожалѣнію, не было у меня подъ руками, когда я писалъ статью «Воинъ на золотой обшивкѣ ноженъ изъ Чертомлыцкаго кургана и на вазѣ изъ Нолы», я какъ разъ нахожу подтвержденіе своего положенія. Упомянувъ о томъ, что въ маломъ пергамскомъ фризѣ нѣсколько разъ встрѣчается согнувшаяся впередъ дѣвушка, опустившаяся на одно колѣно, извѣстная намъ уже изъ восточнаго фронтона храма Зевса въ Олимпіи, но также и изъ болѣе позднихъ памятниковъ, Залисъ продолжалъ такъ ¹⁾: «Оригиналъ картины изъ Геркуланума г-жа М. Биберъ датируетъ второю половиною четвертаго вѣка. Уже раньше мы встрѣчаемъ попытку, посредствомъ легкаго поворота туловища и болѣе оживленной игры складокъ, придать фигурѣ болѣе глубины и болѣшую привлекательность, какъ объ этомъ свѣдѣтельствуя играющія въ кости дѣвушки на картинѣ Александра, написанной на мраморной плитѣ (21. Hall. Winckelmannsprogramm). Тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить, что во фризѣ Телефа опять *возвращаются къ первоначальному, совершенно незатѣйливому и простому способу изображенія*; для сравненія того, какъ складки платья легкими спиралями покрываютъ тѣло, всего лучше прямо таки привести олимпійскую фронтовую фигуру» ²⁾.

Приведенное мѣсто подтверждаетъ слова Б. В. Фармаковского, высказанныя имъ еще до знакомства съ книгою Залиса:—«Не можетъ не броситься въ глаза сходство въ рисункѣ и характерѣ складокъ одежды (особенно развѣвающейся) у фигуръ нашихъ обивокъ съ пергамскими скульптурами» ³⁾, если только понимать это сходство не какъ зависимость золотыхъ рельефовъ отъ памятниковъ, современныхъ Пергамскому жертвеннику, а какъ отраженіе типовъ V в. въ томъ и другомъ случаѣ.

Что касается поздняго происхожденія растительнаго орнамента на налучьяхъ изъ Чертомлыка и Ильинецъ, то Б. В. Фармаковскій привелъ весьма убѣдительную аналогію съ орнаментомъ на базахъ

¹⁾ A. von-Salis. Der Altar von Pergamon, стр. 124.

²⁾ Выраженіе Залиса «wie die Gewandfalten in leisen Spiralen den Körper überspringen...» нахожу не вполнѣ соответствующимъ: складки въ сущности не образуютъ спиралей, а лишь слѣдуютъ внѣшнимъ извилистымъ контурамъ фигуры.

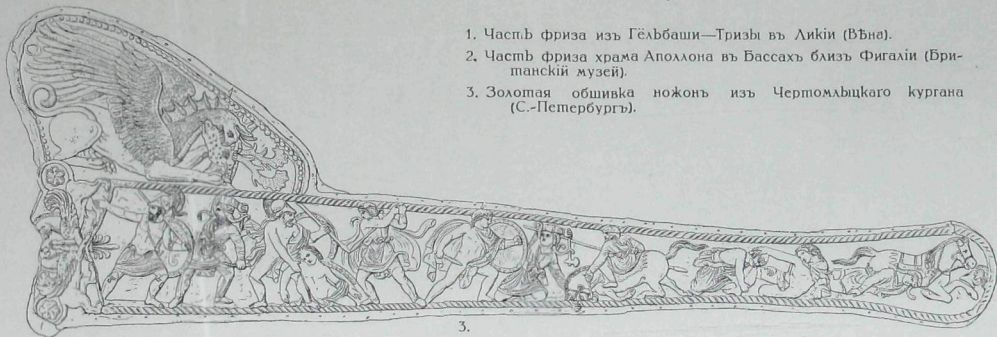
³⁾ Золотыя обивки налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ, стр. 57.

1.

2

3.

1. Часть фриза из Гельбаша—Тризы в Ликии (Вѣна).
2. Часть фриза храма Аполлона в Бассахъ близъ Фигалии (Британскій музей).
3. Золотая обшивка ножонъ изъ Чертомлыцкаго кургана (С.-Петербургъ).

войнѣ въ Дидимеонѣ¹⁾, которая, впрочемъ, и мнѣ была извѣстна, а въ новой брошюрѣ указаль на сходство орнамента, а отчасти и формы мраморной вазы изъ Пергама въ Луврѣ и электроновой въ Куль-Обы²⁾.

Перейдемъ теперь къ описанію указанной въ заглавіи группы чертомлыцкихъ ножнахъ, на которыхъ представленъ воинъ, пожившій темою для статьи въ «Сборникъ статей, посвященныхъ проф. Д. А. Корсакову».

Вторая слѣва группа на ножнахъ состоитъ изъ трехъ фигуръ, именно,—изъ бородатаго грека, защищающаго юнаго павсаго товарища отъ нападенія варвара (см. рис. 3). И на этотъ разъ, какъ у нашего «Мильтіада», для воина отведенное ему мѣсто оказывается слишкомъ низкимъ, во въ данномъ случаѣ часть гребня его павскаго плеча не захватываетъ обрамляющаго жгута, а напротивъ, скрывается подъ нимъ. На тѣлѣ воина нѣтъ ни хитона, ни пиджера, а лишь плащъ, перекинутый черезъ лѣвое плечо и прикрывающій половыя части, развѣвается позади фигуры; на ногахъ — сапожки, на лѣвой рукѣ щитъ, которымъ онъ заслоняетъ павса; въ той же рукѣ онъ держитъ копье. Правую рукою онъ берется за руку раненаго около плеча. Обнаженный раненый представленъ съ подогнутыми ногами и опущенною къ правому плечу рукою; на обезсиленной его лѣвой рукѣ — щитъ и узкій плащъ, прикрывающій фигуру въ нижней части ея корпуса.

Особенно характеренъ въ этой группѣ мотивъ *поддерживанія обессиленнаго раненаго*, — товарищ не только схватилъ его правой рукою, но, чтобы не дать ему совершенно упасть на землю, *подставилъ свое лѣвое колено* подъ правую его подмышку. Можетъ быть и подобная группа была на картинѣ Марафонской битвы, какъ мы это, думаю, доказали въ упомянутой выше статьѣ относительно главнаго воина, сводящагося къ знаменитой фигурѣ Мильтіада въ Расписной галлерей, но, къ сожалѣнію, мы этого доказать не можемъ. Зато мы находимъ подобную же группу на другомъ памятникѣ V ст.: во фризѣ фигалійскаго храма (Британскій музей) мы видимъ воина, уводящаго легко раненаго изъ сраженія и уно-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 62—63, рис. 11.

²⁾ Б. В. Фармаковскій. Новѣйш. датир. Карагод. кург., стр. 9, рис. 8 и 9.